

Распространяется свободно автором, Еленой Челноковой, сайт www.dreamiech.ru,
Издательство Елены Челноковой, сайт <http://iech.ru/>
Запрещено любое коммерческое использование и распространение, включая платное размещение
на файлообменниках

Елена Челнокова

Странноприимный Дом

(Истории, рассказанные странными людьми)

Распространяется свободно автором, Еленой Челноковой, сайт www.dreamiech.ru,
Издательство Елены Челноковой, сайт <http://iech.ru/>
Запрещено любое коммерческое использование и распространение, включая платное размещение
на файлообменниках

*Выражаю сердечную благодарность
Смайли – моему верному помощнику
в написании этой книги.*

*Посвящается моей семье и всем,
кто сохранил в своем сердце искру
чистой любви к жизни.*

Содержание:

- [История первая. Мертвая идея](#)
- [История вторая. Соль Земли](#)
- [История третья. Путеводная Звезда](#)
- [История четвертая. Дым над водой](#)
- [История пятая. Страх](#)
- [История шестая. «Я тебя люблю!»](#)
- [История седьмая. Больная Душа](#)
- [История восьмая. Тигриный коготь](#)
- [История девятая. «Слава Богу!»](#)
- [История десятая. Обман](#)
- [История одиннадцатая. От любви умирают осенью](#)
- [История двенадцатая. Пробуждение птицы](#)
- [История тринадцатая. Начало дороги в Никуда](#)
- [История четырнадцатая. Баобаб](#)
- [История пятнадцатая. Сны](#)
- [История шестнадцатая. Кавардак](#)
- [История семнадцатая. Барыня-Сударыня](#)
- [История восемнадцатая. Загадай желание](#)
- [История девятнадцатая. Сладкая Жизнь](#)
- [История двадцатая. Призраки](#)
- [История двадцать первая. Продавец очков](#)
- [История двадцать вторая. Игрушечный город](#)
- [История двадцать третья. Замок Любви](#)
- [История двадцать четвертая. Половина](#)
- [История двадцать пятая. Опасность](#)
- [История двадцать шестая. Вершины и границы](#)
- [История двадцать седьмая. Прогулка](#)
- [История двадцать восьмая. Разум](#)

Распространяется свободно автором, Еленой Челноковой, сайт www.dreamiech.ru,
Издательство Елены Челноковой, сайт <http://iech.ru/>
Запрещено любое коммерческое использование и распространение, включая платное размещение
на файлообменниках

[История двадцать девятая. Рысь](#)
[История тридцатая. Бомбей](#)
[История тридцать первая. Фатум](#)
[История тридцать вторая. Ключи от Рая](#)
[История тридцать третья. Семечки](#)
[История тридцать четвертая. Овраг](#)
[История тридцать пятая. Море](#)
[История тридцать шестая. Мера Вины](#)
[История тридцать седьмая. Мозаика](#)
[История тридцать восьмая. Искалеченный Дух](#)
[История тридцать девятая. Ноты мироздания](#)
[История сороковая. Шар Истины](#)
[История сорок первая. Обратная ведомость по
расчетным счетам \(вместо эпилога\)](#)

Странность – влекущая.
Странность – зовущая.
Странность – бродячая.
Странность – незрячая.
Странность – убожество.
Странность – величие.
Одни во множестве –
Странных обличие.
Странность – ранимая,
Богом хранимая.
Странность – Купина Неопалимая.

Мой дом стоит на перепутье двух дорог. Так случилось, что в округе на ближайšie три-четыре километра нет больше никаких поселений. Да и дороги, пересекающиеся недалеко от моего дома, в общем, мало хоженые, – шоссе и трассы пролегают дальше, за лесом и полями. Раньше такой дом назвали бы хутором, а сейчас это просто дом. Почему я здесь живу? – Не знаю. Нравится, вот и всё! Нравится тишина, покой и уединение. Совсем от цивилизации оторваться невозможно. Изредка выбираюсь в ближайший городок за покупками, иногда навещаю там родных, но

всегда спешу скорее назад. Вдруг забредет какой-нибудь странник, а меня дома не окажется? Кто его встретит и накормит? А главное, что некому будет рассказать ему свою историю. Вот и зовут мой дом в округе странноприимным.

Конечно, редко теперь заходят ко мне странники, не то, что раньше. Но истории у них всегда замечательные! Мысль записывать странные рассказы пришла ко мне недавно. Многое уже позабылось, многое помню. Жаль, если эти истории потеряются. Уж больно хороши они бывают! Чудо как хороши! Взять хотя бы вот эту.

История первая

Мёртвая Идея

А что же дальше?
Пусть, как Бог решит.
Не надо фальши
Больше для души!
А что же дальше?
Пусть, как Бог рассудит.
Не надо фальши
Больше и для судеб.
А что же дальше?
Пусть – по Божьей воле.
Вот только фальши
Пусть не будет боле!

Мёртвая Идея родилась у этого Странника за десять лет до нашей с ним встречи. Родилась очень быстро и безболезненно.

Однажды вечером, устав от суетливого дня, Странник прилёг отдохнуть. Очень хотелось спать, но сон не приходил – мешали мысли о бесполезности существования. Близился тридцатый день рождения Странника, хотя Странником он тогда ещё не был. Тогда его можно было назвать Человеком, Входящим в Зрелость. Вот об этом он как раз и размышлял, лёжа на диване и глядя на цветастый ковер на стене:

«Скоро мне исполнится тридцать лет, наступает пора зрелости. А есть ли что-то в моей жизни, что говорило бы о том, что я **СОЗРЕЛ**? Живу убого. Взять хотя бы этот цветастый ковер – пошлость и мещанство! Было бы лучше – персидский, шерстяной. Да только денег у меня даже на персидского кота не хватит, не то, что на ковер...

По службе расти некуда. Пожарная охрана – это вам не высшая школа бизнеса. Вершина карьеры – некролог о героическом спасении ценой собственной жизни годовалого хряка из сарая. Ведь были же у меня какие-то мечты! О чем я мечтал в пору своей бестолковой юности?.. Да много о чем: хотелось стать летчиком, хоккеистом, рокером, артистом, писателем... и что? Где теперь все эти мечты? Запрятаны далеко-далеко в сундуке памяти под толстым слоем пыли и житейских забот.

Семья?.. Не греет. Чего-то не достает. Чего-то очень важного, без чего задыхаешься, и зверски хочется напиться... это не выход: на время забудешься, а потом становится еще гаже – хоть в петлю. Кажется, это называется депрессией, и, кажется, от этого лечат в той же больнице,

кстати, что и алкоголиков... нет, это тоже не выход. Сидеть «на колёсах» без чувств и мыслей куском биомассы?! Неужели весь этот набор гадостей и есть Зрелость?! Нечего сказать, созрел!.. Боже мой! Ведь есть же он где-то этот самый выход! От Зрелости до Старости надо ведь чем-то жить! А это столько же, по крайней мере, сколько уже прожил – тридцать лет!»

Вот тут-то и случились эти самые скорые и безболезненные роды Идеи. Прямо вот так – бац! – и вывалилась она из ниоткуда на Человека, Вступающего в Зрелость: **«ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ БЫЛО ЧЕМ ЖИТЬ ОТ ЗРЕЛОСТИ ДО СТАРОСТИ, НАДО НАЙТИ СМЫСЛ ЖИЗНИ!»**

Вывалилась и лежит, бездыханная, на груди у родителя. Человек осторожненько сел, боясь уронить её, драгоценную, на пол, переложил Идею на свое ещё тепленькое место и устался на неё ошалелыми глазами... Через минуту очухался – надо же что-то делать! В кои-то веки родилось что-то путное! Надо спасать!.. Но как?.. «Скорую» не вызовешь – в реанимацию Мертвую Идею не возьмут. Скорее его самого отправят к «выходу» по второму варианту, по соседству с алкоголиками... Надо придумать что-то самому...

«Господи, Боже ты мой! – Лихорадочно думал «родитель», – как же её реанимировать, идею-то?.. Нужна Живая Вода!.. Бред, конечно! Причем здесь сказки об Иване Царевиче?!»

Но по всему выходило, что для реанимации бредовых мертвых идей подходит только это бредовое русско-народное средство. Ну и что дальше? Где её взять, эту

Живую Воду? В самом деле, не в Тридевятиом же царстве, в Тридесятиом государстве?!

Сбежал наш Человек, Входящий в Зрелость, в магазин и купил на всякий случай разной воды: минеральной «Святой источник», «Нарзан» и даже «огненной» воды бутылочку прихватил. Сомнения, конечно, были, но испробовал всё – не оживает Идея, хоть кричи!

Начал тогда человек копать в книжках разных. Перечитал много чего: от учебника по химии до тех же русских и нерусских народных сказок, от Библии до трактатов по черной и белой магии. В каждой книжке находил он какой-нибудь указатель – где искать Живую Воду, заносил все это в тетрадь, а когда закрыл челоек последнюю книгу, то оказалось, что в тетрадке его записан подробный маршрут поиска всех составных частей Живой Воды.

В тот день и стал Человек, Вступающий в Зрелость, Странником. Много дорог прошел он до нашей с ним встречи. Но до конца пути, по его словам, ещё далеко.

– Слава Богу, Мёртвая Идея не мёртвый человек, со временем не разлагается, но и живой не станет, пока не найдешь эту самую Живую Воду!» – сказал мне Странник на прощание.

История вторая

Соль Земли

На семи ветрах
У семи дорог

Бьются в пух и прах
О чужой порог
Семь безликих тел,
Семь бескрылых душ.
Кто когда хотел
В этот мрак, в ту глушь?!
Кто когда туда
Самочинно шёл,
Где разрыв-беда
За своей душой?!
Семь замков висят
На семи домах.
Семь столбов стоят
На семи ветрах...
Семь ключей впотьмах
Как мне отыскать?
На семи ветрах
Мне всю жизнь стоять!

О Соли Земли ходит по миру много разных историй, легенд и мифов. У некоторых народов Соль Земли является даже Верховным Божеством: строят в её честь храмы, возносят к ней молитвы, приносят жертвы.

И, конечно же, Соль Земли – это, не тот банальный натрий-хлор, который мы вами привыкли употреблять в пищу. Наш любимый натрий-хлор, как уже доказано наукой, вовсе даже не полезен человеческому организму. А йоги и многие, продвинутые в познании человеческого организма, люди этот самый натрий-хлор нещадно выводят из себя всевозможными способами, продляя тем самым свою продвинутую жизнь.

Так вот, в этой истории речь пойдет о другой Соли Земли, формулу которой химики ещё не открыли. Да и найдётся ли ей место в знаменитой Таблице Менделеева?

Странник, рассказавший мне эту историю, был очень необычным странником. И хотя все странники имеют свои странности, этот отличался особо. Чем же? Ну, во-первых, от еды он отказался вообще, даже чаю не выпил. И спать не стал. Вернее сказать, что не спал, как это делаем все мы, обычные люди, и как спали все странники, заходившие в мой до м до него и после. Во-вторых, возраста он был неопределённого. Временами казалось, что возраста у него нет вообще... Да и был ли Странник тот человеком?! Вот вопрос!.. Я стараюсь об этом не думать. Странноприимный Дом есть странноприимный дом... Ну, да перейдем к сути, к Соли, так сказать, Земли. Вот какую историю рассказал мне этот Странник.

Попробовать Соль Земли нельзя. Увидеть можно, но не глазами, а чем-то ещё, что есть в человеке, но спрятано за семью печатями. Поэтому видят ту Соль лишь немногие. Нужна ли она людям, если её мало кто может видеть? – В том-то и соль, что нужна! Без неё чело век вроде как и не человек вовсе, так – скотинка словесная. Случилось так, что Странник увидел эту самую Соль Земли нечаянно. Жил себе, жил – и вдруг увидел. Почему слетели у него внутри семь печатей, которые скрывали то, чем он увидел, Странник не помнил. Потому как открывшееся ему отрезало в памяти всё, что было до этого. Позабыл он, как его зовут, где его дом, кто родные, всё-всё! И отправился странствовать. Для чего? А чтобы понять, везде ли на Земле есть эта Соль, и есть ли на свете ещё кто-нибудь, кто её видел.

По дороге рассказывал людям о ней, о Соли Земли. Кто-то слушал Странника и удивлялся, кто-то смеялся и крутил пальцем у виска, а кто-то злился и брался за камни да ружья. Бывало, что побивали его камнями и пулями! И знал тогда Странник, что умирает, но... всегда после этого обнаруживал, что идет по дороге живым и невредимым: ни синяка, ни царапины! Да, с тех же самых пор, как увидел Соль Земли, и перестал Странник нуждаться в еде и отдыхе. Не хочет с тех пор ни есть, ни спать – и ничего, живой!.. Хотя...

Ну да ладно, продолжим.

Так вот, бывали среди тех, кому он рассказывал о Соли Земли, и такие, кто называл Странника пророком, Мессией, Спасителем и начинал просить его показать им чудо. От этих он бежал, сломя голову! Поскольку ни пророком, ни Мессией, ни Спасителем не был, а переубедить людей в этом не мог. Но главное, зачем он отправился странствовать, – узнать, везде ли есть Соль Земли, – находил всегда. Везде, где бы он ни был, Странник видел её неизменно. Да так, наверное, и должно быть. Ведь если *Соль Земли*, то она должна быть повсюду, по всей Земле!

И ещё одно понял Странник, странствуя: не хочет он есть и спать потому, что питает его и дает сил она, родимая, эта самая Соль. И остаётся Странник в живых по сте пуль и камней тоже благодаря ей. Чудеса, да и только! Какой уж там натрий-хлор?! Оказалось также, что есть на свете люди, такие же, как и сам Странник: так же видят эту Соль Земли, так же не едят и не спят, как он. И что интересно – общается с ними Странник всегда, когда ему это нужно, без всяких там телефонов и Интернета. Просто захотел и пообщался! Вот как!

Зачем же, спрашивается, Странник пришел ко мне? –
Рассказать, так же, как и другим...

Ну и что?.. Всё это, конечно же, хорошо. Скажу больше –
здорово!

И я так же х о ч у, как этот Странник, не есть, не спать и
чтоб камни меня не брали да пули, и все захотят! Польза от
этой Соли Земли очевидная: избавляет она человека от его
самых обременительных потребностей!

Да только как сорвать семь печатей, что скрывают во мне
Око, способное узреть Соль Земли?..

Этого мне Странник не сказал.

«Твои печати, ты и думай!» – был его ответ.

История третья

Путеводная Звезда

Зов бабочки. Что может быть прекрасней?!

Кто только раз услышал этот зов

Поймёт, что тратил силы он напрасно

И предавал всю жизнь одну Любовь.

Любовь к той бабочке. Той, что звала, манила.

Любовь к звезде в полночной черноте,

И к той безбрежности, где всё черпает силы,

Любовь, которую найти всю жизнь хотел,

Что бытие досель без смысла, пусто было

И что вокруг не так всё и не те.

Лишь только бабочка его ждала, любила.

Поймёт, как перед смертью на кресте...

И этот зов перевернёт вдруг жизнь,

Открыв душе небес бездонных синь.

– Я странствую за Путеводной Звездой, – так начал свой рассказ Странник. – У вас есть Путеводная Звезда? А, впрочем, очевидно, что нет. Иначе я не застал бы Вас дома. Было время, когда и я тоже домоседствовал. Теперь – всё время в пути. Почему? – Все очень просто. Меня позвала Она, Путеводная Звезда. Куда я иду?.. Зачем?.. Вы знаете, это – Ваши вопросы, но не мои. С тех пор как я услышал **зов**, для меня уже не существует многих Ваших вопросов: «Где?», «Когда?», «Куда?», «Зачем?», «Почему?» Это вопросы моей прошлой жизни, жизни без Путеводной Звезды.

Раньше, когда я был Домоседом, я, так же, как и Вы, задавал себе и другим все эти вопросы. Порою некоторые из них даже мучили меня, и довольно долгое время. Ну вот, например, вопрос «Где?». Где жить, учиться, работать, спать, есть, встречать Новый год, отдыхать?.. Или другой вопрос: «Когда?» Когда плакать, а когда смеяться? Когда заниматься любимым делом, здоровьем, производить на свет детей, умирать?.. Куда мы все идем?.. Почему живем так, а не иначе?.. Не правда ли, человек не может жить, не задавая себе и другим этих или подобных этим вопросов. Так жил и я.

И вот однажды, когда один из жизненно важных вопросов замучил меня до отчаяния, я, обессиленный, поднял глаза к небу и увидел... Путеводную Звезду? Нет, нет! Сначала я **увидел небо!**

Ну и что же здесь особенного? Конечно, на первый взгляд ничего. Все мы знаем, что небо есть, и все мы изредка поднимаем к нему глаза. А вот **видим** ли мы его при этом? Не знаю, как Вы, а я до того замечательного мгновения **неба не видел**. Был поздний вечер конца августа. А Вы знаете,

каким бывает вечернее небо в конце августа! О! Это поистине впечатляющее зрелище! Мириады живых огоньков в иссиня-черной бездне! Я не мог оторвать взгляда от этого магического великолепия.

«Боже мой! Какими ничтожными кажутся все мои вопросы тому, кто наблюдает за нами вон с той звезды, – подумал я, отметив самую яркую точку прямо над моей головой. – Да и можно ли оттуда увидеть их, если и меня самого вряд ли различишь с такого расстояния?!» Я попытался охватить небо взглядом, но не смог. У меня закружилась голова. Боясь упасть, я присел на скамейку и, опершись спиной о дерево, стоявшее возле, снова поднял глаза к небу. Бесконечность его притягивала как магнит. Нечего и говорить, что мучивший меня вопрос, равно как и все остальные, бесследно исчез из моей головы. Казалось, что и я растворяюсь, сливаюсь с этой бездной вслед за всеми моими вопросами. **ТАМ, В НЕБЕ, НЕ БЫЛО НИЧЕГО! И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ТАМ БЫЛО ВСЕ! ТАМ БЫЛА НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ, НАПОЛНЕННАЯ ДО КРАЕВ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО!**

Знаю, все это звучит странно, но по-другому не могу описать то, что я увидел... нет, скорее почувствовал, ощутил... воспринял.

Можете ли Вы меня понять? Никто из моих друзей и близких не смог. Все сочли меня сумасшедшим. А мне уже было все равно, что и как обо мне думают. Ведь после этого вечера у меня не осталось ни одного вопроса... но, я забегаю вперед. А тогда...

Тогда, растворившись в живой бездонности неба, я вдруг услышал *зв.* Это был голос, который я *слышал* всем своим существом. Неземной, чудесный и одновременно

обжигающий голос. Он звал меня по имени ласково и в то же время требовательно! Я начал искать того, кому принадлежал этот голос. И увидел её, мою Звезду. Боже мой! Как мог я столько лет смотреть только себе под ноги?! Как мог я столько лет искать ответы на дурацкие вопросы и не знать о её существовании?! Все чувства смешались во мне, но были вытеснены одним – чувством единства с моей звездой!

Звезда сияла всего лишь мгновение, но это мгновение вместило в себя целую вечность! Я понял всё, что хотел понять, я узнал всё, что хотел узнать. Но самое главное – я знал теперь, что мне делать. Звезда отправила меня в Странствие по жизни. Она указала мне путь, моя Путеводная Звезда. Она и вёдет меня все дальше и дальше. Я странствую уже много лет и ни разу не пожалел о том, что перестал быть Домоседом.

У каждого ли есть она, Путеводная Звезда? Попробуйте взглянуть на небо. Нужна ли она Вам? Задайте этот вопрос себе. – Закончил свой рассказ Странник и покинул мой дом.

История четвертая

Дым над водой

Садится солнце, вены вскрыв.
Садится за рекой в обрыв
(По небу расплескалась кровь)
чтоб завтра возродиться вновь.
Замкнулся вечный круг рождений
Венком блаженных сновидений.

Кровь смоев сумерек прибой,
Взяв умирание с собой.
А утро вновь восход окрасит
Рожденья алой крови мастью,
Чтоб вечером вспоролo вены
Светило новой смерти сменой.
Так, возрождаясь, умираем,
Как день и ночь, как май за маем,
Окрасив пурпуром знаменье
Посмертных судорог рожденья.
А передышкой – сон блаженный
Вне мук и тягот плоти брeнной.
Но солнце всходит вновь. И вновь
По небу расплескалась кровь...

Смеркалось. Костерок, разведённый на берегу озерца, что неподалеку от моего дома, весело потрескивал, пуская искры. Малышки поднимались в небо и превращались там в звездочки. Теплый июньский вечер был безветренным и уютным. Над водой тянулась полоска дыма, которую оставил после себя хворост, ставший теперь пламенем костра...

– Чудный вечер! – Произнёс кто-то за моей спиной. – Ради такой картины стоило пройти сотни верст!..

Разрешения присесть к костру не требовалось – это был Странник. Тем временем полоска дыма растаяла в легком тумане над озерцом. То здесь, то там водную гладь и тишину нарушали всплески охотившейся рыбы...

– Дым над водой, – сказал Странник задумчиво, – знаете, а ведь всё это уже было. Я всё это уже видел: такой же теплый и тихий вечер, озеро, костерок, и полоска дыма, сливающаяся с туманом. И Вас я уже знал когда-то. Вам не

кажется?.. Мы также сидели с Вами у костра, и я рассказывал о Дыме над Водой. Не помните? Нет?.. А жаль... Дым над Водой... Это было очень давно. Так давно, что кажется, будто всё это случилось не со мной, а с кем-то другим.

Я был тогда ещё ребенком, маленьким мальчиком пяти или шести лет. Мои родители умерли во время эпидемии какой-то страшной болезни, скосившей многих, а я чудом выжил. Растили меня дед с бабкой. Хотя это сильно сказано – растили. Сами понимаете, что большую часть времени я был предоставлен сам себе. Летом я всё время проводил на улице. Засыпал где придётся, питался чем придётся. Благо, в деревне с этим проще, чем в городе. И были у меня тогда друзья-товарищи, такие же сопливые и голозадые, как и я сам. Бывало, что дрались мы с ними не на жизнь, а на смерть. Но быстро мирились и дружили так же, не на жизнь, а на смерть. И всё тогда было таким живым и чудесным, таким наполненным чем-то, что не передать словами!

Трое нас было, друзей-товарищей, а я – самый младший. И вот однажды отправились мы рыбачить вот к такому же озерцу, как это, неподалёку от нашей деревни. И вечер был точно такой же, как сейчас, и костерок точно так же потрескивал и бросал искры в небо, и дым над водой... Мы тогда ничего не боялись – страшно поодиночке, а втроём и море по колено! Клёв был отменный. Наловили мы карасей и решили заварить ушицы. Почистили рыбёшку, бросили в котелок и сидим, ждём, когда сварится, смотрим, как стелется над водой дым. Тишина была такая, что говорить не хотелось.

И вдруг вижу я, как дым над водой начинает клубиться как вода в котелке, пузырями. Сильнее, сильнее, выше и выше. И показалось мне, что дым этот вовсе не дым, а вода,

поднимающаяся прямо в небо. И в этой воде, белой-белой на фоне синевато-чёрных сумерек, проглядывают очертания человеческой фигуры. Как будто старец какой в длинном плаще. Раскинул этот старец руки и говорит: «Всё уже было! Всё уже было! И будет всё так, как есть!» Испугался я, мамочки мои! А закричать не могу, и с места сдвинуться тоже. Старец тот сложил руки на груди и исчез. А я словно впал в забытьё.

Очнулся я у костра. Вода в котелке булькает, а друзей-товарищей моих и след простыл. Как я до дома добрался – не знаю. Дружки мои утром объявились и на смех меня подняли: «Не ходили, говорят, мы с тобой никуда!»

Так я про старца того с тех пор больше никому и не рассказывал. А как в возраст вошёл, так отправился его искать. Дым над Водой мне с тех пор по юя не даёт... Всё уже было! Было и это. И будет всё так, как есть!.. Что это значит? С тех пор, где бы я ни был, куда бы ни шёл, кажется мне, что всё уже было! Скажите мне, было ли это? Встречались мы с вами раньше или нет?

Лицо Странника в отсветах пламени костра действительно показалось мне очень знакомым... и его манера говорить... и голос... и движения...

А, может, и вправду всё это уже было? Но где и когда?..
Не знаю.

История пятая

Страх

О смерти думать, жизнь пугая,
У смертных не заведено.
Пути свои без дум слагаем,
Пока хватает сил, но... но,
Встречаясь, походя, с гробами
Во всякий час и всякий раз,
Мы думаем: «Так будет с нами!»,
Смахнув слезу с усталых глаз.
И тут же в суету, за дело,
Чтоб эти думы позабыть.
А если бы всегда болело,
Мы по-другому стали б жить...

Объятия Страха цепкие и холодные. Каждому из нас приходилось с ним обниматься. Не ошибусь, если скажу, что не единожды в жизни. И каждый по-своему старается из этих объятий высвободиться. У кого получается, тот живет себе дальше, до следующих объятий. У кого нет – тот таскает Страх на себе всю свою жизнь. А есть и такие, которые бегают от него, да только убежать всё равно не могут. Но Странник, рассказавший мне эту историю, был не из тех, не из других и не из третьих. Он был...

Нет, лучше всё по порядку.

Всем известно, что есть вещи, без которых жизнь человеческая никак не обходится. Они, как бы, составляют самую суть человеческого существования. С детства нас всех учат тому, что же есть наша жизнь. А к зрелости мы уже имеем в своём «заплечном мешке» полный её комплект: это – так, это – не так, этого не может быть, это – вполне вероятно. И, кстати, многие из этих вещей мы узнаем благодаря Страху. Отучают, к примеру, ребёнка от соски.

Намазали горчицей. Попробовал ребёнок, – жжётся! – и не берёт больше соску в рот. – Страшно. Или вот ещё: не знает ребенок, что такое высота. Упал, разбил себе нос, – больше не полезет на верхотуру. – Страшно. И дальше в том же духе, продолжать не буду

Странник мой родился таким, как и все нормальные люди. А когда подрастать стал, то обнаружилось, что не действуют на него эти самые объятия Страха. Мало того, Страх даже близко к нему не подходит! Почему? Никто не знал. Водили Странника в детстве родители по врачам, профессорам, а те, в свою очередь, обследовали его самым тщательным образом. Однако и анализы, и приборы показывали: «Ребёнок здоров!» Да он и вправду был здоровее многих своих сверстников. Вот только Страха в нём не было вообще никакого!

Прописали тогда врачи Страннику-ребёнку страшные сказки читать да фильмы ужасов смотреть – пусть, мол, читает, смотрит и учится бояться. Толку от этих рецептов не было никакого. А когда он вырос, то отправился странствовать по свету, искать то, без чего он словно бы и не человек – Страх. Очень хотелось ему х о б р а в жизни обняться со Страхом. Обошёл Странник всю Землю и не один раз, испробовал всё, чего положено людям бояться – не берёт его ничего!

И вот, как-то раз присел Странник отдохнуть на полянке посреди берёзовой рощи. Только разложил на полотенце хлеб-соль, как выходит из-за деревьев девушка красоты неопикуемой и говорит:

– Здравствуй, Странник! Не меня ли ты ищешь, странствуя по свету?

– Да нет, – отвечает Странник, – по всему видно, не тебя.

Подошла девушка поближе и снова спрашивает:

– Откуда ты знаешь, что не меня?

– Да не похожа ты на то, что я ищу, вот и всё! – говорит ей Странник. – Садись-ка, лучше, покушай со мной и расскажи, кто ты и что делаешь одна в лесу.

Девушка села рядом, но есть отказалась. Сидит и смотрит на Странника, улыбается... И как-то нехорошо ему сделалось от этой улыбки, как-то не по себе.

– Кто ты? – спрашивает красавицу.

– Я твоя Смерть, – отвечает она, улыбаясь, – хочешь, я тебя обниму? Ведь ты столько лет ищешь меня по свету! Вот я и решила, что пришла пора нам встретиться.

– Что-то не похожа ты на смерть, – сказал Странник, чувствуя холод на пояснице. – Видел я её много раз...

А холод поднимался по спине Странника всё выше и выше, подбираясь прямо к сердцу...

– Ты видел не свою Смерть, а чужую. У каждого человека своя Смерть. Вот я и не похожа на то, что ты видел раньше, – отвечала девушка, подсаживаясь ближе к Страннику и кладя ему руку на плечо.

Сковало тут сердце Странника льдом и заняло в груди нещадно...

– Ну, хорошо, верю я тебе, – задыхаясь, проговорил он, пытаясь скинуть с плеча холодную ладонь, – но искал-то я не тебя, а Страх! Умирать мне пока рановато!

Сняла девушка руку с плеча Странника, и сразу отлегло у него от сердца, потеплело.

– Если бы тебе пришла пора умирать, то я и говорить бы с тобой не стала, – сказала девушка, отодвигаясь от Странника. – А видишь ты меня и говоришь со мной потому, что удивил меня очень своими поисками. Страх – это я! Возьми меня с

собой в дорогу, и ты поймёшь, что это правда. Тот, кто ищет Страх, достоин Смерти в попутчики! А тот, кто от Страха бежит, найдёт Смерть. Избавившись от Страха, вновь его встретишь. И так до тех пор, пока не поймёшь, что Страх и Смерть – одно и то же!

Взял Странник свою Смерть в попутчики. С тех пор искать Страх перестал. Но, странствуя, всегда спрашивал свою Смерть, стоит ему бояться чего-то или нет.

Не знаю, правда ли всё это, да только когда Странник этот гостил в моём доме, холод пронизывал мою спину, подбираясь временами к сердцу... Объятия Страха?.. Очень похоже!..

Или Смерти...

История шестая.

«Я тебя люблю!»

Надежды нет... Последний вечер

Зажёг на небе звёзды-свечи.

Прощальный диск седой луны...

Нас нет уж больше. Были мы...

Мы были. Так недолго были!

Недолгость нашу уложили

В года разлуки. Краткость встреч

Оплачем воском звёздных свеч!

Их срок означен – до зари.

Ты ничего не говори...

Надежды больше нет... и нас...

Прощаемся... В который раз?!

Даже не знаю, с чего начать пересказ этой истории... Рука написала название, а это, знаете, как конституция любого государства – незыблемо: вносить поправки можно только в её текст, но не в название. Я внутренне сопротивляюсь – уж больно знакомо, даже банально... хотя с какой стороны посмотреть...

Ну да ладно! Будь что будет. Начну, как получится.

Странник этот был Странником-собирателем. Народных преданий, легенд и песен? – Вовсе нет. Драгоценных камней и металлов? – Отнюдь. Собирал он, – вы удивитесь! – **Признания в любви!** «Ну и ну! Вот это да!» – Такова была моя первая реакция на сообщение о цели его собирательства. А впрочем, почему бы и нет? Каждый собирает то, что ему нравится: грибы, ягоды, металлолом, макулатуру, признания в... Пстой, пстой! Неувязочка выходит! Грибы, ягоды, металлолом, макулатуру собирают известно для чего: засолить, варенья наварить, сдать в пункт приема и получить денежки. А тут? Для чего собирать **признания в любви?** Оказалось, что так просто, для удовольствия.

Удовольствие, конечно, штука приятная и даже необходимая, если смотреть глубже. Но на хлеб его, извините, не намажешь и к чаю не подашь. Да и денег за него вряд ли где дадут. Я понимаю, если ты сделал кому-то приятное, то можно и счет предъявить за это. Но когда удовольствие твоё собственное, то здесь, пожалуй, и без штанов остаться можно, если его коллекционировать. Какой уж там заработок? Одни убытки! Но странники, они на то и странники, что в наши домоседские рамки не вписываются.

Оказалось, что коллекционировать, то есть собирать...

Вот тебе и на! А ведь разница-то большая! Собирать ведь можно по-разному, в том числе и коллекционировать тоже...

Не будем, однако, разбираться в тонкостях! Наш Странник-собиратель был именно коллекционером. Так вот, собирать признания в любви можно всю жизнь, от младенчества до старости. Странник занялся этим в юности, а рассказал мне свою историю в середине зрелости...

Не сложно я изъясняюсь?.. Ну, да уж как получается! Идем дальше.

Что натолкнуло его на мысль о подобном собирательстве известно доподлинно: Первая Любовь. Влюбился он в девушку из параллельного класса, а она почему-то взаимностью ему не ответила. Не услышал он тогда тех самых заветных слов: «Я тебя люблю!», помучился немного, да и отправился странствовать и собирать эти слова по свету. К тому дню, когда зашёл он ко мне на огонёк, у Странника в котомке набралось очень много самых разных признаний в любви, и сделаны они были ему лично, а не какому-нибудь там Ромео Джульеттой.

Удовольствие от этих признаний Странник, конечно же, получал, а вот Удовлетворения – никакого! К концу его рассказа о странствиях стало понятно мне, что же заставляет Странника собирать «Я тебя люблю!», что же гонит его от тех, кто говорит ему эти заветные слова: неудовлетворённость!

Слова, как выясняется, словам рознь: бывают живые и мёртвые, как люди. Что отличает мёртвого человека от живого? Правильно – чувства! Вот так и со словами. Оказалось, что многие *говорили* Страннику: «Я тебя люблю!», да только *сказать* этих заветных слов не смог до той поры никто!

Закончит ли этот Странник-собиратель когда-нибудь своё странствие? Как знать? Дай Бог ему найти Удовлетворение вместо Удовольствия!

История седьмая

Больная Душа

Куда сбежать от этой боли?!
Страшнее пыток и неволи
Та боль в груди! Кровь запеклась...
Душа моя изорвалась
На части мелкие, куски
От непонятной мне тоски.
Слёз мало. Всхлипы лишь и стоны
Могу лишь только издавать,
В беззвучном плаче сотрясать
Все члены бранные. А громы
Внутри меня – девятый вал!
Кто этот грохот услышал,
Оглухнет, право, навсегда.
Тот гром – Вселенская Беда!

История о Больной Душе как-то особенно задела меня за душу. Да и это, наверное, правильно. Душа (если она есть, конечно!) всегда откликается на рассказы о другой Душе, будь то рассказы печальные или радостные. Бывают, я знаю, люди совсем без Души. Их тогда так и называют – бездушные люди. Понятно, что если человек с Душой, то может его Душа и болеть, и радоваться, и даже петь. Все, кто

имеет это удивительное человеческое приспособление, знают, как это бывает. Приходилось мне слышать также, что Души есть и у животных, птиц, растений всяких, и даже у камней. Слышать приходилось, а вот видеть, не буду враг, нет. Обо всём же, что касается Души Человеческой, знаю не понаслышке. И болела она у меня, и радовалась, и пела. Да пела, бывало, так громко и зычно, что...

Что это я? Ведь история эта не о моей больной душе...

Всех своих странников я люблю, жалею, когда требуется, и желаю успеха в их нелёгком деле. А этот, с Больной Душой, уж до того был жаленный, что и высказать не могу! Родственные, что ли, Души наши были? Не знаю. Только когда рассказывал он мне свою историю, слёзы ручьями текли из моих глаз.

Жил этот Странник до того, как отправиться в странствие, и не подозревал, что есть у него Душа. Работал, кормил семью, крутился, как мог. И вот однажды заныло что-то у него в груди, в самой её середине. Да заныло так, что хоть вой! Вроде бы и телесная была боль эта, но не совсем. Кричало, словно, что-то у него в груди, надрывалось, даже плакало. Сам человек, будущий Странник, плакать не мог. В горле его стоял будто бы ком какой. Этот вот ком и мешал проливаться слезам из глаз. Да и плакать без причины неловко было ему, стыдно. А причин плакать и вправду будто бы не было: дом – полная чаша, дети здоровы, жена в порядке. Но болело в груди невыносимо!

Признаться, человек в этом никому не мог, – боялся, что не поймут. Да пришлось всё же, потому как в один из дней кричать стал он вместе с Душой. Вызвали тогда к человеку врача, специалиста по душевной боли. Оказалось, что болезнь эту легко вылечить можно. Есть такие таблетки, а

если боль уж очень сильная, то и уколы, и электрические приборы, способные отключить Душу, чтоб не болела. Это всё равно, как с ногой или другим чем: болит – отрезали, и нечему больше болеть. Предложили человеку эти таблетки, уколы да электроприборы испробовать в малых дозах, конечно, чтобы посмотреть на реакцию организма – не будет ли каких прыщиков по телу. Согласился, бедолага. Попробовал. Сыпь по телу не пошла, а облегчения он не почувствовал. Вернее, почувствовал, но не облегчение вовсе, а что-то вроде заморозки. Сами знаете, что это такое, зубы-то, небось, дёргали. А если кто не дёргал, то желаю не испытать этого подольше...

Так вот, Душа-то у человека словно бы и не болела, но сам он после этих таблеток и уколов точно замороженный становился. Не чувствовал ничего вообще!

Отказался тогда человек от такого лечения и пошёл странствовать – искать лекарства от Душевной Боли. Понял он, что все люди разные, а, значит, и лекарства должны быть у каждого свои. Есть, говорят, какое-то одно, общее для всех средство. Да только Странник этого средства пока не нашёл, но обещал мне, если найдет, то вернётся и расскажет.

А я поищу пока это средство в рассказах других странников. Они – народ дотошный! Авось вместе как-нибудь и отыщем.

А вы не знаете, чем лечить Больную Душу?.. Если знаете, то поделитесь, будьте душевными!

История восьмая

Тигриный коготь

Бродила нищей я дорогами Тибета,
Спала на каменном полу в убогих кельях
Монастырей и храмов, всё лишь с целью:
Найти на жизнь свою, единственно, ответы.
Страна снегов безмолвным величием
Свои секреты охраняла строго.
Но вот однажды на Прямой Дороге
Открылась Истина мне в старика обличье.
То был тсхам-па, монах, тибетский лама.
Он мне сказал: «В себе ищи ответа!
Ты не найдёшь его в монастырях и храмах.
Ты не найдёшь его ни в книгах, ни в скрижалях.
В тебе самой разгадка тайн Тибета:
Ты – рукоять и острие кинжала!»

Не перестаю удивляться тому, о чем рассказывают мне Странники! Провожая каждого из них, думаю о том, что придется мне услышать в следующий раз, потому жду новой встречи очень. И ожидание моё, иногда очень долгое, всегда бывает вознаграждено сполна. Так было и с историей о Тигрином Когте. Послушайте эту легенду и вы.

Когда-то, давным-давно, жил на Земле Великий Тигр. Впрочем, как выяснилось, живет он и сейчас, только не встречает его теперь никто. Почему? Слушайте дальше. Великий Тигр правил тогда всей Землей. Он был мудр и рассудителен, ласков и грозен. От его устрашающего рыка сдвигались горы и пересыхали реки. Но и ласка его была

необыкновенной: всё живое на Земле радовалось нежным прикосновениям его могучих лап. А уж о мудрости Великого Тигра ходили в те времена по Земле легенды.

Говорили ещё, что конца у Великой Тигриной Жизни не было, нет, и не будет, и что делится Тигр своими секретами бессмертия только с избранными. Рассказывали, что первым избранным стал Великий Орёл, заслуживший такую честь своим бесстрашием, честностью и верностью. Вторым – Великий Медведь, ставший бессмертным за свою силу, доброту и мудрость. Третьим бессмертным стал Великий Олень, который покорила Великого Тигра красотой, грацией и быстротой бега. И так было в каждом животном, птичьем и рыбьем роду: обязательно находился избранник, которому Великий Тигр давал свой дар бессмертия. Вместе с этим чудесным даром получали все бессмертные и право вершить мудрый суд, обязанность оберегать свой род от напастей и радовать его в дни Праздников. И всё было гармонично на Земле в те времена, всё спокойно и правильно, пока не появился на ней род человеческий...

Надо сказать, что отличием всех Великих бессмертных избранников был амулет, который они носили в своем сердце: Коготь Великого Тигра. Как получалось, что этот коготь оказывался в сердце избранного, никто не знал. Да только все видели его в сердце каждого избранника и испытывали при этом в своих сердцах трепет благоговения. И лишь представители рода человеческого не могли ничего видеть.

Кто и почему так устроил всё на Земле, было никому не известно. Всем было достаточно того, что они просто жили счастливо и спокойно. В те далекие времена понимали люди ещё язык зверей и птиц и слышали от них рассказы о

Великом Тигре и его избранниках. Некоторые из представителей рода человеческого даже встречались с Великим Тигром по необходимости, а иногда и просто так. Да только, когда встречали люди Великого Тигра просто так, не могли отличить его от обычного тигра.

Почему? Кто знает, быть может, причиной тому было то, что в сердцах представителей рода человеческого присутствовало одно качество, которого не было в сердцах представителей других родов – зависть? Имели люди в сердцах своих, конечно же, и любовь. Без этого качества они просто не смогли бы появиться на Земле. Но зависть портила всё и нарушала прежнюю гармонию сосуществования родов.

Именно из-за этого качества и стали люди убивать зверей, птиц и рыб, пытаясь отыскать среди них бессмертного. Зная о том, что в сердцах избранников есть Коготь Великого Тигра, думали люди, что, съев сердце избранного, получают они Дар Великого Тигра и тоже станут избранниками. Великая Обезьяна, под опеку которой был отдан род человеческий в силу схожести внутренней и внешней, строго наказывала охотников за сердцами, говорила людям о бесполезности этого занятия, поскольку *Дар* можно получить только в *дар*. Но люди не слушали Великую Обезьяну. Мало того, начали охотиться на неё саму. Ведь в сердце Великой Обезьяны также был Тигриный Коготь.

Особенно туго пришлось, конечно же, тиграм. Люди думали, что, убив тигра и взяв его коготь, они также смогут обрести могущество и бессмертие. У некоторых охотников на груди висели целые ожерелья из тигриных когтей. Когда же истребление животных, птиц и рыб достигло недозволенного предела, Великий Тигр обрушил на род человеческий весь свой Великий Гнев.

Страшен Великий Гнев Великого Тигра! Стихия бушевала семь дней и семь ночей. Все Великие Бессмертные, конечно, позаботились о своих подопечных. А род человеческий смыло с лица Земли начисто. Потом обнаружилось, что остались в живых некоторые представители рода людей из числа почитавших Великую Обезьяну и слушавшихся её. Да вот только, с тех самых пор отделил Великий Тигр людей от птиц, зверей и рыб. И перестали представители рода человеческого понимать их язык – дабы не повторилась История Истребления.

Легенду эту с тех пор никто из людей не слышал и о Великом Тигре с его чудесным даром не знал, пока...

Пока не пришел ко мне в гости Странник, узнавший всё это из какой-то древней-древней книги, которая случайно, а может, и не случайно, попала к нему в руки. И так захотелось тогда Страннику встретиться с Великим Тигром, что в тот же день он отправился в путь. Случилась эта встреча или нет, про то мне не ведомо. Не сказал этого Странник. Да вот только... показалось мне, что сияет в его груди нечто странное. Будто бы лезвие загнутого кинжала... или Тигриный Коготь?

«Не может быть!» – подумалось мне, когда наваждение исчезло. А там... как знать?

История девятая

«Слава Богу!»

Слава Богу! Слава Богу!

«Слава Богу!» – это много!

«Слава Богу!» – путь-дорогу

С этим легче одолеть!
Пусть о плечи хлыст да плеть,
Пусть в лицо метель да ветер,
Мне не холодно – на свете
Есть четыре главных слога:
«Слава Богу! Слава Богу!»
С ними и в мороз тепло,
В темноте, как днём светло,
Боль уходит, твёрже ноги
«Слава Богу! Слава Богу!» –
С ними не страшна мне смерть!
Всё, что было, будет впредь!
Я приму любую битву!
В сердце у меня молитва.
В ней всего четыре слога:
«Слава Богу! Слава Богу»

Этому Страннику, по его словам, было (не поверите!) триста лет! Не поверилось и мне. Но после его рассказа подумалось: «Ну, если так, то всё возможно!»

На вид Странник был старым человеком, – около семидесяти лет. Именно в семьдесят лет его настоящего возраста, то есть, двести тридцать (!) лет назад, если считать от дня нашей с ним встречи, и отправился он странствовать по белу свету. В начале погнала его из дому нужда. Ходил Странник и просил у добрых людей «За ради Бога!» и «Христа ради!». А где-то годам к ста подвернулось ему местечко одно для жизни. Обрадовался Странник. Годы уже немалые, да и ноги ходить устали. Пожил он в этом местечке лет двадцать (!) и понял, что пора уходить. Почему? Странно смотреть на него люди стали, колдуном за глаза называть,

сторониться. А дети малые откровенно плевались да камнями забрасывали. Поумирали к этому времени в том местечке все старцы его возраста, да и новые уже появились – время-то идёт! А Странник наш живёхонек, коптит небо и радуется. Вот и стало ему невозможно оставаться там дольше.

Собрал Странник в котомку свои нехитрые пожитки и отправился туда, где его никто не знает. И возраст свой с тех пор скрывать стал от добрых людей. Потому как непонятно им было такое его долголетное житие. Объяснить же сей феномен Странник не мог даже сам себе, не только людям. Задумывался он по началу, недоумевал: «Почему это Бог никак не приберёт меня к себе? Неужто я самый великий грешник на земле? Такой грешный, что и она, родимая матушка, от меня отказывается?» Вспоминал тогда Странник всю свою жизнь, сравнивал с другими людьми, и получалось, что нет, не самый великий грешник. Бросил потом он это занятие, – живи, коли живётся в радость!

Пробовал Странник-старец селиться в монастырях. По всему выходило, что там ему самое и место. Но и там он жил лет по десять, по пятнадцать – не более. Потому как странно устроена была голова долгожителя: не держались в ней длинные молитвы да псалмы. А ноги, отдохнув положенное, снова просились в дорогу, да и люди начинали коситься и злобствовать. Таким манером обошёл Странник всю Землю, даже в странах заморских бывал и живал. Разные люди ему встречались, разные монастыри и храмы, но нигде по всей Земле не слыхали про то, что можно жить так долго, как живет он. О возрасте своём он теперь умалчивал, выпрашивал о долгожителях словно ненароком. Думать и размышлять о том, почему он так долго живёт, Странник

бросил, но ответ на этот вопрос получить всё же хотел. Оно и понятно! Любой бы на его месте захотел!

Полагаю, спросите вы меня вот о чём: неужели же не болел этот Странник за все свои триста лет жизни? – Как не болеть? Болел. Странствовать приходилось и в дождь, и в снег, и в любую непогоду. Простужался, конечно, старец и калечился, болели, бывало, у него и руки, и ноги. Но выздоравливал на удивление быстро. Попал, к примеру, старец под дождь, промок весь, до последней нитки, и чувствует, как забил его озноб, заломило все косточки до единой. Укроется тогда Странник от непогоды в первом попавшемся убежище, – стоге сена или пещерке какой, – и заснёт, приготовившись умереть. А наутро просыпается здоровым, бодрым и весёлым. Тоже загадка! Иной человек после таких простуд и в гроб ложится, отвалившись в лихорадке неделю. А старец наш, словно заколдованный! И о б это м думал о н ино да: «А не зако до вл ли кто меня часом?.. Только вот зачем?» и, недолго думая, снова отправлялся в путь.

Только недавно, лет пятьдесят назад, пришёл долгожителю ответ на главный вопрос его жизни. Странно пришёл. Во сне. Снился ему Голос, говорящий с Неба. А слышал Странник этот Голос прямо своим сердцем! И поведал Голос старцу, почему живёт он так долго и не умирает. Причина оказалось очень простой. До того простой, что даже не поверил Странник Голосу сначала. А после, проснувшись, понял, что другой-то причины нет. Не поверилось по началу и мне. Но, размышляя о сказанном, прихожу к одному единственному выводу: может быть эта причина истинной! Очень может быть!

Ну, что? Затомились совсем, ожидаючи?.. Ладно, скажу. Для того и пересказываю эту историю. Причиной, по которой живёт наш Странник на Земле уже четвёртую сотню лет, являются слова, которые говорит он сам себе всегда: к месту и не к месту. Совсем простые слова! И мы с вами их говорим частенько. Да только Странник говорит их, по всему видно, чаще нашего: «Слава Богу!»

Ну, что? Удивились? Не поверили? Но другой-то причины нет! На всё у Странника был один ответ: «Слава Богу!». Нашёл ночлег – «Слава Богу!». Накормили, спать уложили – «Слава Богу!». Обрадуется чему – «Слава Богу!», обидит кто незаслуженно – «Слава Богу!». И днём, и ночью, и утром, и вечером, на всё и всегда одна присказка: «Слава Богу!». Странник и не вдумывался в эти слова никогда – как в детстве приучили, так и повторял их всю жизнь. Бывало, странствует, а в такт ногам песня складывается всё из тех же простых слов: «Слава Богу!». Да такая хорошая, ладная! И дорога тогда ему кажется лёгкой, и ветер утихает, и люди добрые встречаются на пути...

Удивляетесь? Я тоже. Да и Странник удивился.

Так что же выходит, что ему никогда и не умереть, если эти слова волшебные такие чудеса с ним проделывают?

«Как знать, может, и умру когда-нибудь. Да только мне пока, Слава Богу, не хочется», – сказал мне Странник, отправляясь в путь.

Господи, Боже Ты мой! Каких только чудес на свете не бывает! И всё – Слава Богу!

История десятая

Обман

Обман и ложь!
Не проживёшь
Ты, если не обманешь!
В коленях дрожь...
Не смей! Не трожь!
Мне ложью сердце ранишь!

Вы спросите меня, наверное, о том, почему это все странники мои – мужчины? Нет, друзья мои, заходили ко мне и женщины. Конечно, истории, рассказанные странницами, имеют некоторые отличия от мужских историй. Да и предмет их странствий иногда чисто женский. Но, в общем, странность, на мой взгляд, призвание, не имеющее пола. И эта история тому подтверждением.

На сей раз в мою дверь постучала женщина. Внешне ей могло быть и двадцать пять, и сорок лет. Временами, по ходу её рассказа, так оно и было. Странствие её походило скорее на бегство. Она даже Странницей себя не называла, а так и представилась – Беглянка.

От чего же она бежала и куда? Что заставило эту женщину примкнуть к когорте *странных*? – Причиной сему был Обман.

Надо сказать, что если есть Обман, то должны быть и Вера, и Надежда, и Ожидание – одним словом, то, что может быть обмануто. А иначе и не бывает!

Так было и с нашей Странницей. С детства в неё вкладывали все эти три составляющие человеческой жизни.

Можно сказать, что впитала она их в себя с молоком матери. Все так живут. И ни вы, ни я не являемся исключением. Что же тут странного или нового? В чём же интрига или красота истории? А в том, что вера у каждого своя, и надеется каждый по-разному, а уж ждёт...

Но женские Вера, Надежда и Ожидание всегда очень похожи. Не была исключением и наша Странница. Она **верила** в Любовь, **надеялась** её повстречать и **ждала** с нею встречи...

Мужчины сейчас могут фыркнуть: «Ну вот! Началось! Надоело уже!!» Ну что ж, можете дальше и не читать. А вот женщинам, возможно, будет интересно... Только знаю я, что такое может случиться с каждым, будь то мужчина или женщина. Для Обмана нет никакой разницы.

Ждала, надеялась и верила наша Странница, и вот наступил день её встречи с Любовью! Да только, немного по ю д, вслед за Любо вью пр ишёл и Обман. В о дин миг рухнуло всё, чем жила женщина! Показалось ей, что и жить-то больше незачем, и совсем уж было решила она наложить на себя руки, как пришла ей в голову счастливая мысль – убежать от Обмана. Закрыла она в доме своём поруганную Веру, растоптанную Надежду, несбывшееся Ожидание вместе с оплаканной Любовью и отправилась в путь. Казалось женщине, что оставила она в доме своём и Обман – виновника всех своих бед.

Постранствовав немного, нашла себе Беглянка новый дом. Искала ли она его? – Как не искать?! В этом весь смысл человеческой жизни и есть – найти **Свой Дом**. За время пути подлечились душевные раны, позабылись обиды и начали зарождаться в Страннице новые Вера, Надежда и Ожидание. Чего? – Да всё той же Любви. Наладила она в новом доме

уют, согрела его своим сердцем, – конец странствиям! – открыла двери и стала ждать новой встречи.

А если чего-то очень ждёшь, то это обязательно приходит! И Любовь пришла снова. И всё было бы хорошо, да память о прошлом Обмане не давала женщине временами покоя...

Всё случилось, как и в прошлый раз: вновь появился Обман и всё разрушил. И снова отправилась женщина в странствие, заперев свой дом на замок...

Больно ей было? Конечно! Но теперь уже не так, как в первый раз. И не мешала уже эта боль Страннице думать. А думала она вот как: «Если не иметь Веры, Надежды и Ожидания, то Обману и разрушать будет нечего... Но как же тогда быть с Любовью? Ведь если не верить в неё, не надеяться на встречу с ней и не ждать этого, то и жизнь тогда будет вроде как не жизнь. Мёртвым тогда будет человек... Однако умирать я уже не хочу! Странствуя, много узнала я. А сколько ещё непознанного вокруг! Нет, жить интересно. Но без Любви, Веры в неё, Надежды и Ожидания как-то пусто и одиноко... Не может, выходит, человек без этого жить. Но как же тогда Обман? Неужели при каждой новой моей встрече с Любовью он вновь и вновь будет разрушать мою жизнь?.. Здесь что-то не так. Видела я и счастливых людей на своём пути, и всё у них было без Обмана! Может быть, всё дело во мне? Быть может, мало верить в Любовь, ждать её и надеяться встретить? Да и откуда она приходит, Любовь?.. Не лучше ли иметь её всегда при себе? Тогда и ждать будет нечего, и надеяться не на что. А Вера тогда будет неподвластна никакому Обману – **Вера в Любовь в самой себе разрушить нельзя!** И убежать от Обмана можно, наверное, только так: обманув его, лишив цели разрушения...»

Так думала Страница, продолжая свой путь. Душевные раны затягивались, боль уходила, а в сердце Беглянки уже появились ростки Любви, не требующей ни Ожидания, ни Надежды. Потому что, если чего-то очень хочешь, то обязательно этого добьешься. Этой новой Любви была нужна только Вера – Вера в Любовь в своём собственном сердце, неподвластная никакому Обману...

– Однако я всё ещё боюсь снова найти Свой Дом. Всё ещё пытаюсь убежать от Обмана. Но что-то внутри меня уже изменилось. И, как мне кажется, к лучшему, – сказала мне Страница, собираясь в путь.

Да...от Обмана убежать трудно. Практически невозможно! Но вот, поди ж ты, всякое бывает на свете!

Вера в Любовь в своём собственном сердце... – кажется, что просто, но как постичь эту простоту?

Может быть, сердцем?

История одиннадцатая

От любви умирают Осенью

Ну вот, и наступила Осень.
Зачем ждала её?» – ты спросишь.
«Сама не знаю», – я скажу,
На лист упавший укажу
Рукой слабеющей, на небо...
Ждала, чтоб вновь поверить в небыль,
Поверить в сон, поверить в грусть,
Чтоб вновь с дождями плакать. Пусть
Мой сон уже не повторится,

Но я смежу свои ресницы,
Закрою, может, навсегда
Уставшие от плача очи...
Что – плачь? Солёная вода!
Я Осень дождалась! Нет мочи,
Поверь мне, сил нет у души!...
Ты мне остаться разреши
С тобою в Осени навек,
Родной, далёкий человек...
Листва кружится. Тучи низко.
Грустит, накрапывая, дождь...
И «далеко» звучит как «близко»,
А «ждёшь» рифмуется с «придёшь»...
Я Осень жду, как час последний.
Мне кажется, уйду бесследно
Я в эту Осень, словно лист,
Тебе оставив ветра свист.

Этот Странник... Или Страница?.. Ладно, в конце концов, это неважно.

Этот Странник явился мне в совсем уж странном виде... Или в облике?..

Ох, уж эти странники! Вечно они со своими странностями! Этого Странника занёс ко мне ветер! Тёплый южный ветер – редкость в наших краях поздней осенью. Вот с этим ветром-то и прилетел ко мне во двор... *листик!* Очень необычный для нашей местности листик...

Что за диво?! Ну-ка, ну-ка, посмотрим... Батюшки мои, так это ж Странник!

И пусть всё это кажется уже слишком, только вот вам история, которую рассказал мне принесённый тёплым южным ветром листочек...

От любви умирают Осенью. Умирают тихо и незаметно. Умирают потому, что душевная боль от разлук постепенно переходит в физическую. Врачи ставят диагноз «нервное истощение». Провизор в аптеке ничего не может тебе предложить взамен на протянутый под стеклянное окошечко рецепт. Ты, печально улыбаясь, говоришь «Спасибо!» и, скрипнув тяжёлой дверью под вывеской «Аптека», выходишь в это последнее время года под названием Осень.

«Осень...» – вдыхаешь в себя влажный воздух, переполненный дымом костров, каким-то пьянящим запахом увядающей травы и опавших листьев.

«Осень...» – запрокидываешь голову и жадно вбираешь в себя пронзительно синее небо, мысленно отмечая (в который раз уже!), что такая пронзительность бывает только Осенью, исключительно Бабьим Летом.

«Осень...» – выдыхаешь из себя всё без остатка, чтобы вновь вдохнуть терпкий осенний воздух, и медленно бредёшь домой, зная (теперь уже наверняка!), что эта вот Осень, точно, будет для тебя последней. Бессознательно прощаясь со всем, что тебе так дорого, делаешь короткую дорогу от аптеки домой длинной, свернув в парк, чтобы окунуть ноги в шорох облетевшего золота и заблудиться в собственной памяти, убирая с лица навязчивую паутинку.

«Как хочется жить!» – Думаешь ты, когда вдруг чувствуешь на щеке последнее тепло игривого солнечного луча. И на мгновение кажется, что нет, это ещё не всё! Что

будет ещё зима, весна, лето и ещё немалое количество смен годового круга...

Но мгновение проходит, едва подует ледящий ветер и закапает неуютный дождь из неизвестно откуда взявшейся тучи, закрывшей пронзительную синь и тот последний, игривый лучик солнца. «Нервное истощение», – вспоминаешь ты свой диагноз и физически ощущаешь свою невесомость.

Внезапно боль, терзающая твоё измученное тело, проходит, и ты отрываешься от земли. Поднятый ветром, паришь некоторое время в блаженном ощущении невесомости и..., плавно кружась, опускаешься на землю, в последний раз выдохнув: «Прощай..., я так тебя люблю...»

Чья-то русоволосая и голубоглазая дочка, проходящая в этот момент мимо, воскликнет: «Ах! Какой красивый листик!» и бережно возьмёт тебя в руки, совершенно не подозревая того, что ты только что умер. Добавит к тебе пару-тройку кленовых листочков, рябиновую ветку и принесёт домой. Достанет с полки запылённую вазочку ультрамаринового перламутра и поставит в неё свой незатейливый букет. «Папа! Смотри, что я собрала сегодня в парке! Правда, красивые?! – Скажет она отцу вечером и укажет на тебя, – особенно вот этот».

Вот и всё...

От любви умирают Осенью. Умирают тихо и незаметно. Умирают потому, что душевная боль от разлук постепенно переходит в физическую, врачи ставят диагноз «нервное истощение», а в аптеке как всегда нет нужных тебе лекарств.

История двенадцатая

Пробуждение птицы

Благослови меня. Я нынче улетаю.
Куда и как – ещё сама не знаю.
Ещё не знаю, что со мной случилось.
Мне кажется, что я освободилась.
Я невесома. В небе я уже.
Лишилась тяжести какой-то на душе.
Свободна, словно белая голубка,
И, как она, я стала чистой, хрупкой.
Благослови меня и посмотри мне в след!
Меня теперь как не было, так нет
Совсем. Ты будешь вспоминать
Голубку белую пред тем как ляжешь спать?
Благословить не хочешь? – Нет, прости...
– Тогда без слов, в молчанье, отпусти.
– Нет, не могу! Мне без тебя так жутко,
Моя печальная и белая голубка...

На этот раз в дом мой... залетела Страница! Да, да!
Именно *залетела!* Она впорхнула в распахнутое окно и
уселась на подоконнике. Это было нечто нематериальное, но
в то же время очень зримое. Птица? Можно было бы назвать
Страницу птицей, если бы не была она... женщиной! Тогда
почему – птица? – А потому, что она *влетела* ко мне в окно
и мягко сложила ослепительно белые крылья за спиной! Если
бы не видение мною самого процесса появления женщины на
моём подоконнике, то удивлению по поводу странного

способа входить в дом не было бы предела. А так – всё понятно. Почему бы птице ни влететь в распахнутое окно? Птице... но почему – женщина?!

Надо сказать, что удивляюсь я уже достаточно редко. А если и приходится это делать, то стараюсь этот процесс не затягивать. Любопытство берёт верх. Хочется поскорее услышать историю. На определённом этапе моего собирания рассказов странников стало казаться мне, что приходят они в мой дом не случайно. Словно бы пользуются все мои гости для связи между собой некой странной почтой, сообщая друг другу место, где есть нужда в их историях. Приходят, как бы по рекомендации.

Вот и эта женщина-птица явно не случайно влетела в моё окно. По всему было видно, что ни в хлебе насущном, ни в ночлеге она не нуждается, а прилетела специально, чтобы поболтать. Не каждый ведь поймёт правильно и примет как должное твоё существование в виде полуматериальной женщины-птицы. А в Странноприимном Доме принимают всех странных людей, странников, одним словом.

Так вот вам история моей Странницы, проливающая свет (хоть у меня лично уверенности в этом нет абсолютно никакой!) на загадку внешнего облика женщины-птицы.

– Однажды в серое ненастное утро, одно из многих таких же серых, оказалось вдруг, что на небе, за серыми, мрачными тучами всё-таки существует Солнце! Его свет, казалось, не проникающий через эту серость вообще, был виден изнутри моего сущего. Я узнала, что *Солнце есть!* Именно – узнала, потому что о его существовании раньше можно было только догадываться. Я почувствовала его сияние в себе.

Тепло и радость! Солнечное тепло и солнечная радость засияли вдруг внутри меня необыкновенно! Это *ощущение*

Солнца было неотрывно от самого Солнца там, высоко-высоко в небе, за серыми и мрачными тучами.

И стало вдруг необычайно спокойно и счастливо от осознания себя частицей Солнца здесь, на Земле. Я поняла, что, несмотря на то, что нахожусь здесь, в этом сером и мрачном мире, я одновременно живу Солнцем, на Солнце, являясь маленькой, но очень важной частичкой великолепной звезды!

Мои руки поднимались к небу, а за спиной, в местах оплечий, я чувствовала огромные былые крылья, сияющие своей чистотой. Огромные и одновременно невесомые, нематериальные они делали лёгким и нематериальным моё тело.

В тот момент, когда крылья распахнулись и сделали первый взмах, я вдруг почувствовала, что свободна: свободна от серого и мрачного мира, окружавшего меня, свободна от самой себя.

Я поняла, что умею летать. Летать красиво, стремительно и плавно. Солнце питало меня энергией, а крылья за спиной неудержимо влекли вверх. «Вот счастье!» – Подумала я и оторвалась от земли.

Взмахи крыльев создавали вокруг меня движение воздуха, омывающее моё тело. Слегка щемило сердце от необъятности вдруг окружившей меня, но это было действительно счастье: счастье осознания своего настоящего **Я**.

Я – Птица! Дом мой – Солнце, а Родина – Небо! Я возвращаюсь в себя, в свой дом, на свою Родину! О, счастье! После стольких лет пребывания в этом сером и мрачном мире не раствориться в нём, не слиться с этой мрачностью, а найти **СЕБЯ!**

Внезапно я поняла, что не одна. Вокруг меня поднимались в небо тысячи необыкновенных птиц, таких же, как я. Они улыбались мне, протягивали руки, приветствовали солнечными глазами. Я не одна! Тысячи маленьких и важных частиц Великолепной Звезды обретали Себя, свою Родину, свой Дом.

Спасибо тебе, Солнце, за то, что ты было, за то, что ты есть и ещё за то, что ты всегда будешь! Будешь не только там высоко-высоко в небе, но и здесь, на Земле, высвечиваясь в тысячах маленьких своих частиц – в необыкновенных птицах с огромными, белыми, сияющими чистотой крыльями. Спасибо тебе, Великолепная Звезда! – Эти последние слова моя гостя произнесла, обернувшись к солнечному свету, который сиял в тот момент нестерпимо. – Прощай! Меня ждут. Не забывай обо мне! – крикнула Странница, уже выпорхнув из окна.

Через мгновение солнечный свет стал таким же привычным, как и всегда, но... как-то теплее, роднее, что ли.

Было непонятно мне только одно – где жила эта женщина пока не пробудилась в ней птица, в нашем мире или нет? Речь шла о Земле и о Солнце, но что-то в её рассказе было выше моего понимания.

А может быть, важно не понимание, а чувство? То чувство тепла, радости и родства с солнечным светом?

История тринадцатая

Начало дороги в Никуда

Мне не уйти туда одной, ты слышишь?!

Я без тебя, одна, не существую!
И слишком многим (слишком!) я рискую,
Когда гуляю без тебя по крышам.
И ты не сможешь без меня уйти.
Ты знаешь это, верно, тоже знаешь!
Когда один в безмолвье засыпаешь,
Боишься не найти назад пути.
Ты для меня как будто я сама,
И путь один нам сердцем предназначен.
Ты слишком много для других не значил!
Всё изменилось! Всё теперь иначе!
Уйдём вдвоём на поиски удачи,
Чтоб в одиночку не сойти с ума.

Знаете, что самое интересное в моём собирательстве историй странников? Ожидание.

Закроешь дверь, проводив гостя, и думаешь: неужели следующий Странник расскажет что-то более удивительное и загадочное? Как правило, так оно и бывает, потому Ожидание моё всегда наполнено размышлениями о том, что уже довелось услышать, и, – не поверите! – попытками предугадать, о чём же будет следующий рассказ.

В общем, не скучно мне в моём Уединении. Ведь Уединение и Одиночество понятия разные. От Одиночества человек страдает, иногда даже и умереть от него может. А вот Уединение – дело совсем другое! Какое уж там страдание?! Радость, да и только! Я даже сержусь, когда по пустякам вторгается ко мне в Уединение кто-то извне. Но это, конечно же, не касается странников! Для них и двери, и душа моя раскрыты настежь. Странные люди подбрасывают мне пищу для размышления, от которой мои Ожидание и

Уединение становятся приятными и полезными. И не грозит моему Уединению превратиться в Одиночество, а Ожиданию в Нетерпение, пока горит в моём доме огонёк, на который заходят такие гости, как, например, эти двое. Мужчина и Женщина. Вы удивлены? Иногда странствуют и так. Бывает даже, что и целыми группами.

Начало дороги в Никуда. Рассказывал мне эту историю Странник. Странница же в это время набиралась сил, погрузившись в спокойный и глубокий сон.

– Как всё начиналось, я не могу объяснить даже себе... В тот день, казалось, все тучи мира собрались над нашим несчастным городком. Было что-то ужасное в диком завывании ветра, в судорогах дождя, то хлеставшего плётками струй по всему, что попадалось ему на пути, то моросившего мелкими, словно сыпь, каплями.

Я продрог и не мог понять, куда и зачем иду в эту ужасную стихию. Вдруг остановившись, я понял куда: *к ней*, на кладбище моей старой жизни – только так я называю теперь для себя то место, где всё начиналось. Она шла навстречу, такая же мокрая и продрогшая, как и я, как те редкие прохожие, которых дела или безделье выгнали в такую мерзость из дома. Поравнявшись, мы остановились. Почему? Я не могу сейчас ответить, да и тогда тоже не мог. Наверное, нам *должно* было выйти из дома именно в тот день, в тот судорожный дождь, потеряться, чтобы найти друг друга.

«Здравствуйте», – сказал, я не зная почему.

«Здравствуйте», – услышал в ответ тихий голос, чуть охрипший то ли от сырости, то ли от волнения. Мы не знали о чём говорить и как...

«Я провожу Вас, хотите?» – Предложил я.

«Да», – ответила она.

И мы пошли вдвоём в ту сторону, откуда пришёл я.

Странно, может, потому, что рядом было живое, тёплое существо, а может, ещё от какой-то непонятной силы, но я согрелся. Нет, нет! Я не ощущал тогда, что рядом со мной шло существо противоположного пола, нет! Наверное, так же можно было почувствовать бродячую собаку или мокрого котёнка. Главное, что существо было *живое!*

Мы шли долго, очень долго. Я не чувствовал времени, но понял эту долготу пути потому, что заметно потемнело. Приближался вечер. Внезапно я понял, что мы идём в *Никуда*. Моей спутнице, так же, как и мне, было всё равно куда идти. Не заметив как, мы оказались почти на краю города у ворот старого парка, заросшего нужными и ненужными деревьями, неухоженного и такого же заброшенного, как и мы. Остановились.

«В парк?» – Спросил я её.

Она кивнула, и мы пошли дальше, в нисколько не приближающееся *Никуда*.

Никуда было нигде!

Дождь стих. Ветер отрясал с деревьев накопленную влагу, и создавалось впечатление, что вековые вязы плачут то ли от прожитого, то ли от жалости к двум продрогшим, бесформенным существам, двум, идущим навстречу *Никуда*. Всё было мокрым и странным: мокрые скамейки, мокрые дорожки, мокрые и странные листья, устлавшие эти дорожки. Мы шли медленно и тихо, слушая, как падают с веток деревьев капли, как хлюпает под ногами листва в лужах, как дышит идущий рядом.

Странно, но не надо было ни о чём говорить! Было какое-то блаженное ощущение не одиночества и теплоты,

ощущение чистоты и плавности полёта сознания. Казалось, что мы давно знаем друг друга. Слова были не нужны – всё уже было когда-то сказано. Хотелось лишь одного – идти, идти и идти.

Такое же блаженное состояние, казалось, испытывала и окружающая нас природа. Дождь прошёл, оставив лишь чистоту. Парк осветился заходящим за горизонт солнцем. Блики играли на листьях, в лужах, на мокрых скамейках, заглядывая нам в глаза.

И вдруг оказалось, что *Никуда* находится там, где садилось солнце. Определённость *нигде* завораживала буйством закатного пожара, а *Никуда* показалось нам солнечным, красивым и беспредельным! – закончил свой рассказ Странник.

«Почему именно в *Никуда*? И что значит *нигде*?» – спросите вы. Эти же вопросы прозвучали и из моих уст.

– Не знаю. Да и для нас это совершенно не имеет значения. Самое главное, что мы идём туда вместе. – Ответил мне Странник, отходя ко сну.

А утром, когда они уходили, улыбаясь и взявшись за руки, подумалось мне, что действительно неважно «Где?» и «Куда?»

Главное, что эти двое счастливы!

История четырнадцатая

Баобаб

Слабость – она от бессилья:

Если устали крылья,
Если заснула душа,
Если не можешь решать,
Если не можешь думать.
Стоит лишь только дунуть
Лёгким порывам ветра –
Вместе со шляпой из фетра
Вдруг голова слетает.
Кто пережил, тот знает,
Что это значит – нет сил
У опустившихся крыл.
Есть ли от этого средства?
А вы спросите у сердца,
Той ли идёте дорогой?
Только спросите строго,
Без отговорок и лжи –
Сердце к чему лежит?
Сил отнимает много
Та, где нет сердца, дорога!
Выбери по сердцу путь –
Сможешь тогда вспорхнуть.
Силы придут в тот же час...
Слабость бывает у вас?

Все знают, что растут в африканских саваннах удивительные деревья-долгожители, прославившие свой род необыкновенной прочностью древесины и огромной толщиной ствола – баобабы. Но никто не знает, в чём секрет их долголетия и прочности. Да и, в общем-то, незачем это никому знать, кроме, разве что, селекционеров-мичуринцев, заинтересованных в прославлении своего имени

выращиванием чудо-томатов, привитых каким-нибудь хитрым способом к веткам баобаба. Неважно, можно ли будет эти томаты есть в случае удачи эксперимента, но вот прославиться можно будет наверняка. Мне пока такие селекционеры-мичуринцы не встречались, Бог миловал! Но не удивлюсь, если таковые появятся, когда станет известно им то, что поведал мне Странник.

Гость мой не был ни ботаником, ни овощеводом-любителем. Он был просто очень Любознательным Человеком. Прочитал он как-то в одном научно-популярном журнале об удивительных деревьях африканской саванны со странным названием «баобабы», и с тех пор потеряла покой его душа. «Из-за чего же?» – Спросите вы. Поразило человека больше всего то, что живут баобабы в среднем четыре – пять тысяч лет, а их древесина по прочности может поспорить с самым алмазом! И отправился Любознательный Человек в странствие по библиотекам и читальным залам в поисках более подробной информации об этих удивительных представителях флоры, пытаясь выяснить причину их крепости и долголетия.

В одних книжках говорилось, что долголетие баобабов объясняется именно крепостью древесины, а та в свою очередь имеет такую крепость из-за структуры почвы, свойственной исключительно африканским саваннам.

В других книжках говорилось, что нет, вовсе не из-за почвы саванн древесина баобабов имеет такую крепость, а по причине сухого климата. Тянется, мол, дерево корнями своими глубоко-глубоко под землю, пытаясь добыть влагу, и дотягивается до каких-то минералов которые, поступая в древесину вместе с водой, способствуют её крепости и

долголетию баобаба. А такие минералы есть на этой глубине по всей земле.

Третьи книжки соглашались со вторыми. Да, влияет на крепость древесины баобабов климат, но в плане увеличенной долготы дня и большей интенсивности солнечного излучения, потребляемого деревом в сравнении с представителями флоры, произрастающими в других климатических зонах. Вроде как древесина *дубеет*..., нет, это про дуб, *баобабеет* (так что ли?) от этого. Какое-то корявое слово *баобабеет*...

Ну да баобаб *дубеть* не может, да и по крепости *дубовый* и *баобабовый* сравнивать нечего...

Ох! Я как всегда отклоняюсь от сути!

В четвёртых книжках писали о том что живут в африканских саваннах народы, которые используют древесину баобаба не только в целях изготовления веревок и прочей нужной утвари, но и для совершения таинственных ритуалов при отправлении своих особенных религиозных культов. И, якобы, от этого имеют представители этих народов необычайную крепость тела и духа, несвойственные другим народам. Эти книжки были очень малочисленны, невелики по объёму и напоминали скорее сказки, чем научные труды.

Прочитал всё это наш Странник и задумался. Вот, оказывается, какое удивительное дерево – баобаб! Надо сказать, что Странник наш тогда не отличался ни крепостью духа, ни крепостью тела, был тщедушен и слаб здоровьем. Захотелось ему испробовать чудодейственное баобабовое средство на себе. Продал он всё своё имущество и отправился в африканские саванны на поиски народов, у которых можно узнать секрет снадобья. Исходил все саванны

вдоль и поперёк, видел предмет своей исследовательской страсти неоднократно и каждый раз всё больше и больше поражался этим великолепным зрелищем.

Огромные, узловатые, иногда больше двадцати пяти метров в диаметре стволы, деревья, казалось, цеплялись за небо переплетёнными ветвями. Сколько в них было силы, сколько красоты и мудрости!

Бывало, подолгу жил Странник в каком-нибудь племени, пытаюсь научиться у колдунов их ремеслу, проникнуть в тайну баобаба. Но всегда уезжал разочарованный. Все и всюду в один голос твердили ему: «Нет такого средства!», и всё тут. А один древний-древний сморщенный колдун сказал ему следующее:

– Даже если отыщешь здесь это средство, то оно тебе, мил человек, не поможет, потому как не местный ты. Поищи-ка в родных краях *свой* баобаба!

– Да не растут в наших краях баобабы! – сердился Странник.

– Нет, растут! – настаивал колдун, который, судя по виду, знал рецепт баобабового снадобья и пользовался им уже лет двести точно.

Так или иначе, но недоступно оказалось Страннику зелье крепости духа и тела. Отправился он домой восвояси, правда, баобабовую верёвочку на пояс все-таки привязал. И ходит теперь, ищет баобаба в родных краях...

Да вот только зачем? – Не понятно мне. Не показалось мне тщедушным его тело, да и можно ли сомневаться в крепости его духа, если странствует он по белу свету в поисках заветного без усталости и сомнений? А с виду Странник мой был кряжистый, могучий..., цельный, что ли!

Может быть, это верёвочка из баобаба его таким сделала?
А может, подсыпали ему чего в пищу там, в африканских
саваннах, да секрета не открыли? – Не знаю. Только,
сильный был это человек! Одним словом – баобаб!

История пятнадцатая

СНЫ

Название своё имеет всё,
Что окружает нас, что видим, то, что слышим,
Что чувствуем, едим и чем мы дышим
И то, что на плечах своих несём.
Нет ничего, что мы бы не назвали.
Всему на свете дали имена!
И только лишь иллюзии из сна
Назвать не можем, как бы не желали.
Пытаемся, но все усилия тщетны!
Лишь назовём, как сон меняет лик.
Вот – было явным, стало – незаметным.
Вот – день прошёл, а он всего лишь миг.
Увижу мрак, он тут же станет светом.
И нет ответа на вопрос: «Что это?»...

Сны, как вы знаете, бывают разными. Бывают цветными, чёрно-белыми, радостными, грустными, кошмарными, – совсем как наша жизнь! Иногда спишь и просыпаться не хочется – уж больно сладкий сон снится! А иногда вскакиваешь с постели среди ночи, словно что-то выпихнуло тебя в явь, и до ло по ъ м не мо жшь заснуть. Сер де

колотится неистово, и мысли мешают снова погрузиться в сон.

Так было со мной и в ту ночь, в ночь появления в Странноприимном Доме Странника по Снам. Вы, наверное, уже не удивляетесь странностям моих историй? Легко не удивляться, когда читаешь все эти странности подряд, рассказ за рассказом. А когда всё это случается с вами? Можно ли было не удивиться появлению этого Странника? Судите сами.

Снится мне в ту ночь сон о том, что в дом мой пришёл Странник, нормальный Странник, не хуже прочих, и что сидим мы с ним в гостиной моего Странноприимного Дома, чай пьём, беседуем. Как вдруг что-то словно потянуло меня за спину, словно кто-то обнял меня крепко-крепко и... вытащил из сна.

Открываю я глаза и вижу, что на столе горит керосиновая лампа, пытит самовар, сушки-фентифлюшки горкой лежат в глиняном блюде, а за столом сидит... тот самый Странник, который только что мне снился! Ну, что? Можно ли было не удивиться? Мало того, и рассердиться даже было можно! Вот и моему удивлению не было предела. Сердиться на гостей не в моих привычках, а то похитрили бы со стола и сушки-фентифлюшки, и самовар, и сам Странник с крыльца да в ночь глухую!

– Присаживайтесь к столу, – говорит мне гость, несколько не смущаясь. – Давайте не будем терять время. Оно, как известно, дорогого стоит!

А что мне ещё оставалось делать, скажите на милость?! Вот так, за чаем... очень, кстати сказать, вкусным чаем: с малиновой ягодкой да можжевельновыми веточками, с мятой,

зверобоем и кислицей-клюквой заваренным, – гость постарался, уважил!..

О чём это я?

Ах, да! Вот так, за чаем и пришлось услышать мне рассказ Странника по Снам. Ох, и чудной рассказ, я вам доложу!

Когда-то, не так давно, заснул наш Странник усталый после трудового дня, как убитый. Что снилось ему в начале, он не помнил. Сморило его в тот день намертво! Да вот только проснулся (?) он после того, как увидел во сне, ...что пришёл он домой с работы усталый, а дом – не его! Всё в этом доме было по-другому, непривычно. Да это ещё полбеды! Встречает его дома хозяйка-жена, совсем не та, что лежала с ним рядом в постели, когда он всё это во сне видел. Красивая, волоокая – сказка, не жена! И детишек навстречу выбежало четверо, – мал мала меньше, – и все лицом в мать. Кинулись они его обнимать, целовать. Странник наш сначала опешил, а потом понял, что спит, и решил пожить с этой своей семьёй, пока не проснётся. Накормила его красавица-жена чудо-обедом, да и уложила спать.

Заснул Странник крепким сном... и видит другой сон: будто странствует он по Земле в лоджках и с палочкой, подаванием кормится. Устал в пути очень, прилёг отдохнуть под деревом на полянке, да и заснул...

И снова видит Странник сон, словно едет он в красивой машине, а рядом с ним женщина, точно из фильма какого обликом. Прямо, звезда Голливуда, ни дать, ни отнять! И будто любо в проезжених ими самая, что ни на есть голливудская! Дело в том сне близилось к ночи. Устал наш Странник, да и голливудская звезда в номер с ванной захотела. Остановились переночевать в мотеле, это

гостиница такая, на манер моего Странноприимного Дома, справились с обустройством, бухнулся наш Странник на кровать и заснул...

Ну, что? Поняли, что будет дальше? «Видит сон, и так далее...»? А вот и нет!

Прожил он вместе с этой звездой Голливуда никак не меньше года! Она так-таки и была самой настоящей звездой, а он – вроде её охранника – при ней неотлучно всегда и везде находился. Много чего интересного рассказал мне Странник про эту жизнь, да только суть не в этом. Проснулся, конечно, он однажды уже в другом сне, в котором служил капитаном во флоте.

И так побывал наш Странник посредством сна во всех странах, знаемых и незнаемых, даже на другие планеты забрасывали его сны! Испробовал разные профессии и облики. Был он в этих снах то мальчиком, то дедушкой, довелось даже быть женщиной пару раз. Вот какая история! Запутался он совсем: где же его настоящая жизнь, а где сон? Как разобраться, не знает. Вот и увидел Странник однажды следующий свой сон, в котором забрёл он ко мне на огонёк чаю попить, историю свою рассказать, да, может быть, и посоветоваться, как ему дальше быть и что делать.

А какой я ему совет дам? В первый раз о таком странствии слышу! Разве что, уложить гостя спать? Авось что-нибудь из этого получится. Улёгся мой Странник в комнате для гостей, а следом за ним и я, не забыв погасить лампу на столе. Спалось мне хорошо и спокойно. А, проснувшись от игрунка зайчика солнечного, уже и не вспомнилось мне о том, что было ночью... и, только взглянув на стол с остатками чаепития...

Батюшки мои! А гость-то?! В гостевой Странника не оказалось. Постель была явно не тронута – никаких следов недавнего ночлега!

А самовар на столе? А вкусный чай, заваренный Странником? Всё это было на месте. Но Странник исчез, словно и не бывал. Наверное, проснулся в каком другом сновидении или вернулся домой, куда пришёл усталый после трудового дня в день, когда отправился странствовать ...

«Господи! И ты веришь во всю эту ахинею?!» – Прогремел в моей голове голос Здравого Смысла.

А как не верить?! Если не верить в это, то придётся, наверное, задуматься о своём переселении из Странноприимного Дома в приют для...

Но ведь чай на столе был! И самовар стоял ещё тёплый! И сушки-фентифлюшки не мои были, я это точно знаю! Так что, лучше поверить, и не задумываться больше над этим.

А вы как разумеете?

История шестнадцатая

Кавардак

«О чём Вы? Что?» – «Так, ничего»,
– снимаю с вешалки пальто,
Платок на голову, и в путь!
Вернусь ли я когда-нибудь?
Не знаю... «Что? А Вы о чём?»
«О чём? У вас в мелу плечо...»

Обязательно надо наводить порядок! В шкафу, в доме, в жизни и... в голове. Если в этих местах личного пользования царит кавардак, то неизвестно чем могут обернуться ваши усилия жить. Я говорю это со знанием дела, поверьте. Да и учёные очень разных направлений уже приходят к этому, единому для всех, закону. И если раньше моё отношение к лозунгу «Чистота – залог здоровья!» было только медико-физиологическое, то теперь всё изменилось. Изменилось, благодаря истории, рассказанной следующим Странником. Вот она.

До того, как отправиться в странствие был Странник наш человеком обыкновенным...

Я лично считаю, что странники сильно отличаются от обыкновенных людей, да вы и сами сумели уже в это м убедиться. Некоторые из вас прислушаются к их рассказам, а некоторые покрутят пальцем у виска и назовут мой дом вместо странноприимного сумасшедшим. А рассказываю это всё я и для первых, и для вторых, поскольку знаю, что нужно это и тем, и др уим – особенно. Нужно, разумеется, поразному, а иначе и не может быть, ведь и странники тоже бывают разные. Но вот от обычных людей они отличаются как раз тем, что странствуют, а не просто живут от зарплаты до зарплаты, от еды до еды, не задумываясь кроме этого ни о чём, – такие вот и крутят пальцем у виска. А те, кто прислушивается, сами вот-вот отправятся в странствие. Счастливый путь! Потому как странствовать, на мой взгляд, гораздо интереснее, чем доживать свой век, жалуясь на подагру, изжогу и мигрень...

Как же я люблю отклоняться от темы! Вы уж простите меня, ради Бога! Постараюсь больше этого не делать.

Так вот, был наш Странник обычным человеком: добрым, милым, симпатичным, в общем приятным во всех отношениях. Это для окружающих. А сам для себя – совсем наоборот. И злился на себя, и ругался, и лицо его ему не нравилось! Короче говоря, любить ему себя было не за что. Почему? Да потому, что кавардак был у него везде и всюду! Видел это человек и злился, и ругал себя, от этого и смотреть ему на себя было противно. Знали об этом его двуличии только самые близкие люди. Они утешали его, как могли, мол, напрасно ты себя изводишь, все так живут, относись к кавардаку проще! А человек не мог с собой ничего поделаться. И во то дажды пр шла к нему мысль найти причину кавардака, первоисточник, так сказать, потому как все его попытки навести порядок в своей среде обитания оканчивались неизменно крахом.

Сел человек и начал анализировать каждый род кавардака таким образом. Например, кавардак в платяном шкафу. В начале был просто шкаф, купленный человеком с полочки к вящей его радости. И в квартире без шкафа кавардак был необычайный! Прибрался он в квартире, аккуратно сложил и повесил вещи в шкаф. Чисто стало и уютно. Однако не надолго. Через некоторое время часть вещей снова оказалась разбросанной по квартире, а в шкафу... в шкафу творилось нечто неопишное! И снова: уборка, сортировка – кавардак. Сортировка, уборка – кавардак. Получалось вроде как «У попа была собака...». Почему?

Задумался человек, и... нашёл!! – Надо лучше контролировать свои действия! А действия, как известно, контролируются разумом.... И тут человека осенило – а разум-то?! Какой кавардак царил у него в го п в, не передать! Мысли толпились, как люди в автобусе в час пик,

каждая норвила выкрикнуть своё, да погромче, чтоб именно её первую думать стали, а не соседку. Соседка же, в свою очередь, затевала склоку: «Я важнее!» – «Нет, я важнее!», и так до тех пор, пока не вылезет третья, четвёртая..., сто пятидесятая. Не голова, а Государственная Дума, проще говоря! И такой результат анализа был по всем пунктам кавардачной жизни человека.

Мысли виноваты, вот кто!

Выстроил он тогда свои мысли в ряд, на манер армейского, установил строгую очерёдность приёма по личным вопросам, на манер госучреждений, отвёл, на тот же манер, часы рассмотрения жалоб и предложений. И всё как-то стало приходить в норму и в шкафу, и в квартире и в жизни.

А как же странствия? Какой же этот человек Странник? – Спросите вы.

Странник, друзья мои, настоящий Странник! И странствует он за каждой своей мыслью с тех пор уже много лет. Знаете, к какому выводу он пришёл, странствуя? Ни за что не догадаетесь!

Тот строй мыслей, что раньше был кавардаком в голове, по большей части, если не сказать весь – **НЕ ЕГО!** Каждая мысль была подброшена ему в голову, словно котёнок! Выяснил Странник это, проходя за мыслями весь путь из конца в начало. Возвращаясь к началу, отправляет теперь Странник мысль тому, кто её подбросил.

«Конечно, не все мысли подлежат отправке. Хорошие и ценные я оставляю себе. Но они, как правило, кавардака не устраивают, да и строй сейчас заметно поредел. Каждая мысль знает своё место и время», – сказал мне Странник, отправляясь вслед за очередной мыслью.

Надо добавить ещё, что с тех самых пор, как отправился Странник вслед своим мыслям, некогда стало ему злиться на себя и ругаться. Да и лицо своё, по его словам, стало нравиться Страннику, и дела заметно улучшились.

А что? Может, и мне попробовать? Есть у меня в доме чуланчик один, в который я и заглядывать-то боюсь – такой там кавардак, просто ужас! Займусь-ка я им на досуге. Хорошая мысль, ценная!

Чистота – залог здоровья!

История семнадцатая

Барыня-Сударыня

На перепутье двух дорог
Я двух пророков повстречала.
Один был стар и очень строг,
Другой был юн и добр очами.
Седая мудрость одного
Сквозила болью жизни прошлой,
Был слеп и глух он, ничего
Не предвещая мне хорошего.
Огнём души был мудр другой.
И сердца чистотой пророча,
Он не предвидел ничего,
Что вынести не станет мочи.
Один морщинистой рукой
Мне указал пути к покою.
Другой сказал, что тот покой
Не указывается рукою.

Един был смысл пророчеств двух,
Но дух – противоречьем солон:
Один был стар, незряч и глух,
Другой был юн и жизни полон!

Не знаю, с чего начать эту сказку – не сказку, притчу – не притчу, легенду – не легенду. Может быть, вы разберётесь, уважаемые, что это за история такая, а я попробую начать, как получится.

В некотором царстве, в некотором государстве...

Нет, не в некотором, а в России-матушке, прямо в её первопрестольной столице жила когда-то Барыня-Сударыня. Было у неё, как и у всех добрых людей, имя-отчество, да вот только никто и никогда её по имени-отчеству не звал. Кликали её повсюду не иначе как Барыня-Сударыня.

Знаю, что сейчас у вас в голове – плясовая! «Барыня, барыня! Сударыня, барыня!» – верно? Имеет ли эта плясовая отношение к нашей Барыне-Сударыне? – Всему свой срок!

Так вот, вся первопрестольная столица удивлялась Барыне-Сударыне, любила её и уважала. За что? – спрашивается. А за то, что не было ей равных по весёлости. Но весёлость у Барыни-Сударыни была не та, разухабистая русская, но... какая-то великая, что ли!

Без неё ни один праздник не был праздником. Умно шутила Барыня-Сударыня, пела замечательно и плясала всем на загляденье. А уж если кого на круг вытягивала к себе на пляску, то остановиться человек тот не мог долго. Так и ходил с тех пор несколько месяцев, а то и лет, приплясывая. Шутки, песни и пляски были у Барыни-Сударыни свои, не заимствованные. И на каждом празднике были они

непрерывно новыми, искрящимися, словно фейерверк из цветных огней.

Из первопрестольной Барыня-Сударыня выезжала редко, разве что в Великий Пост в какой-нибудь монастырь. Нельзя было в те времена в дни Великих Постов шутить, петь и плясать. И за это ещё больше любили её все божьи люди в России. А уж на Светлой Седмице, на Рождество веселилась Барыня-Сударыня на славу! И песни тогда складывались у неё особенные, и пляски – задорнее не надо! А от шуток Барыни, бывало, заходилась весёлым смехом вся столица.

Но... однажды случилось что-то с ней. Загоревала Барыня сильно. День и ночь напролёт были мокры от слёз её глазоньки. Разрывалось сердце у каждого, кто её видел в то время. Пришёл конец и шуткам, и песням, и пляскам. Мало-помалу, заплакала вслед за Барыней-Сударыней вся первопрестольная, а следом и вся Россия-матушка! Как не утешали Барыню, как не уговаривали – ничего не помогало. И совсем уж, было, извела её тоска-кручинушка, как пришёл к Сударыне Странник один, старец. Седой-седой, как снег, а немощи в нём не было и следа, хоть годами он, видно, был постарше многих стариков.

Шепнул Странник Барыне на ушко слова какие-то заветные – перестала Сударыня плакать, да рыдать. Погладил по голове – улыбнулась, поцеловал руки белые – засмеялась так звонко, что вся первопрестольная затихла, перестала плакать. И зазвонили тогда колокола по всем церквям и монастырям. Радость вернулась в Россию-матушку! И снова наша Барыня-Сударыня стала прежней, снова стала шутить и радовать всех песней своей задорной да плясками.

Историю эту рассказал мне тот самый старец. Честно говоря, не знаю и я, кто он такой – не представился мне Странник по имени-отчеству. Не сказал он мне и тех слов заветных, от которых Барыня повеселела. Только очень похож он был на... пророка. Вот как! Да не на того пророка, что пугает честной народ бедствиями всякими и горем, а на пророка Радости, Счастья, Благоденствия и Красоты.

Рассказал он мне эту историю о Барыне-Сударыне, а мне подумалось, что разные бывают пророки, а сила у них одинаковая. И нам выбирать каких пророков слушать, какую судьбу себе готовить.

А плясовая-то, «Барыня», точно, от неё, от Барыни-Сударыни, с тех пор по России ходит.

Эх! Радость-то какая! Ноги сами в пляс просятся!

С чего бы это?

История восемнадцатая

«Загадай желание!»

Хочу, чтоб кончилась тетрадь,
Чтоб больше некуда писать
Стихи рукой дрожащей было,
С листком последним чтоб забыла
Я всё, что помнила, и грусть
Ушла бы в ночь с последним словом.
Хочу, чтоб было так! И пусть
Лишусь я дома с тем и кровя,
Лишусь я речи и ума,
Лишусь всего, что я любила,

Лишусь я бодрствования, сна.
Лишь только б обрести мне силы!
Мне силы только б обрести!
– А для чего? – Тебя спасти!

Кто из вас, друзья мои, никогда ничего не желал в жизни? Не ошибусь, если скажу, что таких людей на свете нет, и не будет, верно, никогда. Все мы чего-то хотели в прошлом. Все мы чего-то желаем сейчас. И, конечно же, будущее тоже преподнесёт нам новую порцию заветных, неосуществимых, реализованных, иногда разбивающих вдребезги наши сердца, а то и жизнь, желаний. Но есть ли у вас Одно Желание, которое вы оставили бы себе, если бы перед вами стояла возможность его исполнения? Как в сказках о джиннах и золотой рыбке. Согласитесь, трудно выделить из всей необъятности наших желаний только одно единственное, то самое, заветное, которое точно отразило бы в себе всё, что мы *действительно* хотим в жизни.

Вот о чем поведала мне Странница, заглянувшая как-то в мой дом переночевать и обогреться.

– Думала ли я, что когда-нибудь отправлюсь странствовать по белу свету в поисках Заветного Желания?! Никогда! И если кто-нибудь сказал бы мне, что я проведу половину своей жизни в дороге, следуя за такой непонятной целью, я рассмеялась бы такому человеку в лицо. Мало того, я тогда даже не задумывалась о том, какие бывают желания.

Не так ли живём мы все? Мы думаем, что всё, чего мы хотим или страстно желаем в тот или иной момент жизни на самом деле является ни чем иным, как потребностью, то есть тем, без чего человек просто не может выжить, чем-то

жизненно важным, необходимым. Так ли это на самом деле? Вот в чём вопрос! Но тогда я так не рассуждала. И вопрос это т был для меня глупым, пустяковым. Если я чего-то желаю – значит это мне просто необходимо! О чём тут думать?! Так продолжалось бы и до сих пор, если бы не один удивительный случай, перевернувший всю мою жизнь. Этот случай и положил начало моему странствию

С точки зрения себя теперешней, я очень хорошо вижу, что жизнь моя тогда была более чем обеспечена всем необходимым. Но это я знаю сейчас, а тогда... Вы знаете, что у женщин желаний во много раз больше, чем у мужчин. А может быть, мне просто так кажется, поскольку я не мужчина и не могу судить о количестве их желаний. Вполне допускаю, что у мужчин свои желания, чисто мужские, а по количеству они вполне сравнимы с женскими. Но вот по качеству наверняка разнятся.

Так вот, как я уже сказала, у меня в то время было всё необходимое и даже сверх того. Но желаниям моим, казалось, не будет предела. То мне хотелось какую-нибудь шляпку необыкновенной красоты, то колечко, то брошь. А уж об одежде и говорить нечего! Я меняла её каждый день. Шкафы были переполнены тряпками, бельём, аксессуарами, туфлями, сапожками, шубами, манто и пальто. Я постоянно хотела чего-нибудь и в дом: мебель, ковры, люстры, картины, всякие безделушки – всё это было мне просто необходимо! В этом был смысл всей моей жизни.

Желание быть красивой – вот что доминировало над всеми моими желаниями и подчиняло себе все остальные: красивая женщина должна красиво одеваться, жить в красивом доме, иметь красивого мужа и прочее, прочее. Это, как водоворот, засасывало меня всё глубже и глубже в

пучину. Конечно, удовлетворить все мои желания или потребности, как я считала тогда, не было никакой возможности. Тогда я злилась, кричала, дурнела, и зеркало усиливало во мне желание быть красивой, нравиться всем и каждому, быть любимой всеми, кто бы ни встретился на моём пути!

Вы не представляете, как я благодарна тому случаю, который заставил меня остановиться и взглянуть со стороны на все свои желания, а потом и на саму себя! Сейчас, оглядываясь на себя в прошлом, я вижу чудовище, которое сметало на своём пути всё, что становилось преградой для удовлетворения мнимых потребностей. Меня должно было что-то остановить! И остановило.

Самой большой моей потребностью в те времена была потребность в золоте. Я страстно любила все эти побрякушки! Их блеск завораживал меня, делал сильной, уверенной в себе, всемогущей! И каждая необыкновенная вещица, которую я видела в магазине или на ком-нибудь, обязательно должна была стать моей. Вот на это я и попала!

Как-то, отдыхая в одной из арабских стран, я отправилась на экскурсию по ювелирным лавкам и лоткам на базаре. Целый день я шаталась в поисках чего-то неопределённого, но так ничего себе и не купила. Злая и уставшая, я уже собралась, было, отправиться в гостиницу отдохнуть и смыть соль, буквально облепившую всё моё тело от нестерпимой жары, как вдруг в самом конце торговых рядов я увидела пожилого араба, который держал в руках нечто сверкающее, словно второе солнце. Араб смотрел мне прямо в глаза, притягивая взглядом. И я, ошеломлённая, двинулась к нему, как коза на верёвочке, за которую потянул хозяин.

Приблизившись, я смогла рассмотреть источник сияния – необыкновенной красоты золотой браслет в виде четырёх сплетённых между собой змей. Головки змей, переплетаясь, образовывали подобие цветка. Их глаза были сделаны из драгоценных камней, причём у змей глядящих в противоположные стороны, глаза были одинаковыми. Таким образом, глаза двух змей были изумрудными, а двух других – рубиновыми. В открытые пасти свешивались раздвоенные язычки и были видны смертоносные зубы.

Можете представить себе моё состояние? Филигранная работа, причудливость формы, да и сами змеи, казалось, ожившие под моим взглядом, свели меня с ума! Я была готова отдать всё, что у меня было, лишь только бы этот браслет оказался на моей руке! Араб, как будто читая мои мысли, протянул мне драгоценность, расстегнув хитрый замочек. Я надела браслет на руку и замочек нежно защёлкнулся. Это было просто чудо! Вещь была сделана словно на заказ: браслет сидел как влитой. Снимать не хотелось.

Налюбовавшись, я сделала попытку заговорить о цене, но араб жестом остановил меня, глядя мне в глаза. И я вдруг услышала, как он говорит прямо в мой мозг: «Браслет твой. А цена..., цена не покажется тебе невозможной – загадай желание! Всего лишь Одно Твоё Желание! Но желание не простое – оно должно вместить в себя всё, что ты хочешь в жизни. Я знаю, ты думаешь, что это очень легко. Но, всё же, я даю тебе на его поиски ровно столько времени, сколько ты уже прожила. Всё это время браслет будет у тебя на руке. Ты не сможешь его снять, даже если очень захочешь. Он будет невидимым, когда тебе это будет нужно, и будет появляться вновь по первому твоему требованию. Но даже если ты его

не будешь видеть, его тяжесть не даст тебе забыть о нашей сделке. Если в назначенный мною срок ты так и не найдёшь это желание, то его заменит в качестве уплаты твоя жизнь – змеи позаботятся о том, чтобы конец твой был скорым и менее мучительным. Если же Одно Единственное Желание найдётся раньше срока, то я жду тебя здесь, на этом самом месте. Ко да бы это ни случилось, – ночью или днём, – приходи, и ты всегда встретишь меня... Мой возраст – не твоя забота! Ты лучше подумай о себе!» Сказав это, араб исчез, не дав мне произнести ни слова. А я осталась стоять, потрясённая происшедшим и тем, что продавец ответил на мои мысли о том, что возраст его может помешать нам встретиться вновь.

Но браслет остался на моей руке, сияя, словно второе солнце.

Конечно, меня немного испугали условия сделки. Всё было так невероятно, и в то же время реально! Я проверила сказанное мне арабом о свойствах браслета как невидимки. Всё было так, как он обещал: браслет исчезал по моему приказу и появлялся вновь, когда мне это было нужно. Но тяжесть его всегда была со мной!

И я начала думать о том, как бы скорее расплатиться с арабом за это чудо. В начале я стала перебирать каждое своё желание, взвешивать, обдумывать, анализировать. К моему ужасу, ни одно из них не могло вместить в себя всё, чего бы мне хотелось в жизни! Найти такое желание оказалось действительно непросто. Когда мои желания кончились, я отправилась странствовать по свету, чтобы узнать какими желаниями живут люди. Однако где бы я ни нах о длась, с кем бы ни разговаривала, везде и всюду приходилось

слышать мне об одном и том же – это были всё те же, **мои желания**, в той или иной интерпретации.

И вот, чем ближе время к назначенному сроку, тем тяжелее становится браслет. Скоро уже мне нужно будет возвращаться туда, где встретился мне этот странный человек, но что говорить мне ему, я не знаю: от прежних моих желаний не осталось и следа. Новые заводить не хочу, да и не могу – не вмещают они в себя всё, что я хотела бы в жизни. Есть, конечно, у меня сейчас Одно Единственное Желание – не иметь больше желаний вообще никогда! Но ведь это и означает смерть. А умирать мне совсем не хочется. Жизнь без желаний, оказывается, тоже возможна, и даже намного более полная, чем с ними.

Ну что ж! Если мне и суждено умереть в назначенный срок, то, по крайней мере, я много уже успела сделать, много узнать. Я благодарна старику-арабу за то, что он заставил меня взглянуть на мою жизнь по-новому... Вам хочется посмотреть на браслет? Вот он, – с этими словами Страница отогнула правый рукав платья.

Комната осветилась сиянием того, что было надето на руку чуть повыше запястья. Это было действительно фантастическое зрелище! Никакое описание не способно передать красоту увиденного мною!.. Вдруг мне показалось, что змеи начали вытягивать свои головки! Весь браслет словно пришёл в движение... Пришлось зажмуриться, чтобы прогнать наваждение.

– Вы тоже видели?! Прощайте, мне пора идти. У меня осталось совсем немного времени, – сказала женщина, пряча браслет под рукав.

Загадай желание!

Нет ничего проще, на первый взгляд.
А на второй? На третий?
Одно Единственное Желание, способное вместить в себя
всю твою жизнь!
Готовы ли вы умереть, отказавшись от всех своих
желаний?
А я?
Какое моё, *Одно Единственное, Заветное Желание?*

История девятнадцатая

Сладкая Жизнь

Печаль – как птица, уносящая свободу!
Бессмысленно искать надежду, утешенье:
Уходит жизнь, съедая дни и годы,
И шанс ничтожен, выбрать ТО решение.
И слёз источник сух, иссяк до срока.
И нет волнений тех, что раньше были.
Есть осознание того, что мало прока
Ото всего, чем мы с тобою жили.
А птица крылья в небе распластала,
И тень её мне сердце остудила.
Я поняла вдруг: времени так мало!
И смерть вонзить готова своё жало
В комок души, оставшийся без силы.
Лишь покориться – всё, что мне осталось.

Какая бывает жизнь на вкус, не задумывались? Конечно,
жизнь на вкус попробовать нельзя, но всё же, очень часто мы

говорим о своей жизни, применяя к ней определения вкуса. Например, говорит человек: «В жизни мне досталась *горькая* доля», и все понимают, что живёт он, по его мнению, плохо, *не сладко* ему приходится, иными словами. Бывает и так: в одном месте, *словно мёдом намазано*, а в другом – *солоню, да горько*. Но, бывает, что и в бочке мёда оказывается *ложка дёгтя*, а солёные слёзы радости кажутся *слаще шербета*.

Понятно, что каждый человек хочет, чтобы жизнь его была *послаще*. И не бывает такого, чтобы вся жизнь была – *чистый сахар*. Ведь и *приторно сладкое* в конце концов *горьким* покажется, если не познать, не попробовать на вкус соль и перец. Вот и выходит, что всё познаётся в сравнении. А ещё говорят в народе: «Хорошо там, где нас нет». Вот об этом и был рассказ пожилой Страницы, заглянувшей в мой дом как-то под вечер.

– Странствую я в поисках Сладкой Жизни, – так начала свой рассказ женщина, покушав и отдохнув с дороги. – Долго уже странствую, с молодых лет. Ушла я из дому, когда мне не было ещё и девятнадцати. Молодость, красота, уверенность в своих силах – вот всё, что я взяла тогда с собой в дорогу.

Родом я из деревни. А Вы знаете, как живут в деревнях? Детей в каждой семье много: всё больше четверо, да пятеро мал мала меньше. Вот и у моих родителей, Царствие им Небесное, кроме меня ещё четверо младших ребятишек подрастало. Надеялись на меня родители очень, что, мол, вырасту, помогать по хозяйству стану – не так тяжело, да горько будет жить. Я и помогала. А в душе моей жила одна единственная мечта: уйти из дома на поиски Сладкой Жизни.

Были у нас в деревне и зажиточные хозяйства, да только и там не было того, чего мне бы хотелось. Потому, как стукнуло мне восемнадцать годков, начала я собираться в дорогу. Через полгода скопились денежки от побочных заработков, справила я себе обновки, и как только всё было готово, поклонилась отцу с матерью до земли, поблагодарила за всё и ушла. Были у меня тогда свои представления о Сладкой Жизни. И начала я странствовать по свету, искать соответствие своим представлениям.

Что может обеспечить Сладкую жизнь? Это известно всем: Богатство, Власть и, конечно же, Слава. Всё это, если разобраться, требует очень большого труда. Хоть и Богатство бывает Богатству рознь, и Власть может быть относительной, и Слава определённого рода.

Я начала с поиска Богатства. Самый лёгкий путь для достижения Сладкой Жизни при помощи Богатства для молодой, красивой и уверенной в себе девушки, конечно же, замужество. И я нашла мужчину, который соответствовал моим представлениям о богатом человеке. Он не был ни красавцем, ни уродом, – так, обыкновенный человек, достаточно обеспеченный материально для того, чтобы содержать кр аивую жену. Муж о внь любил меня, не отказывал ни в чём. В общем, как мне показалось, началась моя Сладкая Жизнь. Я была счастлива! Оказалось также, что, выйдя замуж, я обрела и Власть, пусть небольшую – над мужем и мужчинами его круга, но достаточную для Сладкой Жизни; и Славу в тех же кругах, где вращался мой муж – Славу красивой, весёлой и беззаботной женщины. Всё это тогда мне очень нравилось до той поры, пока...

Пока не увидела я, что есть мужчины и побогаче, и покрасивее моего мужа, наделённые большей Властью и

способные дать мне Славу в своих, более высоких кругах общества. И я оставила своего мужа, когда один из более состоятельных и влиятельных людей обратил на меня внимание. Начался новый виток моей Сладкой Жизни, более интересный, более насыщенный, интригующий. Я вновь наслаждалась жизнью, пока...

Пока не повторилось всё снова – я ушла от второго мужа к третьему, наделённому почти неограниченной Властью, Богатством и Славой. Небольшие порции *соли*, достававшиеся мне во время перемен одной Сладкой Жизни на другую, ничуть не портили её общего вкуса. Наоборот, позволяли острее ощутить новую сладость. Третий муж был старым и некрасивым, но меня это ни сколько не смущало. Я была благодарна ему за Сладкую жизнь и любила его за это, но... временами подступали к горлу приступы тошноты, и хотелось тогда бросить всё и бежать без оглядки ото всего, что меня окружало.

Чего-то не было в это мизо *бии*, что-то важное отсутствовало! И эта нехватка чего-то неопределённого всё чаще и чаще повергала меня в уныние и мешала жить Сладкой Жизнью.

Сначала я думала, что причина в том, что у меня не было детей: по молодости не хотелось, а в то время уже было поздно их заводить. Но потом поняла, что дети – только часть того самого *чего-то*. Затем я подумала, что мне не хватает Любви. Да, меня любили, но любили как вещь, а я, собственно и была вещью. Мне же хотелось любить самой, и чтобы меня любили как человека, а не как антикварное кресло-качалку, стоящее в кабинете моего мужа и используемое по надобности. Сладкая Жизнь начинала горчить с каждым днём всё сильнее и сильнее.

Я попыталась тогда влюбиться, попыталась заявить о себе, как о человеке, имеющем право и свободу выбора в жизни. Но, оказалось, что золотая клетка имеет надёжные запоры, а я увязла в Сладкой Жизни, как изюм в шербете, и выхода нет никакого – только ждать, когда кто-то откусит именно тот кусок, в котором я увязла.

Не знаю, как сложилась бы моя, теперь уже Горькая, жизнь дальше, но муж мой умер, не оставив мне в наследство ни гроша! В один день я лишилась и Богатства, и Власти, и Славы. А имела ли я всё это на самом деле? Ну, да теперь это уже неважно. В тот самый день, когда лишилась я своей Сладкой-Горькой Жизни, я обрела нечто другое – Сладость Свободы! У меня не было на руках и ногах золотых цепей, клетка распахнулась, и я снова ушла на поиски Сладкой Жизни. Конечно, сейчас у меня нет ни молодости, ни красоты, но остались уверенность в себе и опыт.

Я и теперь не знаю, какой должна быть настоящая Сладкая Жизнь, но знаю наверняка, что Сладость Свободы – её неотъемлемая часть. Теперь я ищу то, чего не купишь за деньги и не потеряешь, если найдёшь. Жаль только, что возраст уже не тот. Ну да будь, что будет! – сказала мне Страница, закончив свой рассказ.

Вот такая история, дорогие мои. Да, действительно жаль, что порою лишь к концу жизни понимает человек, что всё, чем он жил, на поверку оказывается совсем не тем, что он искал. Только у каждого свой путь, свои странности. Хочется мне, чтобы нашла эта женщина свою Сладкую Жизнь поскорее, да успела насладиться ею, насколько позволит время!

История двадцатая

Призраки

Останови свой мир хотя бы на мгновенье,
И ты увидишь, как несётся мир
Вокруг тебя в одну из чёрных дыр.
И обострённым остановкой зреньем
Ты вдруг увидишь тайну бытия.
Твой взор постигнет дивные края,
За суетою скрытые от глаза.
И ты поймёшь, что красота алмазов
Ничто в сравнении с величием вселенной.
Пусть мир несётся – ты остановись!
Остановись хотя бы на мгновенье.
Себя частицей вечности познай,
В ней растворишься, затем назад вернись.
И жизни ад вдруг превратится в рай...

– Бывало ли у Вас так, что окружающие Вас люди казались призраками? – Начал свой рассказ Странник.

Этот вопрос, буквально, отнял у меня дар речи. С виду мой гость никак не походил на сбежавшего пациента клиники для душевнобольных: вполне приличный молодой человек со спокойным и уверенным взглядом.

– Я знаю, что всё это звучит более чем странно, но, поверьте, я вполне здоров с точки зрения того, о чём вы сейчас подумали.

Он ещё и читает мо и мысли! Ну и ну! Что же будет дальше?

– А дальше я расскажу Вам историю своих странствий. Уверен, что Вы не осудите меня и хотя бы постараетесь меня понять. Я наслышан о Вас как о человеке, не лишённом своих странностей. Да и на призрака Вы совсем не похожи. Вполне может стать, что мы с вами одного поля ягоды. Вот Вам моя история, слушайте.

Предполагается... нет, вернее, утверждается, что все мы, люди, вполне реальные существа, живущие во вполне реальном мире. Каждый конкретный индивидуум отличается от себе подобного лишь набором хромосом и генов, определяющих их внешний облик и пол. Во всём остальном все человеческие организмы функционируют в принципе одинаково. Так же одинаково, утверждается, и воспринимают все люди окружающий мир. Вы согласны со мной? Хотя Вы-то как раз можете с этим и не согласиться. И будете правы. Потому как утверждение это верно лишь только отчасти.

В детстве со мной случались разные удивительные вещи, но самым удивительным было то, что временами мне казалось, что люди, которые меня окружают – призраки. А мир представлялся мне картинкой на картоне или на холсте, подобно очагу в каморке папы Карло из известной сказки. Не поверите, но у меня даже возникало желание, подобное испытанному деревянным мальчишкой – подойти и ткнуть в эту картинку пальцем, проделать дырочку и посмотреть, а что там, за холстом. Только с мальчишкой всё было наоборот – нарисованный очаг показался ему настоящим. Но, в определённом смысле, это две стороны одной медали.

Я, конечно же, по началу говорил своим родителям об этом. И они, так же, как и Вы, начали сомневаться в моём психическом здоровье. Начались походы по врачам, таблетки и уколы. Слава Богу, я во время понял, что все эти неприятные процедуры посланы мне в наказание за мою болтливость. И я перестал рассказывать врачам и родителям о своём необычном видении мира. Все возблагодарили медицину за эффективные и быстродействующие средства, а я был избавлен от них уже навсегда.

Но мне пришлось самому разбираться в том, что я действительно вижу, а что является плодом моего буйного воображения. А это, поверьте, было очень нелегко! К юности всё это обострилось настолько, что мне пришлось избегать общества своих сверстников и засесть за книги по психиатрии и метафизике. Кое-какие ответы на свои вопросы я нашёл, но многое ещё оставалось неясным. Однако главным итогом моих поисков стала полная адаптация к самому себе. Я понял, что имею право жить таким, каким меня сделала матушка-природа. Оставалось единственное – одиночество. Призраки-люди окружали меня везде и всюду: дома, на улице, на работе, где бы я ни был. Одиночество и невозможность поделиться с кем-нибудь своими переживаниями иногда доводили меня до отчаяния. И тогда я решил отправиться в странствие – не может быть, чтобы на всей Земле только один я был наделён таким необычным восприятием мира!

Проходя по городам, сёлам, деревням, везде и всюду встречались мне лишь только люди-призраки. Но я странствовал, не теряя надежды обрести друзей, таких же, как я. И во то дажды посреди шумной улицы одного большого города я увидел девушку, которая явно была

настоящей! Она стояла, растерянно озираясь по сторонам, испуганная и, я бы даже сказал, потрясённая. Я подошёл к ней. Мы познакомились и долго-долго говорили обо всём, что было понятно только нам двоим. Оказалось, что в этот день её видение обострилось настолько, что напугало её. И она уже всерьёз задумалась над тем, чтобы обратиться к врачу. Так нас стало двое.

Я снова отправился в путь, а девушка осталась обустроить дом к приёму гостей, нет, не гостей – родных. Потому что одинаковое видение мира делает людей не просто единомышленниками, а единовидцами, и единственный способ выжить для нас – собраться всем вместе в один дом. С точки зрения мира-призрака, этот дом можно будет назвать сумасшедшим, и это будет вполне оправдано. Но наше *видение* говорит другое. Всё дело в том, с какой точки зрения на это посмотреть.

Нашёл ли я ещё кого-нибудь, кроме той девушки? Да, нашёл. Нас уже несколько человек. Но я знаю, что есть ещё *люди-не-призраки*, нуждающиеся в моей, нет, теперь уже в нашей помощи. Именно поэтому я и пришёл к Вам и задал вопрос, так смутивший Вас по началу. Странноприимный Дом – самое подходящее место для таких, как я. Прошу Вас, если забредёт вдруг сюда кто из *наших*, дайте ему вот этот адрес и скажите, что его там ждут, что он очень нужен людям, видящим мир тем же необычным образом что и он, – с этими словами Странник написал что-то на листе бумаги и отдал мне. – До свидания. Я не прощаюсь. Будет нужда, приходите и Вы, – произнёс мой гость и направился к двери. Оглянувшись, он добавил:

– Вы не призрак.

Для то ю что бы привести в порядок свои мысли после визита этого Странника, мне понадобилось никак не меньше суток. Да и после этого нет-нет, да и приходили в голову его слова: «Вы не призрак». Как расценить их? И что это значит – быть не призраком для горстки людей? Это значит – быть призраком для всего остального мира? Что лучше?

Для тех, кто видит мир так, как этот Странник, вопросы эти, по всей вероятности, никакого смысла не имеют – у них нет другого выбора. А у меня?

Очевидно, пока я задаю себе эти вопросы, мне не по пути с *настоящими*. Но как только передо мной не будет стоять ни один из них, я, наверное, закрою свой Странноприимный Дом и отправлюсь по адресу, который оставил мне гость.

История двадцать первая

Продавец очков

За глупость платят головой,
За лето – жёлтой травой,
За солнце – тучей грозовой,
За смех – протяжным, жутким воем,
За радость тут же платим горем,
За счастье платим слёзным морем.
А чем же платим за любовь?
И с языка слетает: «Кровь» –
Точнее рифмы не найдёшь!
Стихами я плачу за дрожь
В коленях, в сердце и в руках –
Оплата смелостью за страх, –

А дружба с Музою крылатой
Сполна за жизнь мою расплата.
И грош в базарный день цена
Такому слову, как одна!

В последнее время повадились ходить по домам особые странники – продавцы. Таких странников в давние времена называли коробейниками. Носили они товары по городам и весям, и р а д бывал нар о д в о далённо й деревне такому захожему весельчаку с лентами, платками, отрезами ситца, шёлка и атласа.

Теперь время другое. Часто под видом таких коробейников ходят по дворам люди с нечистой совестью и недобрыми намерениями. И двери им уже редко кто открывает, а если и открывает, то потом горько жалеет об этом. Не пускаю и я таких коробейников к себе во двор. Собачки мои борзые Леда и Угадай чуют нехороших людей за версту и близко к воротам не подпускают.

Но не таков оказался торговец, постучавший в мой дом в один из летних вечеров. Борзые мои встретили его как родного и проводили прямо до крыльца. Может, слово он знал какое, может, прикормил чем, не знаю. Да только Леда и Угадай из чужих рук есть не станут, это уж точно! Не буду утомлять вас своими догадками, однако попала история Продавца Очков на страницы моей тетради, значит, странником он был настоящим.

Самое странное в его коммерческих путешествиях было то, что товар его, – очки, как вы поняли, – никто у него не покупал. «Какой же тогда он был продавец?» – вполне справедливо спросите вы. Продавец, продавец! В этом вы сейчас убедитесь сами. Весь секрет его торговли заключался

в том, что очки, которые продавал Странник, не были обычными очками для коррекции зрения. Точнее, зрение они, конечно же, корректировали, исправляли, по-нашему, но совсем не так, как мы привыкли себе это представлять. Каждый, кто имеет на своём носу вечно соскакивающее приспособление, состоящее из двух стекол, вставленных в оправу с оглоблями для ушей, знает свой дефект зрения и степень его дефективности. Согласно этому знанию и подбирает каждый себе очки в аптеке или на рынке.

Но этот продавец предлагал очки иного рода. Их можно было бы назвать волшебными, поскольку их действие в корне отличалось от действия обычных линз и походило скорее на волшебство, чем на банальную коррекцию зрения. Надевал человек очки коробейника, и казалось ему сначала, что совсем перестали видеть его глаза, потому что становилось сразу темно, как ночью. Но, привыкнув к темноте, начинал человек с дефектом зрения различать в ней картинки разные. Причём сменяли эти картинки одна другую очень быстро. Остановив мыслью движение сменяющихся картин, человек, надевший волшебные очки, мог разглядеть картинку получше и поближе, настроив изображение всё так же, мысленно. Получалось что-то похожее на видеofilm. Но видеofilmы крутились у каждого свои. Волшебные очки показывали человеку всю его жизнь, прокручивая из настоящего в прошлое. Будущего очки не показывали. Да и как можно его показать, если прошлое у человека одно, а будущее имеет множество вариантов, потому как зависит от настоящего целиком и полностью.

Всё это рассказал мне Продавец Очков, показывая мне свой товар. Очков в его чемоданчике было немного – всего пять пар. Каждая пара очков соответствовала возрасту

покупателя и абсолютно не зависела от вида и степени дефекта его зрения. А поскольку у меня, друзья мои, имелась близорукость в самом, что ни на есть, её классическом варианте, захотелось и мне примерить эти чудо очки и посмотреть, какие же картинки покажет мне этот видеоманитофон с дужками. Продавец подобрал мне нужный номер и водрузил эти, с виду самые обычные, очки на мой нос. Не буду описывать свои ощущения и видения в самом начале – они в точности соответствуют сказанному ранее, но вот то, что показали мне очки потом – важно.

А показали они мне одну очень неприятную картинку из моего детства. Такую неприятную, что и смотреть-то мне дальше не захотелось, и руки сами потянулись к очкам, чтобы снять их. Но Продавец остановил меня, сказав, что суть лечения и заключается в том, что **бы** не то **бы** досмотреть эту картинку до конца, но и понять, что **именно в тот момент** и не захотелось мне вообще смотреть на мир, видеть его чётко и ясно. Уж больно много в нём такого, что глаза бы не видели!

Трудно мне было послушаться Продавца, очень трудно! Потому как картинку эту память моя заблокировала от сознания основательно, чтобы не ранить душу воспоминаниями. И забылась она так хорошо, что до того, как предстала перед моими глазами во всей красе, даже мельком не всплывала никогда. Но по мере того, как приходилось вглядываться в детали, вновь пропускать через себя всю её боль и отчаяние, успокаивалось моё сердце, и приходило понимание.

Да, всё это было! Было и во многом определило дальнейший ход моей судьбы. Действительно после того случая желание смазать, размыть то, что мне приходилось

видеть в мире, стало реализовываться физиологически в близорукость – своего рода скорлупу, окружившую меня, словно защитный экран. Да, пришлось выписать очки, но надевались они мною лишь в тех случаях, когда это было нужно **МНЕ**. Моё существо с тех пор отказывалось от видения навязываемых миром картин. Когда понимание этого буквально раскрыло мне глаза на Истину, картинка исчезла, и снова стало темно.

– Ну вот! Теперь можно, – сказал мне Продавец, помогая снять очки.

Яркий свет ударил мне в глаза.

– Ничего, ничего! Это нормально. Теперь ваша близорукость постепенно сойдёт на нет, точно так же, как и нарастала, – удовлетворенно произнёс Странник, укладывая в чемоданчик чудо очки.

– Но Вам-то какая от этого польза?! – вырвалось у меня недоумение, – Вы же за это денег не берёте! Какой же Вы тогда Продавец?

– Видите ли, я пишу книгу о коррекции зрения. Каждая история, рассказанная моими покупателями, содержит в себе ценнейшую информацию о причинах того или иного заболевания глаз. Каждая история по-своему уникальна – это и является платой за мои очки! – ответил мне Продавец и показал увесистую папку, – сегодня моя книга пополнилась ещё одной историей. Так что, огромное Вам спасибо!

Ну и дела! Так мы, оказывается, ещё и коллеги по собирательству историй! Но, честно говоря, не поверилось мне, что так просто можно избавиться от неизлечимой, с точки зрения медицины, близорукости. Лечат её, конечно, хирургическим методом, лазерным лучом, как известно. Но чтобы вот так!

Однако всё чудо в том, что спустя некоторое время очки действительно стали мне не нужны! Вот ведь как!

А может быть, так можно и с другими болячками? Болит, к примеру, рука. Взять, да и спросить её, что было сделано этой рукой не так, или что она отказалась делать? Надо попробовать. А вдруг получится?

История двадцать вторая

Игрушечный город

О, где найти слова, определяя
Чтоб описать эфирность бытия?!
Мне помогает близорукость зренья
Увидеть то, что значит жизнь моя.
Замысловатость утренних туманов,
Зари рожденье, красок перелив...
Чертой запрета – отделение хлама:
Переступила – неизбежен срыв.
И, близоруко щурясь, я стараюсь
Не утонуть в грязи, не слиться с суетой.
Там, в подсознание, где-то в сердце знаю
Ту грань, что обозначена чертой.
Определений нет. Есть чувства, ощущенья
Того, что называю бытиём.
Мне помогает близорукость зренья
Увидеть свет в сознании моём.

Эту историю рассказала мне Страница. Вот видите, снова Страница. Так что, говорить о том, кто чаще заходит ко мне на огонёк, не приходится. Да и к чему эта статистика?!

Важно не количество, а качество. А с этим как раз и у Странников, и у Страниц, на мой взгляд, всё в порядке. Что же касается конкретно этой истории, то, я думаю, что не нуждается она ни в каком представлении. Смысл странствия будет вам понятен и так. Меня же эта история поразила тем, что нечто похожее в своё время произошло и со мной, только моё путешествие в Игрушечный Город можно было бы назвать автобусной экскурсией проездом. Но мне было достаточно даже того, чтобы просто увидеть этот город из окна экскурсионного автобуса. Игрушечный Город навсегда остался в моей памяти как нечто...

А, впрочем, вы и сами сейчас всё поймёте! Итак, послушаем Страницу.

– Сон или явь? Быль или небыль? А, может быть – Отдельная Реальность? Нет, точно, не сон! Все было так осязаемо и явно! Маленькое передвигающееся нечто – игрушечный автомобильчик, везущий меня по удивительно чистым и хорошо спланированным дорожкам города, аккуратные цветочные клумбы, подстриженные зеленые газоны. Мое существо переполнено блаженным покоем и счастьем. Все хорошо и правильно. Но... Чего-то, все-таки, не хватает, не хватает какой-то привычности, которая подсказала бы: «Да, это реальность!» Чего же?..

Ах, вот чего! Не хватает *кого* – людей! Я действительно их не вижу. Нет суетящихся, раздраженных, хмурых – никаких! Тогда почему же мне не одиноко? Я чувствую присутствие себе подобных... Но где же они? Ага, вон в той беседке, на холме, три человека. Улыбаются и машут мне руками. Там, вдалеке, на качелях – еще двое. Увидели меня на моем авто и тоже улыбаются. Я улыбаюсь в ответ.

Поднимаю глаза к небу и вижу в прозрачной голубизне игрушечный самолетик, который покачивает крыльями в знак приветствия. В самолетике – двое, таких же родных и улыбчивых. А в небе вместо облаков – разноцветные воздушные шары.

Я еду дальше. Повсюду чистота, порядок, уют и наполненность тихой радостью, Любовью и взаимопониманием малочисленных обитателей города. **МОЕГО ГОРОДА!** Понимание обожгло счастьем.

Мое авто уперлось в аккуратненький заборчик, выкрашенный в ярко желтый цвет. Мне нужно посмотреть, что там, за заборчиком. Сквозь редкие штакетины вижу продолжение города. Одна дощечка не вписывается в общую картину: болтается, как это обычно бывает в обычных городах, на одном верхнем гвозде. Отгибаю (зачем?! – из любопытства) и выезжаю по ту сторону... **ОГРОМНОГО, СЕРОГО ЧАСТОКОЛА** прямо на широкий грунтовый тракт! Грязь и пустота полей везде, куда не кинешь взгляд. А по дороге, чавкая сапогами по вязкой черноте, идут люди. Много людей! Лиц не разобрать, только серая, сливающаяся масса казенной одежды. Мое маленькое транспортное нечто режет строй. Мы едем против течения. На нас странно оглядываются. Недоумение: «Почему они так тепло одеты? Почему на мне легкое платьице? Что все это значит?»

«Ну что, покатаемся?»... Грязная телогрейка, в зубах окурки и злые, похотливые глаза...

Понимаю, что дальше продолжать ехать становится небезопасно. Мой умненький автомобильчик соглашается со мной и... превращается в серый выгоревший ватник. Теперь я не так заметна, разве что...

Ну да, конечно! Я все еще иду навстречу людскому потоку. Странно, но даже не возникает мысли о том, чтобы повернуть и пойти вместе с ними. Решение одно: выбраться из по т я и уйти в сто р оун Как же вер нуться назад, в Игрушечный Город?!

Ноги выносят меня на железнодорожную станцию. Вокзал. Мост. Людей немного. Кто-то спит, кто-то сидит, уставившись в одну точку. Читаю название станции: «МОНКА». Какое странное место! И ходят ли отсюда поезда в **МОЙ ГОРОД**? Вдруг один из серых, словно очнувшись, посмотрел на меня и ответил на мысли: «Вообще-то, нет. Но сегодня ровно в двенадцать часов здесь пройдет один поезд **ТУДА**. Только сегодня. И совершенно случайно. Из-за ремонта путей». И серый снова заснул.

«Мне повезло, – подумала я, – очень повезло! Остаться здесь навсегда?! – Лучше умереть! И зачем я только полезла в эту дыру?! Любопытство иногда может довести до... До станции со странным названием МОНКА, где люди, слившись в серый поток, живут им, словно во сне. Лучше умереть!»

Где я? Выбралась ли я со станции МОНКА, сев на свой случайный поезд ровно в двенадцать часов или все еще его жду? Одно знаю наверняка: Игрушечный Город – не сон, не небыль. Это, точно, отдельная или... отделённая странным двухсторонним заборчиком-частоколом Реальность.

И там ждут меня мои друзья.

История двадцать третья

Замок Любви

Любовь нам не приносит боль –
Мы это поняли с тобой!
Теперь понятно нам с тобою –
Лишь Путь к Любви помечен болью:
Любой неверный шаг – как нож,
Когда поранишься, поймёшь,
Что ошибался! Как слепой
Идёшь проторенной тропой,
Свернуть, пытаясь, обойти.
Награда ждёт в конце пути:
Бальзам Любви излечит боль!
Мы это поняли с тобой.

Вы слышали когда-нибудь о Замке Любви? Нет?

Мне приходилось слышать. Но вот где он находится и как к нему добраться, никто не мог мне сказать, пока не поведал мне эту историю Странник. Пришёл он ко мне в дом как-то под вечер. Странник как странник, ничего особенного в нём не было, но глаза... глаза его были такой глубины, что долго смотреть в них было просто невозможно – омут! Бездонный омут! И печаль. Однако было в них ещё что-то такое, о чём не берусь даже говорить. После его рассказа перевернулось что-то в моей душе, необратимо перевернулось.

Послушайте и вы историю о том, что случилось с моим гостем в Замке Любви. Он зашёл ко мне в дом на обратном пути. Один. А начиналась дорога ...

– Как прекрасно начиналась дорога! Мы шли, взявшись за руки и не замечая вокруг никого и ничего. А вокруг ничего и не было, кроме нашей любви. Всем знакомо это состояние: он и она, и больше ничего! Планы, планы, планы! И всё чудесно! Нет страхов! Нет границ!

Но есть у всех не пройденных дорог одно общее свойство: они обязательно разветвляются, подобно дереву. И как бывает трудно выбрать, куда идти дальше! Приведёт ли следующая дорога к вершине или закончится тоненькой веточкой и тупиком, за которым бездна?

Говорят, что для того, чтобы дойти до вершины дороги Любви, надо пройти через Её Замок. Удивительный Замок из чистого горного хрусталя! Туда мы и направлялись, взявшись за руки – начало пути обязательно приведет к его воротам. И вот, вдалеке показалось переливчатое сияние, окрашивающее во все цвета радуги горизонт. Мы ускорили шаг. Чудо манило и прибавляло сил. Сияние приближалось, окутывая нас мягкими волнами. До Замка было уже совсем недалеко, четыре десятка шагов, не более, как вдруг дорога оборвалась у глубокого рва, окружающего крепостные стены. Вот это да! Зачем Замку Любви крепостные стены и глубокий ров, наполненный водой? Это же Замок Любви!

Мы недоуменно переглянулись. Может быть, мы ошиблись дорогой? Да нет, ориентиры были правильные. И сам Замок за крепостными стенами в точности соответствовал тому, что о нем говорили: чистейший горный хрусталь, звенящий под ласками ветра и сияющий на солнце, словно бриллиант. На другой стороне рва – ворота, перекидной мостик. Как же переправиться через ров? Как дать знать тому, кто ведает переправой, что мы пришли? Может быть, попробовать вплавь?..

Господи! Что это?.. **ЧТО ЭТО ТАМ, ВО РВУ?!** Это же не вода, а кровь! А земляной вал?! То там, то здесь белели сквозь грунт... кости... Человеческие кости и черепа!

В страхе мы уже приготовились, было, бежать от этого места, но вдруг перекидной мостик вздрогнул и начал медленно опускаться, открывая проход в стене. Мы стояли, словно заворожённые, и смотрели, как раскручиваются золотые цепи, а в открывающийся проход изливается нестерпимое сияние. Мостик стукнул о землю прямо перед нашими ногами. Можно идти!.. А ноги словно пустили корни – не сдвинуться! Что делать? Вот она цель, прямо перед глазами во всём своем великолепии...

Если бы не зловещий ров и вал...

Неужели **ЭТО** плата за гостеприимство?...

«К нам ведь не ходят в гости, –

Стукнул о землю мостик. –

Если пришли – живут!

Те ж, кто на пять минут

В Замок пришли погостить,

Будут костями мостить

Вал земляной потом,

Кровью своей поток

Этот, во рву, пополнив.

Верно ль назвали Любовью

То, что меж вами сейчас?

Есть ли единство глаз?

Есть ли единство рук,

Даже во тьме разлук?

Есть ли единство душ?

Можно ли словом разрушить

То, что понятно без слов?
Есть? Ну, тогда Любовь
Замок откроет вам.
В ГОСТИ НЕ ХОДЯТ К НАМ!
Остановились что же?
Сердце сомненья гложут?
Лучше повременить,
Чтобы живыми быть»...

Ошеломленные, мы стояли, не смея двинуться с места.
Так вот оно что?! Наши руки разомкнулись, и мы
внимательно посмотрели друг на друга... Лучше
повременить.

Замок растаял, словно мираж в пустыни. А мы пошли,
каждый своей дорогой, размышляя о том, что же спасло нас
от гибели, и почему не остановились те, другие. Может быть,
они были ослеплены сиянием Замка и не заметили того, что
было во рву и скрепляло земляной вал?

Но каждый из нас теперь точно знал, что такое Любовь...

История двадцать четвёртая

Половина

Ну, вот, прошла я половину
Свою, не разгибая спину
Над верным спутником столом
И с ручкою в руке, с челом,
Опершимся на руку.
Прошла я половину муки.

От муки белая мука
Осталась – пыль и облака
На синем-синем ясном небе.
Вторую половину мне бы
Осилить так же, за столом
И с ручкою в руке, с челом,
Опершимся на руку.
Вторую половину муки
Мне так, как первую пройти бы.
Я Господу скажу: «Спасибо
За стол, за ручку, за тетрадь,
За строчки лёгкой благодать!»
Скажу: «Спасибо и за руку
Господню, за посильность муки!»

Как отыскать свою Половину? Смотря, что вкладывать в это понятие. Можно понимать под «своей Половиной» человека, без которого ты, вроде как, неполный, нецелый. А можно понимать, как Половину самого себя натурально, то есть, потерялась где-то какая-то важная часть тебя самого. И найти её необходимо потому, как очень тебе неуютно без неё в жизни, некомфортно. Скажете, снова пахнет душевным нездоровьем? Что поделаешь – Странноприимный Дом!

Но, давайте не будем кривить душой! Каждый из нас время от времени чувствует эту нехватку чего-то в самом себе. Чувствует, но боится признаться, потому, как пахнет душевным нездоровьем. А мы все так хотим выглядеть душевно здоровыми, что иногда не замечаем, как заболевают наши души.

Успокойтесь. В Странноприимном Доме каждый выглядит так, как есть, а не так, как хотелось бы. Поэтому давайте не будем навешивать ярлыки друг на друга и стараться выглядеть лучше в глазах окружающих. Мы сейчас наедине сами с собой. А перед собой кривить душой ни к чему. Вредно это для её здоровья!

Целостность самого себя, а речь в этой истории пойдёт именно о ней, штука сложная и, как утверждают практики, трудно достижимая в реальности. Вот как! А вы – о душевном здоровье. Если верить этим самым практикам, то девяносто процентов мирового населения – люди, не обладающие этим качеством, а, следовательно, по-вашему, душевно нездоровые. Тогда всем нам полезно будет узнать историю Странника, который ищет самого себя, свою Половину, пытаясь стать *целостным*, полным, одним словом.

Честно говоря, туманно всё это для меня, сложно для понимания. Но, чувствую, есть во всём этом что-то очень правильное. А может, не надо это понимать вовсе? Главное – почувствовать? Давайте разбираться вместе. Те же, кто считает себя душевно здоровыми, могут захлопнуть книгу, даже выбросить её на помойку. Авось подберёт её тот, кому это нужно.

– В детстве я ничего такого за собой не замечал, – начал свой рассказ Странник. – А вот в юности стало мне казаться, что чего-то не достаёт у меня внутри. Или, наоборот, присутствует нечто неопределённое, неопределимое, что ли. И без его определения, кажется, что чего-то не хватает, не достаёт внутри меня. Непонятно? А понятнее не получается. Потому как не выразить этого словами, не описать.

Ну, да попробую. Важно это очень. И не только для меня. А Вы, если сумеете понять меня и записать всё, принесёте тем самым большую пользу людям, потерявшим *свою Половину*.

В начале я, как и все, думал, что нехватка эта объясняется очень просто – пришла пора влюбиться. Именно это я и сделал, как только попалась мне подходящая девушка. Она ответила мне взаимностью. Мы начали встречаться. Новизна ощущений захватила меня на какое-то время. Но потом, когда встречи наши начали становиться чем-то обыденным, даже скучным, чувство нехватки снова дало о себе знать. Как оказалось, оно и не покидало меня вовсе!

С этой девушкой пришлось расстаться – неутешительные выводы заставили меня это сделать: если чувство неполноты никуда не ушло, значит, я встретил не того человека, не свою половину. Зачем делать кого-то несчастным и самому страдать, если есть где-то на свете *моя Половина*?

Я снова отправился на поиски. Теперь я был уверен в том, что ищу именно человека, а не что-то неопределённое внутри себя. Почему я был в этом уверен? Знаете, искать что-то неопределённое в самом себе означало, по моему тогдашнему убеждению, не верить в себя, сомневаться в своих силах, ходить по краю над пропастью безумия. В этом меня убедила сама жизнь.

Знавал я таких людей. Некоторые из них закончили свои дни печально, судьба других мне неизвестна. Теперь я смог бы помочь тем бедолагам, о которых знаю, да поздно. Но, может быть, живы ещё те, другие. Тогда бесполезно будет им узнать о том, что знаю теперь я. Но я знаю это сейчас.

А тогда я отправился дальше, искать *свою единственную и неповторимую Половину*. Вы, наверное, скажете, что это

естественный поиск каждого нормального человека. Да-да, именно так я тогда и думал. Проще говоря, я отправился на поиски своей любви. Мне было не одиноко – вокруг меня все мои сверстники занимались тем же самым. Кто-то более усердно, кто-то – менее. Мы, естественно, делились опытом. Некоторые из моих друзей давали мне «совершенно точные» рецепты «правильного» выбора *своей Половины*. Я пробовал применять их на практике – выходило всегда отвратительно.

А самое главное – нехватка чего-то внутри меня обострилась к тому времени до предела. И это притом, что я уже практически разочаровался в своём поиске, утратил интерес к противоположному полу в том смысле, в котором хотел обрести целостность.

И вот тогда я понял, что мне всё-таки придётся вернуться к самому себе, что бы об этом не думали все вокруг. Раньше я избегал это ю ещё и по тому, что боялся безумия. А в тот момент я был на грани безумия именно из-за разочарования поиском. И вот, собравшись с духом, я однажды всё-таки заглянул внутрь себя. Вы не думайте, что это было легко. Очень нелегко! Первые шаги в своё внутреннее пространство давались мне с большим трудом. Каждый раз я в страхе возвращался – пугала необъятность, невозможность измерить то, где я нахожусь.

С одной стороны, внешней, всё кажется очень просто: есть **Я**, физически определяемый объект с вполне определяемыми внутренними качествами. А с другой стороны, при попытке проникнуть внутрь, всякая определённость исчезала без следа. Причём, пытаясь применять для определения себя внутреннего те «определённости», которые были приняты моей внешней стороной, я всегда заходил в тупик – изнутри всё выглядело не так определённно, как казалось снаружи. И,

несмотря на противоречивость моих ощущений, я всё же продолжал делать попытки снова и снова. Мало того, это занятие так захватило меня, что незаметно для себя я забыл о том, что раньше терзало меня и мучило, забыл о цели своего поиска, забыл о том, что когда-то так боялся заглянуть внутрь себя из-за боязни сойти с ума.

Нет! Ни о каком безумии теперь не могло быть и речи! Напротив, казалось безумным бояться сойти с ума из-за того, что теперь стало таким близким и необходимым. Эта вторая *моя Половина* по мере осознания мною самого себя, фактически не проясняла для меня ничего. Но было нечто такое, что я *знал не зная, понимал не понимая*. Это знание и понимание приносило покой и удовлетворение на глубинном уровне моего существа.

Оказалось, что я всю свою жизнь искал то, что всегда было во мне! Это *нечто* пыталось достучаться до меня, заставляло искать его, вносило в мою жизнь ощущение неполноты. Теперь я знаю, что это нечто – сама Вселенная. Все мы её дети, и жить в беспамятстве неуютно и одиноко, но когда ты *вспоминаешь, кто ты*, всё вокруг тебя меняется удивительным образом.

Знаете, мне даже кажется, что мы приходим на Землю и живём с единственной целью – вспомнить это. А мир внутри нас – мостик воспоминания, – его невозможно описать словами. Обойди весь мир, войди в самого себя и ты увидишь мир, гораздо больший, чем тот, что ты обошёл. Потому что мир внутри тебя соединяется с Вечностью! Теперь мне понятен смысл извечного человеческого поиска. И те, кто ищут Любо в, на самом деле очень близки к истине. Они на правильном пути. И настанет день, когда они, так же как и я, войдут внутрь своего существа и обретут

целостность, обретут *свою Половину*. Главное – не уйти слишком далеко от цели, не заглушить в себе настойчивый стук Вселенной! – Странник умолк.

Не хотелось говорить и мне. Удивительно, как иногда слова, не понятные разуму, неподдающиеся никакому осмыслению вообще, действуют на человека! Как будто что-то невидимое, но очень чувствуемое, входит в тебя, словно некая субстанция, заполняя каждую клеточку твоего существа, каждую «соту», даря ни с чем несравнимое ощущение покоя и... *целостности*.

Надо обязательно *Это* запомнить!

А понимание? Пойму потом...

История двадцать пятая

Опасность

Вчера мы вступили в период
Активного солнца. Люди,
Сегодня я сделала вывод:
Ужасное что-то будет.
Активное солнце, и эта
Связь с судьбами необъяснима.
Холодная наша Планета...
Горячее наше Светило...

– Я чувствую Опасность всем своим существом!словно какое-нибудь дикое животное. Животное... Вы знаете,

именно живот и является центром, воспринимающим Опасность! Оттуда она уже передаётся по всему телу, – это были первые предложения рассказа Странника.

Все странники чего-то ищут. В этом уже довелось убедиться и мне и вам, не так ли? И каждый ищет что-то своё. Может быть, есть среди них такие, которые странствуют просто так. Мне иногда так казалось, но на проверку всегда выходило, что цель странствия всегда присутствует. Пусть неосознанно, но присутствует всегда. Как можно было бы определить цель пути этого Странника? Не знаю. Хочется мне пересказать вам, уважаемые, его историю, а потом уже давайте думать вместе о цели странствия этого человека.

– Бывает так, что всё вроде бы хорошо, – продолжил свой рассказ Странник, – и люди, и окружающая природа находятся в гармонии: на небе нет ни облачка, солнышко ласковое и доброе, люди вокруг улыбаются. Но вдруг появляется в середине живота странное ощущение, и начинает всё вокруг меняться, заставляя меняться и меня самого. Я замечаю вдруг, что и небо уже затягивают тучи, и солнце, проглядывая сквозь них, светит напряжённо и угрожающе. А люди! Люди меняются так сильно, что Вы просто не можете себе представить! Наконец Опасность овладевает мною полностью и заставляет срываться и бежать как можно дальше от этого места.

Вот она – цель! Убежать от Опасности. По-моему, кто-то уже рассказывал мне о таком бегстве. Дайте-ка вспомнить... Да, женщина убегала от Обмана. Похоже, но не совсем. Во

всяком случае, цель, по-моему, определилась. Послушаем дальше.

– И я убегал. Первое время я искал убежище дома, в уединении. И это, знаете, помогало. Но потом Опасность проникла и в мой дом. Постепенно всё в нём стало враждебным, излучающим то, от чего я прятался. Самым нехорошим было то, что я, чувствуя Опасность, всегда начинал паниковать, суетиться. И никогда не приходило мне в голову, просто сесть и задуматься, откуда она берётся и почему так стремительно овладевает мной и всем окружающим меня миром. Что я чувствовал в эти минуты, часы, дни, а иногда и месяцы Опасности? Я бы мог назвать это чувство страхом, но для меня страх всегда конкретен – я боюсь чего-то или кого-то, и всё ясно. А здесь Опасность и была тем чувством, которое я переживал.

На этом этапе рассказа мне, честно говоря, стало неинтересно. По всему выходило, что Странник мой вовсе не странник, а просто человек с расшатанными нервами. И в мою голову полезли мысли о том, чем же я смогу помочь этому человеку, чтобы поправить его нервную систему. Ну, перво-наперво, конечно же, дам ему с собой валериановый корень, да мяты и Melissa...не помешает ещё лимонник китайский, и страстотерп вековой – он от таких расстройств самое верное средство...

– Э! Да Вы меня, как вижу, не слушаете! – Вывел меня на чистую воду гость, – я понимаю Вас. Вы человек опытный и неглупый. Думаете, наверное, что с нервами у меня не всё в порядке, так? Не спорю, похоже, очень. Я и сам так думал

тогда. Травки разные заваривал и пил. Стратотерп вековой, слышали о таком? Первое средство при таких недугах.

Мне стало совестно за себя, а Странник продолжал свой рассказ.

– Надо сказать, что травы мне очень помогли. Но только не в избавлении от Опасности: я перестал паниковать, когда она приходила. Мало того, я попытался поговорить с ней. Один раз даже накрыл на стол, как положено, и предложил Опасности сесть и обсудить причины её такой чрезмерной ко мне любви.

Вот тебе и на! Да это смахивает уже на нечто похуже, чем нервное расстройство! Это...

– Пожалуйста, не делайте поспешных выводов, я Вас очень прошу! – Вновь отгадал мои мысли Странник, – выслушайте меня до конца, а потом подведёте итог.

В самом деле, что это я? Ведь и не такое приходилось мне слышать и видеть. И люди, заходившие в мой дом, всегда не были вполне нормальными с точки зрения нормальности вообще. И почему это я вдруг хочу видеть и слышать что-то адекватное о бично м, если и до м мо й и я давно уже перестали сами быть таковыми. Всё! Беру себя в руки и слушаю до конца!

– Спасибо большое! – Сказал гость, видимо уловив перемену моих мыслей по сосредоточенности во взгляде, – так вот, не села тогда Опасность за мой стол. Ушла! Уже

один этот факт меня обрадовал, даже развеселил. И я начал размышлять о том, откуда же всё-таки она приходит, и что такое во мне есть для неё привлекательное, что она выбрала именно меня предметом своих, к тому времени уже довольно частых, посещений. Но, к моему глубокому разочарованию, я так ни до чего и не додумался. А поскольку выдерживать визиты Опасности становилось всё труднее и труднее, я не нашёл лучшего решения, кроме как покинуть родные края и посмотреть, найдёт ли меня Опасность вдали от привычной обстановки.

Не буду описывать свои странствия – важен лишь результат. А он был таков: везде, где бы я ни был, сначала всё бывало хорошо и спокойно. Но, с течением времени, Опасность появлялась снова, и всё повторялось точь-в-точь, как в первый раз, с той лишь разницей, что я научился управлять собой в самые критические моменты и понял, что причина, на самом деле, кроется во мне и в окружающем меня мире. Попробовал даже один раз не убежать от Опасности, а встретиться с ней лицом, так сказать, к лицу. Вы не поверите! Она отступила так же, как и тогда, когда я хотел обсудить с ней её визиты. С другой стороны, я совершенно ясно понял, что не всегда разумно поступать именно так, – здесь важно почувствовать именно животом, а не разумом, стоит ли тебе с ней встречаться или нет. Бывает, что лучше уйти, избежать столкновения.

Понял я также, откуда приходит Опасность. Есть на Земле места, буквально излучающие её. Некоторые сильнее, некоторые слабее. Убрать Опасность из этих мест нельзя – можно её обойти, а вот встречаться с ней я бы не посоветовал в таких местах никому. Путешествуя, я составил карту Опасности нашей Земли. Иногда Опасность приходит

из воздуха. Она слабее, чем Опасность Земли, но тоже очень действенная, и тот, кто встречается с ней, редко выдерживает её пристальный взгляд. Но самая беспокоящая, хоть и не такая сильная, как первые две, Опасность, исходящая от людей. Мир людей пропитан ею словно губка водой. Уверен, что и Вы живёте в уединении именно по этой причине – чувствуете Опасность. Так? И вот что я Вам скажу, мы сами вольно или невольно также являемся её источниками!

Как то вко я это по ил, мне срау же стало легче управлять назойливой визитёркой. Постепенно я научился блокировать свою собственную Опасность, и оказалось, что это единственный способ жить спокойно. Подобное притягивается подобным – вот Вам итог моих странствий. Опасность, заключённая в моём существе, притягивала Опасность мира во всех её проявлениях! Признать это было для меня очень нелегко, потому как я всегда считал себя очень безопасным и мирным человеком. Но польза от признания оказалась огромной. Вместо паникёра, запертого в четырёх стенах ложной безопасности, Вы видите сейчас перед собой спокойного исследователя Опасности. Мне не хватает самой малости для того, чтобы завершить своё исследование, и я засяду за написание монографии на эту тему. О её издании я пока не думаю. Главное уже произошло.

Вот уж действительно, никогда не надо судить о человеке сходу, не выслушав до конца! Как нам всем и всегда кажется, что мы разбираемся в людях! Достаточно человеку сказать слово – мы уже знаем, кто он такой; фразу – мы ставим ему диагноз. Но так же часто на самом деле бывает, что диагноз этот – наш собственный, а человек, которого мы так смело продиагностировали, встретился нам для то ю , что бы дать

нам рецепт излечения. И, сплошь и рядом мы, боясь выглядеть некомпетентными, упускаем, быть может, уникальную возможность поставить диагноз самому себе и вылечиться от недуга! А недуг-то, как оказалось, есть. Никогда не приходилось мне задумываться о том, почему я живу в уединении. А Странник сказал мне то, в чём признаться себе было трудно: Опасность. Именно Опасность была тому причиной! Но это уже моя история.

История двадцать шестая

Вершины и границы

Я вновь стою перед раскрытой дверью,
А за порогом бездны пустота.
Вновь сознаю, что я уже не та,
Что раньше. Вновь не верю, веря.
Пространства ветер задувает время
И выбивает почву из-под ног.
Но, ощущая свой земной порог,
Я высекаю кремнием о кремний
Огонь внутри себя, чтоб освещал мне путь.
И этот пламень больно жжёт мне грудь!
Но вихрь пространства облегчает муку.
Отдав огню сомнения и страх,
Я протянула ветру свои руки
И сделала ему навстречу шаг...

Сумерки всегда были для меня самым загадочным временем суток. Именно в сумерки приходят обычно ко мне

гости-странники. Именно в сумерках слышу я о т них удивительные истории, благодаря которым конец дня приобрёл для меня таинственную, интригующую окраску. Всё в эти часы расположено к тишине, успокоению, откровению. Оставаясь наедине с собой, я всегда пребываю в задумчивом состоянии. Нельзя сказать, чтобы задумчивость моя была озабоченной чем-то. В часы, когда солнце уходит на покой, увлекая за собой всю природу, не хочется суетиться даже мысленно. Можно назвать такое состояние полудрёмой, полузабытьём, чем-то неопределённым «полу...».

Часы затишья, полубытия. Часы проникновения в необозримые сферы тайны. В эти часы небо обретает свою глубину, окрашиваясь в ультрамарин и темнея до черноты. Быть может, именно небо и является главной причиной моей странной задумчивости в сумерки?... Хотя, нет, оно – один из элементов, дающих такой настрой. Вот оно! – Настрой на Вселенную!

Именно так! Настраиваясь на Вселенную, нельзя не прийти в такое состояние. Или, наоборот, в эти часы Вселенная заставляет настроиться на Вечность – так будет точнее. Всё происходит помимо моей воли, хотя и это утверждение двойственно: мне нравятся часы сумерек. Сумеречные часы Вечности – самое ясное её время!

Куда это меня занесло, друзья мои?! Вот видите, она такая, эта Вечность! Стоит только о ней задуматься, и ты уже далеко-далеко от родного дома, от конкретности и суеты бытия... нет – жизни. Бытие – это о Вечности.

А история моя будет...

Не знаю, увяжется ли она с таким предисловием к ней или нет, посмотрим. На мой взгляд, с Вечностью увязано всё вокруг.

Такое задумчивое настроение было у меня и в тот вечер. Странник мой был, не в пример другим, молчаливым. После ужина мы сидели в гостиной у камина и смотрели на огонь. Пламя отсветами играло на стенах, создавая своеобразный театр теней. Угадывая происходящее действие, мои мысли блуждали далеко от Странноприимного Дома, от гостя и времени вообще. Поэтому тихий голос Странника испугал меня. И мне понадобилось некоторое время для того, чтобы придти в себя и понять, что молчанию гостя пришёл конец. Настало время откровений.

– Эти тени напоминают мне мою жизнь. Театр теней. Где-то горит огонь – идёт настоящая жизнь, а тени – лишь порождение его пламени: не будет движения огня, и не будет движения теней. Где-то горит огонь, заставляя двигаться тени нашей жизни. Вершины пламени создают границы теней. А тени суетливо двигаются, думая, что живут сами по себе, укладываются спать, когда догорает огонь, чтобы вновь проснуться вечером в отсветах нового огня. Но сам огонь – тоже чьё-то творение, был зажжён для того, чтобы кто-то мог сидеть у камина и наблюдать за суетливой жизнью теней. И так до бесконечности. Всегда чьи-то вершины для кого-то всего лишь границы теней. Странствуя, я везде и всюду нахожу подтверждение этой мысли. Собственно, и причиной моего странствия стали вершины и границы.

Не задумывались ли Вы когда-нибудь о том, что человек не может существовать без границ и вершин? Мне однажды пришла в голову такая мысль. Пришла после того, как я

впервые осознал границы своего существования и увидел вершины, определяющие эти границы. Многие люди думают, что они сами являются вершинами, а следствие этих мыслей – всегда ошибочное представление о безграничности существования во всех его смыслах. И я могу сказать Вам также, отчего многие стараются не задумываться о том, что может быть иначе. Хотите знать? А вот почему: никто не хочет осознавать свою ограниченность! Это всегда больно и неприятно. Куда лучше мнить себя вершиной! Но приходит время, и пламя гаснет. А ты, угасая вместе с ним, не видишь причины прекращения своего существования. Она не в тебе. И перед тем, как угаснуть вместе с пламенем, осознаешь вдруг свою ограниченность. Но поздно! Жизнь прожита, а ты так и не смог понять, в чём же был истинный смысл твоей жизни.

Вот и я осознал ограниченность своего существования почти на смертном одре. Врачи поставили мне диагноз – вынесли смертный приговор с отсрочкой исполнения на два года. И вот тогда, лёжа не больничной койке рядом с умирающими соседями по палате, я понял, что вершина – не я. А границы – вот они, передо мной! Там, в больнице я видел многих людей, потрясённых этим открытием и обессиленных потрясением. Они отчаянно цеплялись за свои вершины, не понимая того, что там, за границами, всё, чем они жили и о чём имели совершенно точное представление, вовсе не имеет смысла.

Я смотрел на них и видел себя. Видел всю страшную правду своей бесполезной и суетной жизни. Именно тогда я впервые подумал об этом: неужели у нас совсем нет выбора? Неужели нет ни единого шанса достичь настоящей вершины и увидеть, что там? И, выписавшись из больницы

обречённым на медленное и мучительное умирание, я решил нарушить границы своего существования, решил о тр виться в путь, тем бо же что тер ять мне было уже нечего.

Постепенно, шаг за шагом, я осматривал свои границы и разрушал их, продвигаясь вперед. На смену старым границам тут же вставали новые. Временами я приходил в отчаяние, опускал руки. Но неумолимое время снова подталкивало меня, заставляя двигаться. И тогда я находил утешение в том, что ушёл от старых границ гораздо дальше, чем казалось, и что вернуться к ним было бы равнозначно продолжению пути. И я выбирал идти дальше. И новые границы появлялись передо мной, а до вершин, казалось, уже не добраться никогда. Это всё равно, что идти к горизонту: ты видишь его отчётливо, идёшь к нему, выбиваясь из последних сил, а он всегда там же, где и был.

Но самое удивительное в этой истории то, что с тех пор, как я отправился в странствие, прошло уже десять лет! Что стало с моей болезнью? Не знаю. Я больше ни разу не был ни у одного врача. У меня даже нет времени подумать об этом как следует. Всё моё внимание, всё моё время отдано теперь границам и вершинам. Может быть, мой смертельный недуг остался там, в моих прежних границах? Не знаю. Это теперь для меня не имеет значения. Я теперь всегда готов умереть, и время моё посвящено лишь этому – раздвинуть границы и познать вершины, – Странник замолчал, всматриваясь в угасающее пламя камина.

Тени на стенах стали менее суетливыми, более размытыми и постепенно слились с наступающей тенью ночи. Дрова прогорели. И лишь угольки время от времени вспыхивали

синеватыми язычками и гасли, не успев создать на стенах ни одного внятного образа.

Вечность звала на покой.

История двадцать седьмая

Прогулка

Реальность сна иль иллюзорность яви?
Скажи, мой друг, ответь, что с нами было?
Мы растворились, стали звёздной пылью...
Да, под ногами был песок и гравий
Пути земного. Но прикосновенья
Нас вынесли из атмосферы душной
Планеты умирающей, и души,
В едино слившись, развернув мгновенье,
В безвременье проникли, став частицей,
Слагающей Вселенную и Вечность.
Вдруг стала нам юдолью неба млечность.
Поистине, такое лишь присниться
Могло! Но это был не сон:
Я помню, как два сердца в унисон
С органом сфер Вселенной бились гулко.
И не было прекрасней той прогулки
По Вечности в безвременье вдвоём!
Казалось мне, что мы уж не найдем
Назад дороги. Да и ни к чему!
Что было с нами, друг мой, не пойму...

– Я гуляю по Вечности, – сказал мне Странник, лукаво улыбнувшись. Его лучистые глаза смотрели на меня ласково и испытующе.

Что можно было сказать в ответ? Слова Странника могли означать всё, что угодно: от сумасшествия, до прекрасной метафоры. Человек, сидящий передо мной казался весёлым и одновременно серьёзным. Я не знаю, как можно совместить эти две противоположности, но именно таким и был этот Странник.

– Как я понимаю, Странноприимный Дом – дом для странных людей. Странных, не в смысле путешествующих, а в смысле странности поведения, личности человека. Я прав? – Всё так же, лукаво улыбаясь, спросил меня гость.

Вопрос был риторический. Мне ничего не оставалось, как только кивнуть в ответ.

– С другой стороны, я бы сказал, что название «странноприимный» в смысле «принимающий путешественников» тоже оправдано. Путешественник находит здесь всё, что нужно усталому телу и беспокойной душе.

Мне снова осталось лишь подтвердить сказанное.

– Как на Ваш взгляд, я соответствую тому типу людей, о котором только что сказал? – Вновь задал мне вопрос Странник. И снова мой кивок выразил согласие.

Недоумение позволяло мне только делать движения головой. Рот отказывался исполнять привычную для него роль рупора гласности – настолько необычным, нетрадиционным было начало нашего разговора. Не в моих правилах было расспрашивать гостей о чём-то. Обычно они сами рассказывали мне о себе. Но ни один из странников никогда не допрашивал меня подобным образом! Было от чего потерять дар речи. Однако гость мой определённо мне нравился. Это сияние глаз! Эта лёгкая, непринуждённая манера говорить!

– Я гуляю по Вечности, – повторил Странник свою первую фразу. И теперь она прозвучала совсем иначе. Так, словно он назвал мне своё имя, фамилию, полный домашний адрес, семейное положение и прочее, прочее. Так, словно после этого предложения всё встало на свои места, и наше знакомство с ним продолжается не десять минут, а... целую Вечность!

– Привет! – И это фамильярное приветствие закадычных друзей было уместно.

– Привет, – вырвалось у меня безотчетно и... правильно. Мало того, захотелось сказать ещё что-то вроде «как мы давно не виделись» или «где тебя, скажи на милость, носило?!».

Странные, однако, вещи творятся в этом Странноприимном Доме!

– Я тоже скучал, – сказал Странник в унисон моим побуждениям, – но Вечность, она такая штука, что никогда не знаешь, насколько вышел погулять. Иногда тебе кажется,

что ты вышел всего на пять минут и даже не успел надышаться как следует и размять свои кости, а, возвратившись, понимаешь, что прошло уже несколько лет. И люди, которых ты так любил, давно забыли о тебе. И всё изменилось вокруг до неузнаваемости. И ты сам больше не можешь жить так, как живут те, кто тебя окружает. Попытавшись вписаться в картину мира, плюёшь на всё и снова уходишь погулять. Можно ли назвать эти мои прогулки странствием? Я думаю, что нет. Потому что для Вечности – это прогулка. И для меня тоже. Что происходит с другой стороны, сказать трудно. Дело, очевидно, во времени. Но мне это неинтересно. Прогулки по Вечности стоят того, чтобы выпасть из общего потока идей, мнений, проблем и ситуаций. Описать эту прогулку словами невозможно не только потому, что всё сказанное будет не более чем слова, но ещё и потому, что в Вечности нет памяти разума, есть только память тела. Но эта память также невыразима языком. Если хочешь, я возьму тебя с собой. Это единственный способ узнать, что же такое прогулка по Вечности.

Предложение это застало меня врасплох. С одной стороны, с этим человеком можно было пойти куда угодно, даже погулять по Вечности. С другой стороны, меня пугала неопределённость цели и невозможность предугадать последствия такой прогулки.

– Я понимаю твои сомнения, – всё так же, улыбаясь, сказал мне Странник. – Предложи мне в своё время кто-нибудь такое, я тоже был бы в растерянности. И, скорее всего, не принял бы предложения. Но сейчас для меня нет, и не может быть ничего увлекательнее и лучше, чем гулять по

Вечности. Кто знает, застану ли я тебя здесь, когда вернусь оттуда в следующий раз, – с этими словами гость протянул мне руку и сказал, – ну, что? Пойдём?

Моё замешательство достигло предела, правая рука безотчётно потянулась к руке Странника, но, когда осталось совсем немного до того, как наши руки встретятся, разум взял над телом верх, заставил меня отдёрнуть руку и по-детски спрятать её за спину. Мой рупор гласности пришёл от испуга в себя и произнёс, запинаясь:

– Н-нет! С-спасибо! В следующий раз... Ты ...возвращайся скорее... ладно?

– Я тебя понимаю, – Странник улыбнулся, обнял меня на прощание и сказал:

– Очень тебя прошу, дождись меня...

Мне показалось, что в глазах его блеснули слёзы, или это мои глаза заволокло туманом. Ком подкатил к горлу и мешал мне дышать. Когда же туман рассеялся, Странника уже не было. Но с той поры у меня не появляется чувство печали, утраты чего-то самого главного, очень нужного в жизни. И каждый день я просыпаюсь с надеждой, что он вернётся и снова протянет мне руку. А я, конечно же, без сомнений, тогда уйду вместе с ним погулять по Вечности.

История двадцать восьмая

Разум

Всё неустроенно, и всё так зыбко!

Всё ненадёжно, и всё преходяще!
Лишь камертоном в сердце голос скрипки
Звучит с годами явственной и слаще.
И вслушиваясь в тоненькое соло,
Вдруг обретаешь и покой, и силы.
И то, что мир сей суетою полон,
Не замечаешь – только звук красивый.
Всё растворяет, проходя сквозь душу,
Тот голос скрипки, звук, что ниоткуда!
Тот, кто лишь раз мелодию послушал,
Что камертоном в сердце раздаётся,
Поймёт, что жизнь, кипящая повсюду,
На самом деле жизнью не зовётся.

Чего только не приходит в голову этим странникам?!
Каким-то непостижимым образом устроены их головы!
Каждый раз они подбрасывают мне всё новые и новые
загадки, решить которые иногда бывает не под силу. Но мне
нравится всё, что они рассказывают. В их разнообразных
историях есть нечто общее, удивительно волнующее!..
Волнующее! Вот именно! Поднимается внутри меня своего
рода волна чувств. И что бы ни окружало меня в тот момент,
какие бы сюрпризы не преподносила мне жизнь в виде
мелочных житейских передрыг, неудач, сомнений, – всё это
оседает на дно, а я поднимаюсь на гребне этой волны над
всем этим и плыву в неведомые до селе дали. А, вернувшись,
смотрю на хлам своей жизни по-другому. Как? Проще,
наверное, отстранённое, что ли, Не знаю, как ещё. И разум
мой уступает место душе.

Конечно, душа – очень спорный предмет. Но даже учёные
сейчас доказывают её наличие у человека. Мистики же

утверждают, что именно душа и есть основа нашего бытия. А разум...

Вот послушайте, какую историю рассказал мне Странник о Разуме. Сказка это, конечно, легенда. Но, как известно, в каждой сказке есть намёк, а в каждой легенде – добрым молодцам урок.

Когда-то, давным-давно, жили на Земле люди просто. Так же просто, как живут до сих пор камни, звёзды, птицы, звери лесные, да и сама матушка наша Земля. По Солнышку они вставали, по Солнышку ложились спать. Солнышко указывало им дорогу, звери и птицы советовали, что делать. И были люди эти *неразумными*, как дети малые. Улыбки не сходили с их лиц, а горя они не знали совсем. Вся жизнь их, от младенчества до старости, шла своим чередом, и всё, что ни выпадало на их долю, принимали они с радостью, с улыбкой на устах. Чему же они радовались? – спросите вы. Жизни: Солнышку, Дождику, Снегу, всему, что их окружало. И радость их разливалась по всей земле, словно радужные волны.

Но вот однажды *задумался* как-то один из них. Какой была его первая мысль, теперь уже никто не знает. Да только в то т день и по *жился* на свет Разум. Раз-ум, разумею, думаю!

Заметил тогда тот первый задумавшийся человек, что смотрят на него собратья странно, и сами они стали с виду словно бы не такие, как раньше, и снова задумался. Тут уже известно о чём: «Отчего это они на меня так смотрят? И почему у них такие необычные лица?»

Так Разум человеческий работать стал.

Додумался человек тот до причины того, о чём задумался. Как? – Сначала посмотрел он на свое отражение в зеркальной поверхности озера, потом ещё раз взглянул на собратьев и понял, что исчезла с лица его всегдашняя улыбка, и не улыбались больше люди, глядя на него.

Тогда пришла человеку в голову третья мысль: «Почему это мы все всегда улыбаемся, радуемся? Солнце нас опалает, дождик мочит, в снег мерзнут руки да ноги, и болеем, и умираем мы, несчастные. Чему же тут радоваться, спрашивается?» И заплакал тогда первый думающий человек горькими слезами, в первый раз в истории человечества заплакал! А вместе с ним заплакали и все его собратья. Долго плакали люди, не понимая, почему, пока не объяснил им первый думающий человек причину своих слёз.

И задумались вместе с ним теперь уже все те, кто раньше никогда ни о чём не думал. О чём же задумались? – Как сделать так, чтобы уберечься от Солнышка, спрятаться от Дождика, не замерзнуть в морозы, не страдать от болезней. А больше всего задумались они над тем, как бы сделать так, чтобы жить подольше, не умирать. И так крепко задумались, что забыли совсем о том, что были они раньше счастливы *просто так, оттого, что живут*, что радовались они раньше тому, от чего теперь несчастными стали.

Много воды утекло с тех пор, много веков сменило друг друга. Разум человеческий за это время окреп, в силу вошёл. И придумывать стали потомки тех первых думающих людей разности всякие, чтобы счастливыми стать, чтобы радоваться почаще, да умирать попозже. И стал править Разум людьми, стал крепнуть и крепнуть, расти и развиваться с каждым днём всё больше и больше. А счастья у людей всё не прибавлялось и не прибавлялось. Наоборот, с каждым днём,

часом, месяцем, веком всё сильнее плакали люди, всё несчастнее становились, и всё больше задумывались они над тем, чтобы такое придумать, чтобы стать им счастливее и не умирать. Но никто из них не задумался над тем, для чего же им жить долго, таким несчастным, если и радости выдуманнные их не радуют, и счастье надуманное не делает счастливыми. А каким изобретательным становился Разум, придумывая горе! Войны и разрушения стали привычным для людей, обыденным.

И вот однажды самый разумный человек, из потомков первых думающих, задумался вот о чём: «Настанет день, когда на свете совсем не останется ни радости, ни счастья. А Разум, судя по тому, что происходит с людьми сейчас, в конечном счёте, уничтожит и себя, и всех думающих людей вместе взятых. А что если попробовать не думать? Не предотвратим ли мы, таким образом, грядущее самоуничтожение?»

Сказано – сделано. Начал человек этот пробовать не думать совсем. Трудно ему было по началу очень! Никак не хотел Разум сдавать свои позиции без боя. Боролся с ним человек не на жизнь, а на смерть. И вот в один прекрасный день победил человек Разум, перестал думать совсем. И открылась тогда ему та жизнь, которой жили когда-то его счастливые предки. Увидел он и радость, и улыбки на лицах своих прапрадедов, и то, чему радовались они безотчётно, как дети: Солнышку, Дождику, Снегу, матушке Земле. Озарилась счастливая улыбка лица человека, и понял он, что нет счастья больше, чем *жить просто*, так, как живут камни, звёзды, птицы и звери лесные, как сама матушка Земля. Нет большей радости, чем *радость самой жизни!*

И захотелось рассказать человеку своим собратьям об этом. Оглянулся он вокруг и увидел, что смотрят на него люди странно. Не понимают они, чему это улыбается человек, чему радуется, если вокруг одно горе-злосчастье. «Как сказать им об этом? Поймут ли меня? – Подумал человек, испугавшись взглядов своих собратьев, – да и нужно ли говорить?» «Нужно!» – Ответило ему Солнышко. «Необходимо!» – Закапал Дождик. «Обязательно!» – Подтвердила сама Жизнь.

И тогда написал человек сказку о Разуме и пошёл по белу свету, стал рассказывать её своим собратьям. Слушали его люди и подставляли свои лица ласковому Солнышку, протягивали руки тёплому Дождику, ловили губами снежинки и улыбались, радовались тому, что они *просто живут на свете*.

Вот и вся сказка. Вы уже догадались, кто рассказал её мне? Именно так – тот, самый разумный человек на свете, который и написал её. Оставил он мне и память о радости просто жить, а я отдаю её вам, дорогие мои.

Улыбнитесь, пожалуйста! Ведь мы с вами, надеюсь, ещё не забыли, как это делается.

История двадцать девятая

Рысь

Всё так же, за строчкой строчка,
Я меряю жизни просторы:
Ухабы, холмы и кочки,
Надежды и наговоры.

Простор, клеветой залитый
И веры давно забытой,
Затопленный кровью, слезами,
Вбираю в себя глазами...
О, как же бесчеловечно –
Не думать сейчас о вечном!

Гости мои, странники, в основном народ путешествующий. Ходят они по белу свету в поисках того, что каждый из них считает для себя нужным, без чего не сидится им на одном месте, не живётся спокойно. Но бывает, заходят ко мне и такие люди, кто оставил свои дома ненадолго ради дела или забавы. Не подходят они по своему внутреннему устройству под определение «странные», хотя некоторые из них вполне могли бы ими стать, и становятся, волею руки, определяющей жизненный поиск каждого человека.

Есть у нас в округе лес и озеро, речушка небольшая Верка, да болотце. Такое сочетание природных разносолов привлекает в наши места охотников за рыбкой, птицей и зверем мелким. Правда, в иные года больше водилось дичи всякой, – чище были и воздух, и водица в речушке да озерце. Сейчас меньше всего стало. Поубавилось и охотников. Но бывает, что и забредёт какой на огонёк усталый и с пустыми руками.

Вот однажды в один из осенних вечеров и зашёл в гости ко мне охотник. Из разговора выяснилось, что выбрался он из дома пострелять уток. Две ночи сидел в камышах, караулил, да так ничего и не высидел. До дома дорога дальняя, а передохнуть и набраться сил всегда можно в Странноприимном Доме.

Всем известны охотничьи байки. Правду в них если сыщешь, то будешь век счастливым, до самой смерти. Не было веры и у меня, когда рассказывал мне охотник про подвиги свои в мужской забаве. Но вот одна история так запала мне в душу, так врезалась в память, что не могу я не рассказать её и вам. История эта случилась давно, но до сих пор передаётся из уст в уста среди охотного люда и многим из них не даёт спокойно спать по ночам. Других отправляет она каждый охотничий сезон в лес с ружьём и котомкой за спиной. А трети посмеиваются над первыми и вторыми, покуривают на завалинке и дома сидят – знают, о чём эта бль-небылица, да помалкивают.

Жил когда-то в наших краях охотник Михей. Знатный был охотник, стрелок отменный, зоркий глаз! Удача словно бы служила у него оруженосцем, не отходила она от Михея ни на шаг. И всегда он был с добычей, всегда ему везло, когда бы ни вздумал Михей отправиться в лес на промысел. Утки, гуси, зайцы, лисы, белки и кабаны словно бы сами шли к нему в руки. Завидовали ему другие охотники, спрашивались в товарищи. Да только Михей никого не привечал. Жил бобылём-нелюдимом на опушке леса, словно леший какой. А в деревню и городок навещался, чтобы обменять шкурки на крупу, соль и охотничье снаряжение. Иногда приносил излишки на продажу, но всегда – очень немного.

Шли годы. Михей старел. И вот однажды пришёл он как всегда в городок, чтобы обменять добычу, да пополнить запасы, и остановился, как водится, у одного своего давнего знакомого переночевать. А тот возьми, да и спроси Михея о том, о чём всегда боялся: «Что это ты, Михей, всё один, да

один по свету горе мыкаешь? Небось, годы уж не те. Пора бы хоть мальчонку какого в обучение взять, если уж жениться тебе в эти годы не пристало».

Долго молчал Михай в ответ на это, а когда заговорил, то знакомый его уж и забыл, о чём спрашивал.

– Я бы рад, да Рысь не даёт, – отвечал Михай спустя добрых полчаса на вопрос знакомого, – совсем от рук отбилась, окаянная! По молодости, когда её встретил да соблазнился, всё ничего было. А сейчас, прав ты, тяжко уже мне одному без человеческой речи да ласки. И рад бы сделать, как ты советуешь, да только Рысь не простит, не даст житья ни мне, ни парнишке. Уж как-нибудь дотяну до могилы, авось недолго уже осталось, чую, – с этими словами достал Михай кисет, скрутил «козью ножку» и, чиркнув спичкой, затянулся крепким табачным дымом.

Знакомый опешил от эдаких речей. В первый раз услышал он от Михея слово такое откровенное, а уж о Рыси и говорить нечего. Что это за Рысь такая, что не даёт человеку жить, как ему хочется? Да и не водятся в наших краях рыси! Но спрашивать об этом он у Михея не решился, начал хлопотать по хозяйству. Но Рысь из головы не идёт – хоть убей! А Михай докурил самокрутку, свернул ещё одну и снова заговорил.

– К охоте страсть у меня родовая, наследственная. И дед мой, и прадед били белку и лису, кабана и волка, тем и жили. Кормили семьи, учили детей читать следы и стрелять метко. Отец мой был тоже охотник знатный. От него и получил я в наследство те знания, что имею теперь. Рассказывал он мне и про Рысь, предостерегал, а я не послушался, глупый, связался. Ну, да выхода у меня иного не было... Теперь вот живу бобылём, и кончится, видно, Михеев охотничий род

вместе со мной. Всё, что знаю – в могилу унесу, – Михай вздохнул и замолчал надолго. Снова заговорил только после ужина, когда знакомый его, не выдержав, решился-таки спросить старика о Рыси.

– Рысь... Бывают дни, когда кляню её, окаянную. А бывают, что и радуюсь, что довелось мне с ней повстречаться. Иные люди всю жизнь проживут, а такого чуда не встретят. Вот и выходит, что я вроде как счастливый человек, если она попалась мне на пути и дружбу со мной водит. Иногда мне больше ничего и не надо, как шастать с ней по лесу – полжизни моей так и прошло. А иногда затоскует сердце по человеческому общению так, что хоть волком вой. Она, правда, и тут утешение мне находит. Выманит меня из до му, и ну, рэвиться, скакать. Сам не замечаю, как я уже вновь в лесу с ружьишкой и сумкой своей охотничьей. И столько всего она мне за время нашей с ней дружбы открыла, столько показала в лесу, что для меня теперь каждый раз он тайной становится, и хочется снова и снова раскрыть, разгадать секрет его жизни.

Так и забываю я про себя. А когда вспоминаю, то кажется, что и слова уже никогда вымолвить не смогу. Вот такая она, Рысь моя! С виду вроде как зверь обыкновенный, а в глаза посмотришь – нет, и не зверь вовсе. Не поверишь, говорит она со мной! Не так, как мы разговариваем, как-то иначе, но говорит. И плакать умеет, и смеяться. Один раз довелось мне испытать, что такое её гнев. Это было года через три после того, как мы с ней встретились. Э!.. А я ведь и не рассказывал тебе об этом. Ну, слушай.

Было мне тогда без малого двадцать годков. Отец мой к тому сроку умер, мать тоже. Жил я в своей избушке один. Тосковал по началу сильно, но охота меня спасала, отвлекала

от дум безрадостных. Да только не везло мне так, как о щу моему – рано он умер, видно, не все секреты передать мне успел. И вот однажды забрёл я далеко в лес, умаялся, присел отдохнуть, да задремал под деревом. Проснулся от того, что кто-то о близывал меня шерпавым языком и мягко тёрся о щёки. Открыл глаза и вижу – рысь. Огромная, серая с подпалинами кошка смотрит на меня жёлто-зелёными глазами и облизуется. Мне бы испугаться, а страха нет. Такая красота передо мной сидит и смотрит, как будто смеётся. Вдруг слышу, говорит она мне: «Опасно, Михей, спать в глухом лесу. Не подоспей я вовремя, спал бы ты сейчас мёртвым сном», – и голову поворачивает, смотрит чуть по о дль. Я про о едил взглядо м её взгляд и чуть не обмер от ужаса. В нескольких шагах от меня лежала растерзанная змея, желтоголовая гадюка, самая страшная из всех, обитающих в нашей местности гадо в А Рысь посмотрела на меня и снова говорит: «Ты теперь, Михей, мой должник. Но мне много не надо, стань моим другом. Я научу тебя *видеть* лес моими глазами, охотиться, как тебе и не снилось. Без добычи ты никогда не останешься. Лучше охотника не будет во всей округе. Но ты с этих пор будешь только мой. Ни один человек не поселится с тобой рядом. А если поселится, то знай, несдобровать ему в тот же час». И не показались мне тогда чудными ни разговор с Рысью, ни то, что она мне «говорила». Принял я всё как есть и пожалел об этом только тогда, когда привёл в дом молодую жену.

Помнишь, тогда говорили, что загрызли её волки на следующий день после свадьбы? Так вот это была Рысь. Как сказала, так и сделала, окаянная! Долго я потом в лес не ходил, а она мне дичь приносила – кормила, вишь ты! – и разговаривала. Оправился я, опять же, благодаря Рыси.

Приволокла она мне в дом медвежонка подстреленного. И так жалко мне его сделалось, что забыл я своё горе, стал выхаживать его и снова в лес выбираться. Мишка этот как вырос, так в лес подался. А мы с Рысью дальше жить стали, охотиться, да лесные тайны разгадывать. И верно, без добычи я никогда домой не возвращался и без крошки хлеба с тех пор не сидел. Вот оно как... А ты говоришь – ученик. И рад бы, да Рысь не даст, – закончил Михей свой рассказ и уж больше не проронил ни слова.

На следующий день отправился старик к себе в сторожку, а через месяц нашли его там охотники, промышлявшие в тех местах, холодным. И странно так нашли. Говорят, будто шли они за рысью, диковинкой в наших краях, а вышли к домику Михея-охотника, где обнаружили его мёртвым и предали земле. А история эта про Рысь связалась в узелок и пошла обрастать подробностями в охотничьих кругах. Многие с той поры за Рысью этой ходят, многие, говор я, её видели, а разговаривать, чтобы с кем, о том пока никто не рассказывал.

Вот такую историю поведал мне захожий охотник. Сам он в неё не верит. Да только показалось мне, что всё это – слова, и потому пустой он возвращался домой, что целью его охоты были не утки, ко ю р ь он так и не высидел в камышах, а именно эта чудесная Рысь.

Но я не сужу его за неискренность. Верить в чудеса в наше время не принято, уж мне ли не знать об этом!

История тридцатая

Бомбей

Когда это... где это было?
Я помнила, но позабыла.
Я помню – кого-то любила,
Звала я кого-то «милый».
Я помню, как кто-то молчал,
И помню тепло на плечах
От чьих-то – забыла чьих! – рук.
Сердце я запомнила стук
Ударом в удар, в унисон,
И грудь разрывающий стон
Запомнила я, но забыла
Лишь где и когда это было...

Какие картинки вызывает в вашем воображении это слово? – «Бомбей». – Индия, гуру, Кришна, Радж Капур, «Слоны мои друзья», и звучит завораживающе ситар, и слышится шум вод вечного Ганга, и звон колокольчиков на ногах увешанной гирляндами цветов танцовщицы.

Бомбей.

Откуда вдруг на среднерусской возвышенности эти картинки? Из старого индийского фильма или из глубин моей памяти? Почему, произнося это слово, я чувствую булыжную мостовую под босыми ногами, согреваюсь под палящими лучами солнца в пятнадцатиградусный мороз за окном и вижу город до боли родной и любимый, и не понимаю, почему забылось всё это, как сон, как наваждение, как сказка...

– Мне дали Ваш адрес в Бомбее, – сказал загорелый до черноты человек, пришедший в мой дом не вечером, как все странники, а в морозный крещенский полдень.

Зимой, как правило, наступает затишье, перерыв в визитах странных людей, и приход загорелого гостя нарушил привычное положение вещей, а его заявление выбило из сонного состояния мой разум. О чём он говорит?! Какой Бомбей?! Ни разу в жизни мне не доводилось покидать даже пределы нашей местности, не говоря уже о каких-то заграничных вояжах! И не было у меня никаких знакомых в Индии! Откуда?!

– Вы удивлены? – Спросил Странник, улыбаясь, – признаться, я тоже был удивлён там, в Бомбее. Но у меня для Вас есть посылочка. Может быть, она поможет Вам прояснить суть дела, – с этими словами он достал из рюкзака свёрток и положил его на стол передо мной.

Комната наполнилась ароматом сандала и розы, словно кто-то невидимый зажёл благовонную индийскую палочку, а моя душа – невыразимой тоской и отчаянием. Что-то давно забытое давало о себе знать. И это «что-то» не должно было быть забыто мною, но забылось, а теперь стучалось в моё сознание с такой силой, что повергало меня в смятение и страх. Что это? Что это такое?!

– Откройте. Там – Ваша жизнь. Так сказал мне в Бомбее человек, который дал мне Ваш адрес и это. Ну, что же Вы? – Странник подвинул свёрток ближе, – открывайте!

В сильнейшем волнении мне, наконец, удалось пересилить свой страх и взять свёрток в руки. Моя жизнь... как может уместиться в этой небольшой коробочке, завёрнутой в гладкий шёлк, *моя жизнь*?! Развязывая верёвочку дрожащими руками и освобождая мягкую бархатную нежно-голубую плоть, скрывающую тайну, мне виделись туманные образы, картины, которые никак не удавалось связать в одно целое. Когда коробочка соприкоснулась бархатом с кожей рук, мне показалось, что молния вдруг пронзила всё моё существо. Сильнейшие вибрации сотрясали моё тело до тех пор, пока, наконец, мне не удалось поставить коробочку на стол и не упасть обессилено в кресло, стоящее рядом. Странник внимательно наблюдал за происходящим, не вмешиваясь и не пытаясь помочь.

– Так и должно быть. Пришло время вспомнить. Об этом говорил мне тот человек в Бомбее, – единственно произнёс он мне в утешение и поддержку. – Вам обязательно надо раскрыть её!

Но мне не требовались ни утешение, ни уговоры. И после минутной паузы, понадобившейся чтобы придти в себя, коробочка снова оказалась у меня в руках. На этот раз она излучала тепло, почти жар, но не обжигающий ладони, а согревающий тело и душу. Лёгкое прикосновение к замочку, и шкатулка раскрылась, обнажив алый атлас внутри и то, что лежало на нём в глубине: жемчужное ожерелье, медальон позеленевшей от времени меди на простом кожаном шнурке и необыкновенной красоты чёрная роза.

Тихие слёзы полились у меня из глаз, переходя в судорожные всхлипывания, а затем в рыдания. Не в силах справиться с потоком чувств, буквально смывшем меня с лица Земли, моё ослабевшее существо провалилось в небытие. Хорошо, что кресло всё ещё было подо мною! В противном случае не обошлось бы без сотрясения мозга или шишки от падения.

Сознание вернулось ко мне уже в сумерках. Странник хлопотал по хозяйству, по-видимому, совершенно освоившись. А мне уже не надо было ничего объяснять – память сделала всё. И Бомбей, и роза, и жемчужные чётки, и медальон уже имели в ней своё законное место. Но...это была...*Другая Память, Прошлая*, в которой не было ещё ни России, ни Странноприимного Дома, ни крещенских морозов! Это была память смуглой молодой девушки, которая смотрела на меня с поблекшего портрета, оправленного в медный медальон на шнурке. И эта память рассказала мне всю её...или ...мою жизнь от рождения в трущобах колониального Бомбея до смерти в маленькой больнице для бедных.

Она была танцовщицей, зарабатывавшей на хлеб ритуальными танцами и имевшей несчастье полюбить человека, выше себя по рождению. Он тоже любил её, но кастовые законы не позволили им быть вместе. И девушка умерла, отвергнутая всеми, не успев познать радости материнства, дав жизнь мальчику в маленькой больнице для бедных на окраине Бомбея.

Чёрная Роза, давшая ей имя, всегда была вплетена в гирлянду, украшавшую девушку во время танцев. Портрет в медной оправе был заказан художнику её матерью, и она носила его на себе до самой смерти. А жемчужное ожерелье

– подарок любимого, единственная ценная вещь, которую имела девушка, умирая, – было предназначено её маленькому сыну, чтобы, хотя б на первых порах, он смог найти и пищу, и кров. Именно о нём она думала, когда жизнь покидала её, и ещё – о любимом, который не знал где она и что с ней с тех пор, как почувствовала она в себе новую жизнь...

Как странно было знать это о себе, чувствовать и плакать о том, что было с тобой и не с тобой одновременно! «И мёртвые восстанут...» – не об этом ли писалось в Библии?! В несколько часов вспомнить и прожить целую жизнь! А сколько их ещё таится в глубинах *Другой Памяти*?! И выдержит ли рассудок воспоминания *Всей Моей Жизни*?!

– Ну, вот и хорошо! Вы пришли в себя. Давайте-ка чайку горяченького выпьем, – обрадовался моему «воскрешению» индийский гость, – а то я уже начал было беспокоиться.

За чаем Странник поведал мне, как завело его в Индию странствие Духа, как встретил он гуру, просветлённого человека, давшего ему ключ к Истине, как жил он у него, и как отправил его гуру назад в Россию, дав адрес и посылочку для меня, ничего не говоря о том, кто я и что находится в бархатном футляре. Когда же пришла моя очередь откровений, то Странник внимательно слушал мой рассказ, не перебивая.

– Спасибо Вам за то, что дали жизнь великому человеку! – Сказал Гость, когда моё повествование закончилось. Он встал на колени и коснулся лбом моих ступней, – я понимаю, что для Вас всё это более чем странно, – продолжил он,

поднявшись и усаживаясь напротив меня, – но, поверьте, это было ! И по дверждением то му то , что я нашёл Вас, и Вы вспомнили Свою Жизнь. Если бы это был, как Вы говорите, бред, то разве со впа ли бы Ваши во спо минания с тем, что видел и знаю я? Нет! Никогда! А что теперь Вам с этим делать? Честно говоря, я не знаю. Гуру мне ничего об этом не говорил. Настанет день, и Вы сами поймёте, для чего нужно было это воспоминание. Может быть, Вы с гуру ещё встретитесь. И мне интересно было бы узнать продолжение это й исто рии На свете нет, и не мо жт быть ничего случайного! А пока, давайте пить чай.

История тридцать первая

Фатум

Раскинь, Судьба, мне карты вновь
И покажи мои дороги.
Где, на которой стынет кровь?
И на какой немеют ноги?
А по какой легко пройду
С улыбкой счастья, глаз сияньем?
В конце которой я найду
Разгадку тайны мирозданья?
Раскинула? – Ну, что ж, гляди.
Увидеть это ты хотела?
Лишь две дороги впереди –
Те, что остались позади:
Путь сердца и дорога тела,
А перепутьем – боль в груди.

Вспоминая истории, рассказанные мне странниками, я каждый раз ловлю себя на мысли, что это и *мои истории* тоже. Воскрешая в памяти образы странников, я словно бы вижу свой портрет. И они, те, кто уже посетил когда-то мой Странноприимный Дом, как будто снова все здесь, в этой комнате рядом с моим письменным столом терпеливо ждут, когда я запишу очередную историю и примусь за следующую. Странники, чьи рассказы уже обрели новую жизнь на листах моей общей тетради (о! ... о ней ещё будет отдельная история!), облегчённо вздохнув, отправляются в путь. А я спешу записать всё, что ещё не записано, и испытываю угрызения совести, когда повседневные дела и заботы не позволяют мне уделить должного внимания моим странным гостям.

Бывает, что по нескольку дней, а иногда и недель, не удаётся мне взять ручку. Тогда я печалюсь и начинаю бояться, что странники уйдут от меня совсем к более ответственному писарю, мой Странноприимный Дом опустеет, и мне нечем будет тогда жить. В такие минуты печали гости мои всегда находят для меня утешение: «Книга начата. И она обязательно будет написана! Успокойся, делай свои дела, а мы подождём».

Спасибо вам, странные люди, за великодушие! Но тут возникает ещё один повод для печали: закончится книга, а что будет дальше? Чем я буду жить тогда? Но, мо и милые странники и здесь находят, чем ободрить: «Не думай об этом. Просто пиши, а там будет видно. Ручка и тетрадь не останутся сиротами. Всему своё время, для всего свой черёд. Есть только то, что есть сейчас»...

Этот Странник был молод, – немногим больше двадцати, – но не по годам мудр. После его рассказа нашлось ему имя – Исследователь Фатума. Вам, наверное, покажется странным сочетание этого имени и возраста. Знаете, бывают дети и пяти, и семи лет от роду с глазами умудрённых жизнью стариков. А когда разговариваешь с ними, то понимаешь причину такого несоответствия. Души их имеют возрастом тысячелетия – столько силы и знания источают детские уста! Вот и этот молодой человек, верно, был из таких. Им бывает скучно в компании сверстников, – жаль тратить время на пустое. Они заняты исследованием Жизни.

– Противно сознавать себя мухой на кончике иглки энтомолога, знать, что кто-то где-то уже всё решил за тебя, а ты можешь только корчиться в агонии, думая, что это и есть твоя жизнь: игла, пронзившая тебя насквозь, боль и страдания. Ещё хуже становится от мысли, что этот энтомолог-живодёр и есть тот самый Бог, милосердный и терпеливый, как о нём принято говорить. В чём же его милосердие и терпение?! Он милосерден, заставляя бедную муху сидеть на кончике иглы? Он терпелив, наблюдая за её конвульсиями?

Нам обещается новая вечная жизнь, если мы без ропота примем свою судьбу подопытной мухи. В чём же тогда смысл человеческой жизни вообще, если нам разрешается только барахтаться на кончике иглы энтомолога-Бога? И зачем все эти страдания и муки, если не дано нам знать об их результатах? Вот такие вопросы заставили меня отправиться на поиски истины. Я не хотел быть мухой, приколотой к препаратной доске! Я хотел познать, что же такое «Человек», и может ли он избежать горькой участи подопытной мухи.

Вы смотрите на меня удивлённо, – произнёс Странник, заметив выражение моего лица, – как может такой молодой человек, как я, задавать сам себе подобные вопросы? Разве мало вокруг простых, обычных радостей человеческой жизни? Так? В том-то и дело, что хоть отбавляй, но все они в конечном итоге не более чем иллюзия. А когда радостям приходит конец, когда иллюзии рассеиваются как дым, то остаётся лишь одно: боль, боль и ещё раз боль.

Я с детства привык наблюдать жизнь. С детства меня тянуло понять одно: зачем мы живём, и почему живём так, а не иначе. Сейчас я чувствую себя стариком, стоящим на краю мопилы и заглядывающим в неё не с ужасом, нет, а с любопытством: что там? И там тоже всё предопределено, решено за меня? И, знаете, к какому выводу я прихожу? – Не может быть! Не может быть, что бы эта яма была центром мироздания, целью жизни каждого из нас. Слишком уж много нам дано!

Исследуя Фатум, я всегда старался понять, можно ли избежать уготованной тебе участи. Что в нашем представлении Рок, Судьба? Сами слова несут в себе отпечаток чего-то зловещего, неотвратимого, как эта последняя яма на кладбище. «А может ли быть иначе? – Спрашивал я себя, – можем ли мы сами управлять Фатумом, неизбежностью?» И, знаете, можем! Сейчас мне не жалко тех, кто всю свою жизнь ноет по поводу того, что злой рок преследует его, мешает жить, меняться, быть счастливым.

Фатум зол со злыми, мелочен с мелочными, весел с весёлыми. Быть счастливым – это тоже Фатум! Мы, люди, имеем всё необходимое, чтобы жить – вот к какому выводу я пришёл, наблюдая жизнь. Игла энтомолога-Бога не единственная возможность в ней, и муха сама выбирает быть

или не быть ей приколотой к препаратной доске. Впрочем, другая сторона «медали» – тоже опыт энтомолога-Бога: как муха ведёт себя в свободном полёте, какую пищу себе выбирает и как развивает свои мушиные способности, данные ей природой, тем же самым Богом, если хотите.

Однако, я всё-таки молод! И мне нравится быть молодым. Вот тут и возникает ещё один вопрос, который ждёт моего исследования: Фатум ли Старость, и нельзя ли изменить его по своему желанию, обмануть что ли? Но мне кажется, что обман, это тоже Фатум, только в ином проявлении. Всё зависит от точки зрения. А Вы как считаете?

Мне нечего было сказать моему гостю. Я так же, как и он, наблюдаю жизнь, стараясь найти ответы на те же самые вопросы. Рок, Судьба, Неизбежность – вся наша жизнь. ***Мы фатально обречены жить!*** А Высший смысл этой фатальности, видимо, у каждого всегда свой.

Хотелось бы мне встретиться и поговорить с ним лет эдак через десять. Ну да это уж в руках Фатума... или наших?

Поживём, увидим.

История тридцать вторая

Ключи от Рая

Улыбнись, мой друг, не кисни!
Всё бывает в этой жизни...

Не судите меня строго, дорогие мои, в том, что истории странников касаются иногда вопросов на чей-то взгляд

совершенно неприкасаемых. Но кто сказал, что нам, грешным, нельзя касаться этого, если нас всех это **касается непосредственно**?! Взять хотя бы вот этот вопрос: правда ли, что тысячу лет назад Апостол Пётр потерял ключи от Рая или нет? Касается это нас? Конечно! Если правда, то не видать нам Рая ещё неизвестно сколько, потому как у Апостолов время, как известно, исчисляется совсем по-другому, нежели у нас, грешных человек.

Откуда, спросите вы меня, взялся этот вопрос? Откуда же ещё – от Странника и взялся. Ходит этот Странник по белу свету и ищет ключи от Рая, потерянные нерадивым (прости, Господи!) Апостолом. А откуда же Странник узнал об этом запредельном несчастье? – От самого Петра и узнал.

Явился ему однажды Апостол, расстроенный дальше некуда, и говорит: «На тебя, мил человек, одна надежда и осталась. Коли найдёшь потерянные мною ключи, так будет тебе и всем твоим потомкам место в Раю обеспечено». «Как же ты, батюшка, сподобился потерять ключи-то? – Спрашивает его Странник, – ведь работа твоя самая, что ни на есть, лёгкая во всём Поднебесье: знай себе, открывай двери, смазывай, чтобы не скрипели, Господа с ангелами не тревожили». «Да вот, – отвечает Пётр, – за маслом-то и ходил. Редко теперь приходится открывать двери райские, во ты и решил о тлуться, за маслом к Андрею сбежать. А поскольку спешил воротиться, то, видно, где-то и вытряс на бегу из кармана. Господу ещё не докладывал. Опять скажет, что надеяться ему на меня нельзя, про петуха вспомнит. Так что, выручай, мил человек, на тебя одна надежда и осталась! Царствие Небесное я уже всё обыскал. Видно, на Землю-матушку они упали. А здесь я, сам понимаешь, не могу

ничего сделать – вид у меня неподходящий». «А много ли, – спрашивает Апостола Странник, – ключей отыскать нужно? И как они были у тебя, по отдельности или в связке, на колечке каком собраны?» «Ключа всего три было. – Ответствовал Апостол Страннику. – Вообще-то в Раю сейчас только одну дверь и открываю. Это раньше, когда люди жили честно и праведно, приходилось три сразу открывать – в одну не справлялись пропускать, такой наплыв был в Райские Кущи. Там, внизу, связка поболее нашей будет. Как они там справляются, ума не приложу! Ну, что? Берёшься помочь мне, мил человек, или поискать мне другого помощника?» «Трудное это дело, – отвечает Странник, – но почётное. Отказываться – грех! А почему, скажи на милость, ты выбрал именно меня для такой задачки? Неужто отличился я перед небесами чем? Живу будто как все. Да и в церковь-то, если честно, редко захоживаю». «Вот сам и сказал почему – честный ты человек. Чужого никогда не присваивал и за слова свои всегда ответ держал. За это я и выбрал тебя. Коли согласен, тогда я скажу тебе, как отличить мои ключи от обычных. Не были они у меня в связке, – каждый сам по себе. А отличить их ты сможешь только тогда, когда возьмёшь в руки и спросишь сердце своё. Сердце тебе и укажет, нашёл или нет».

«Да, трудную ты мне задал задачку, – почесал затылок Странник. – А где искать-то прикажешь? Земля, поди, большая будет. Не скоро её обойдёшь вокруг. И мыслимое ли это дело, каждый ключик в руки брать и сердце спрашивать?!» «Тяжело, понимаю, – согласился Пётр. – Откажись, если не по силам. Поищу кого другого с чистым сердцем». «Да я не отказываюсь, – выдохнул Странник, – вот только боюсь не справиться. Подведу я тогда тебя под

монастырь». «Справишься, – ему Апостол, – знаю, справишься! Ты только не бойся, и всё у тебя получится. А как найдёшь, позови меня, я тут же объявлюсь. Только найти надо все три ключа обязательно, иначе ни одну дверь не откроешь. Вот как! Удачи тебе, мил человек, а я за тебя уж перед Господом словечко замолвлю, придёт час». С этим и воспарил Апостол Пётр в Поднебесье охранять запертые райские двери и ждать, когда Странник отыщет потерянные им ключи.

– Не справлюсь я, – вздохнул мой гость, рассказав эту удивительную историю. – Хотя бы помощников мне выделил, Апостол-то. Всё легче было бы искать миром. И нужно-то всего чистое сердце, чтоб указало оно на ключ райский. Неужели на Земле мало людей таких?! И куда они все после смерти отправятся, если ключи не отыщутся? Ведь сколько хожу, а ещё ни одного ключика не нашёл. Вот, поди ж ты, Апостол, а такая растрёпа! И я бы ему про петуха напомнил, да неудобно! Может, вы мне поможете, а? Странные люди всё время в пути, всё время ищут чего-то, может, заодно и ключики бы сердцем проверяли? Не справлюсь я один. Ох, не справлюсь!

С тем и ушёл, взяв с меня обещание рассказывать о ключах от Рая добрым людям, чтобы помогли они ему в его поисках. А иначе, что же? И в Рай никто попасть не сможет?!

И вы, дорогие мои, поищите. Помните? – чистое сердце укажет нужный ключик, а как найдёте, зовите Апостола Петра. Он там, (не приведи Господи!) верно, измаялся весь, ожидаючи.

Да и нас это касается. Ох, как касается!

История тридцать третья

Семечки

Моя печальная планета,
Себя ты потеряла где-то.
Рыдая, плачешь над судьбой.
Что люди сделали с тобой?!

– Стоп! А вот эту историю я записывать не буду. Не вижу смысла.

Странник посмотрел на меня понимающе.

– Смысл? Пожалуйста, вот вам смысл: всё на свете происходит из семечка. Всё, что ни возьми! Не согласны?

– Ну, пожалуй, с этим я соглашусь. И что дальше? – Мне не хотелось спорить с гостем, – для того, чтобы история попала в мою тетрадь, она должна быть особенной. Она должна быть такой, чтобы будило её содержание в людях способность думать. Она должна быть... семечком (вот это да!), из которого взойдёт росток мысли, чувства, знания!

– Вот видите – семечком! – Удовлетворённо воскликнул Странник, хлопнув себя ладонями по коленям. – А помните: «...и упало семечко на...» и далее о почве, на которую... помните?

– Конечно, помню. Ну, хорошо, убедили. Давайте свою историю о семенах, так и быть... Но всё равно, даже если и так, то это уже было сказано! И лучше сказать об этом, по моему, уже невозможно, – сопротивлялось во мне что-то.

– Но речь идёт вовсе не о пересказе первоисточника! Вы задали мне вопрос. Я ответил конкретным примером. Моя

теория не притча о сеятеле. Я говорю о семенах, семечках, – пытался убедить меня Странник.

– И это уже есть: «Какое семя, такое и племя». Что скажете на это? Сколько трудов написано ботаниками, селекционерами, улучшателями видов и пород. Клонирование, наконец! Ведь об этом сейчас трезвонят на каждом перекрёстке, – несмотря на уже высказанное согласие сопротивлялось моё существо.

– А Вы послушайте, а потом уже будете высказывать своё мнение. Если не окажется в моём рассказе того, что нужно для Вашей тетради, Бог с ней, не записывайте! Но выслушать меня Вы можете, – почти обиженно высказался Странник, чем убедил меня окончательно. Действительно, почему бы и не послушать?

– Так вот, теория моя такова. **Жизнь на Земле происходит из семян, занесённых на неё некогда Звёздным Ветром Вселенной. Всё, в том числе и не только растительное население, начало своё берёт из одних и тех же семян!** Учёные сегодня уже подтверждают эту мою теорию научными экспериментами и разработками новых технологий. Не вдаваясь в подробности, скажу, что разнообразие флоры и фауны явилось следствием условий, в которые попадали семечки. Те самые, первоначальные Семена Жизни были очень чувствительными к малейшим изменениям химического состава почвы, колебаниям температурной среды, влажности и массе других составляющих их развития и дальнейшей трансформации в тот или иной вид жизни. Главным определяющим фактором изначально было то, что Семечки Жизни, как я их называю, обладали собственным осознанием и разумом. Иными словами, были сами по себе развитыми сущностями с

заложенными в них многочисленными кодами трансформаций.

К примеру, попало такое семечко в условия влажного тропического климата. Вы скажете, что оно должно быть похоже по развитию на все остальные, упавшие туда же в то же самое время. Вовсе нет! Микроскопическое отличие во времени посева, колебание химсостава почвы и прочее, прочее влекут за собой немедленное изменение кода. И из такого же точно семечка рядом вырастает уже не пальма высотой четыре-пять метров, а крохотный жучок или лягушка! Согласитесь, что нет на Земле двух точек с абсолютно одинаковыми параметрами во всех отношениях. Таким образом, рассеявшись по планете, семечки дали жизнь разнообразным существам и растениям. Осмелюсь предположить, что изначальный размер этих семян был не более элементарной частицы. А затем уже развитие ветви кода обуславливало рост и строение форм, соответствующих тем, что мы наблюдаем сегодня. Следовательно, всё, что живёт на Земле в то или иное время, является тождественным друг другу по своей природе, я бы даже сказал единым друг с другом! Это, кстати сказать, уже также подтверждается учёными. Доказано существование разума клетки! Улавливаете смысл? Вот он, смысл, в котором Вы так нуждались!

Идём дальше. Исходя из всего, что я уже сказал выше, следует, что жизнь на Земле как таковая изначально устроена таким образом, что прогресс и эволюция жизни совершаются исключительно благодаря тому самому коду материнского семечка, от которого она берёт своё начало. И этот прогресс, и эволюция *органические* по сути. Любое внедрение в состав органики синтезированных, искусственных, неорганических

веществ ведёт к разрушению, блокированию и деградации изначальных кодов и, следовательно, к самоуничтожению Жизни. Сама Земля, играющая в данном случае роль матери, давшей возможность рождения и развития видов, не может быть исключена из общего процесса эволюции, как это делает сегодняшнее человечество. Отрыв от матери также влечёт за собой самоуничтожение. Вот почему те люди, которые любят Землю, воспринимают её как живое существо, первопричину нашего существования, и живут дольше, и не болеют, и имеют здоровое потомство. Вот вам моя теория.

Если бы человечество осознало себя однокоренным, единоначальным со всем, что его окружает, и, прежде всего с Землёй, то, согласитесь, никто бы никогда не сломал просто так ветку на дереве, не раздавил бы жучка или лягушку, и уж тем более не стал бы загрязнять и уродовать свою мать – Землю. А виток эволюции, который был бы возможен в этом случае, трудно даже смоделировать на уровне нашего теперешнего положения дел.

Сейчас я занимаюсь сбором семян всевозможных видов растений. Пока только растений. Затем в лаборатории я попытаюсь выделить первооснову в каждом виде. Это, конечно же, не легко. Но, работая над теорией, я уже продумал и разработал технологию этого процесса. Много ещё предстоит сделать, столь много, что я даже боюсь, что мне не хватит жизни для этого. Но, ничего, у меня есть ученики. Они-то уж обязательно докажут истинность моей теории на практике! – Странник закончил свой рассказ и посмотрел на меня, ожидая вердикта.

Вот вам и семечки! Даже предположить, что я могу услышать нечто подобное, мне не позволяло моё воображение. А что? В этом определённо есть семя Истины! Живя наедине с природой, я всегда ощущаю нечто подобное тому, о чём говорил Странник. Я и мир – одно целое, однокоренное!

Что же тогда такое был этот Звёздный Ветер, который принёс на Землю Семена Жизни?

История тридцать четвёртая

Овраг

Самая-самая малость
Осталась –
Самая-самая нежность.
Безбрежность –
Самая в небе синь!
Полынь
Горькая засыхает.
Слетает
С ветки последний лист.
Речист
Ветер зло-свисто-словием.
Солевым
Прииском зелень глаз:
Отказ
Всем временам года!
Природа
Осени приговор пишет –

Слышу:
Дождь – барабанный бой.
С тобой,
Жёлтая эксгерцогиня,
Сгину
В снежную преисподнюю...
Свободной!

Изо всех времён года больше всего люблю я Осень. Не то чтобы другие нелюбимы мною, совсем нет. И Зима, и Весна, и Лето по-своему приятны и хороши. Но так получается, что я пробегаю их лишь для того, чтобы Осенью остановиться и оглядеться вокруг, насытить взор буйством красок, подышать терпким ароматом увядающей природы и погрузиться просто так, ни о чём...или, может быть, обо всём сразу.

Тихими осенними предвечерними часами люблю я бродить по округе вместе со своими верными борзыми. Леда и Угадай, словно бы тоже ожидая этих часов, набираются днём сил, спят, изредка делая обход нашим нехитрым владениям. Но стоит только времени подойти часам к четырёх-пяти пополудни, а солнышку склониться к закату, они уже крутятся возле крыльца, потягивая и скуля от нетерпения. А я не заставляю их долго ждать: душа моя уже просится вон из дому. И мы отправляемся на прогулку, осматривая каждый закоулок Осени, вбирая в себя всю её красоту, запасаясь на Зиму памятью, которая даст пережить нам метели и морозы.

Наши прогулки никогда не подчиняются какому-то определённом маршруту. Гидами по Осени служат мои собаки. И каждый раз, меняя направление походов, Леда и

Угадай, словно гордятся тем, что находят что-то новое, интересное.

В тот день всё было так же, как всегда, но... что-то витало в воздухе, вселяя в сердце неясную тревогу. Борзые, играя, носились вокруг меня, иногда забегая очень далеко, иногда едва не сбивая меня с ног. Временами они отвлекали меня от неясной тревожности, но совсем *это* не уходило. Наоборот, усиливалось по мере нашего приближения к оврагу, расположенному примерно в полукилометре от дома. Это было место, которое никогда не становилось точкой маршрута наших прогулок. Было в нём нечто, заставлявшее обходить его стороной. А сегодня собаки и я направлялись именно к оврагу.

Глубокий, заросший наперебой бурьяном, бузиной, полынью, крапивой, чертополохом и лопухом, овраг тянулся километра на полтора, как бы разрезая холм строго посередине, и заканчивался у его подножия с диаметрально противоположных сторон. Станный это был овраг, противоречащий всем законам природы, и словно бы сделан не ей самой, а человеком, людьми, жившими в этой местности много столетий назад.

Мы уже приближались к начальной точке оврага, как вдруг Леда резко остановилась и приняла стойку, чуть приподняв уши и правую переднюю лапу. Угадай последовал её примеру. Мои ноги приросли к земле: тревога достигла своей вершины и усилилась поведением собак. Угадай и Леда некоторое время стояли неподвижно, затем внезапно сорвались с места и, подбежав ко мне, улеглись рядом, по правую и левую руку, слегка поскуливая.

Тревога моя потихоньку начала превращаться в страх: борзые никогда не отличались трусостью, но то, что

творилось с ними, не находило никакого объяснения кроме этого. Что стало тому причиной? Зверь? – Нет. Реакция на зверя у них совершенно другая. Человек? – Это было бы уже слишком! Мне пришлось присесть на землю рядом с собаками, чтобы успокоиться и собраться с мыслями.

Всё, что происходило со мной и с борзыми не находило абсолютно никакого логического объяснения. Да и собраться с мыслями было практически невозможно: в голове не было ни одной, даже самой заваливающей, ненужной мыслишки, – ощущение пустого ангара, стены которого обиты войлоком, – глухая, напряжённая тишина. Но что было самым интересным дальше – страх исчез, а тревога превратилась в любопытство. Было похоже, что и собаки мои испытывали тоже самое. Они перестали скулить и, вытянув острые морды, чутко вглядывались в заросли овражной растительности. Оттуда не было слышно ни одного звука. Даже ветер, казалось, остановился рядом с нами заинтригованный происходящим. *Что там?*

К оврагу вела почти неприметная тропинка. Видно, мало кто осмеливался забредать сюда. Да и зачем? Вот и нам не зачем было подниматься и идти по этой тропинке, исчезающей на дне оврага. Однако именно это мы и сделали. За нами двинулся и ветер, шелестя засыхающими листьями и травой. У самого входа в овраг ветер обогнал нас и, проламываясь сквозь бурьян, двинулся вперёд, с каждой секундой усиливая свои порывы. Теперь уже мы шли за ветром гуськом: Угадай, я и Леда.

Еле заметная тропинка иногда совсем терялась среди зарослей, но Угадай всегда находил её снова. Вдруг перед нами оказалось довольно большое пространство, очищенное от бузины и лопуха в человеческий рост. Мы остановились

от неожиданности. Стих и ветер. Собаки снова встали по обе стороны от меня, а мне... пришлось восстановить дыхание и постараться не потерять его вновь, потому как то, что стояло в центре этого пятачка без зарослей не укладывалось ни в какие рамки здравого смысла.

Это было огромное прямоугольное зеркало высотой почти вдвое больше моего роста. Зеркало стояло само по себе, не опираясь ни на что. Оно едва касалось нижней частью земли, создавая ощущение зыбкого парения в пространстве. На меня смотрели удивлённые глаза моего отражения. Когда дыхание восстановилось, мне, наконец, удалось оторвать взгляд от своих же глаз в зеркале и заметить, что **ТАМ** рядом со мной не было собак, хотя **ЗДЕСЬ** они по прежнему стояли рядом, насторожённо приподняв уши. Мой взгляд снова вернулся к отражению – борзых не было! Но не было не только Леды и Угадай, не было и того, что должно было быть за моей спиной – зарослей бузины и бурьяна! Вместо этого **ТАМ** чернело некое подобие входа куда-то, а всё остальное было серой бетонной стеной: ни неба, ни краёв оврага, **ни-че-го!**

«Лабиринт!» – Промелькнуло в моей голове. Почему «лабиринт»? – Не знаю. Вдруг моё отражение повернулось ко мне спиной, и **глаза мои увидели** прямо перед собой каменный коридор. Мои глаза стали глазами отражения, а тело и разум отказывались что-либо делать и понимать. Отражение шагнуло навстречу черноте.

Это действительно был лабиринт. Моё **Я ТАМ** уверенно продвигалось по мрачным коридорам, освещённым неясным, вибрирующим светом, натыкалось на тупики и снова шло дальше. Странно было осознавать себя одновременно в двух местах, двигаться, не совершая никаких движений, не

понимая смысла происходящего. Разум мой в панике оставил последние попытки понять и отключился. И мне была абсолютно безразлична его дальнейшая судьба. Отражение, завладев моим зрением, всё двигалось и двигалось от коридора к коридору, имея, определённо, какую-то цель и не собираясь открывать её мне.

Тревога вновь начала проникать в моё сердце и усиливаться по мере того, как моё зеркальное **Я** всё глубже и глубже проникало в каменное чрево лабиринта. И с каждой новой стеной, выраставшей перед моими глазами, нарастал во мне страх и ощущение неясной угрозы. Уши мои слышали, как тихонько поскуливают борзые, но тело, оставленное разумом, не могло ни двигаться, ни говорить.

Поскуливание собак становилось всё громче и громче, и, наконец, превратилось...в плач! Рыдания и всхлипы стали уже совсем невыносимыми, когда мои глаза там, в лабиринте, увидели того, кто их издавал. В очередном тупике на каменном полу сидела женщина. Она плакала, уткнувшись лбом в колени и обхватив руками голову. Спутанные волосы накрывали её тело, одетое в лохмотья. Отражение протянуло руку и коснулось вздрагивающего плеча. Женщина прекратила плакать и удивлённо посмотрела мне в глаза...

Что было потом, я не помню. Моё сознание словно провалилось в глубокий колодец и падало, падало, пока не достигло дна.

А дно оказалось... рядом с входом в овраг, где и помогли мне очнуться мои верные борзые. Леда скулила и облизывала мне лицо, а Угадай призывно лаял.

Солнце уже почти село. Лежать на холодной и влажной земле было неудобно и небезопасно. Надо было подниматься

и идти домой, что и пришлось мне сделать к вящей радости собак. Разум мой ещё отказывался анализировать происшедшее, а тело было на удивление бодрым и отдохнувшим. Ветерок торопливо бежал впереди. Вдруг словно бы крик заставил меня оглянуться. На вершине холма в сумеречной синеве почудилась мне одинокая фигура, махавшая мне вслед рукой.

Порыв ветра перебил на секунду дыхание и заставил закрыть глаза. Когда же всё стихло, на холме уже никого не было. Только, и по дороге, и по возвращении домой звучало в моей голове одно и то же слово: «Спасибо!» И так покойно, так хорошо было на душе от этого!

А лёгкая печаль, – остаток тревоги, – всего лишь настроение осени...

История тридцать пятая

Море

Я долго к тебе стремилась,
На Божью надеясь, милость.
Ты плакалось мне и снилось,
Волною о берег билось,
Зелёной слезой горючею
Глаза голубые мучило,
Плескалось в глубинах русалкой,
Летало над берегом чайкой.
И вот он, венец ожидания –

С тобой, моё Море, свидание!
В волнении оба застыли.
Прочь вёрсты разлуки и мили!
Щекою к камням прижаться...
В тебе, моя радость, остаться
Русалкою, белой чайкой,
Зелёной морскою галькой,
Солёною капелькой, рыбкой,
Лагуной песчаной зыбкой,
Лоскутиком зелени, тиной
И в дюнах дорогой длинной
И долгой, как наша разлука...
Нас вновь ожидает мука.
Душа моя, боль моя, Море,
Нам вновь разлучаться вскоре!

Старая сказка – Море. Как она притягивает! Как манит к себе! До слёз, до тоски. Есть в этой стихии особое волшебство и сила, заставляющая человека покорно склонить голову.

Моё домоседство несовместимо с этой беспредельной, чарующей сказкой. Но странное знание того, что Море и я – одно целое, не даёт мне порою спокойно жить. Приступы ностальгии, да-да, именно ностальгии, хоть за рождение и жизнь я благодарю Среднерусскую Возвышенность, бывают очень остры и вместе с тем так сладки, что временами воображение рисует невероятные картины моей жизни на берегу Моря. И отчего-то манит и зовёт меня к себе именно Балтика. Не тёплые Средиземное, Чёрное или Красное, не пляжи с песочком и голыми туристами, а суровая Балтика с галькой и валунами, покрытыми мхом, дюнами и северным

ветром. По магии с Балтикой может сравниться, наверное, только Океан.

Погружаясь в ностальгию, я настолько живо представляю себе Море, что кутаюсь во что-нибудь тёплое от ветра и слизываю с губ солёные капли волны, разбившейся о берег. Отчего-то вспоминается Андерсен и его русалка и видится булыжником мощёная улочка между каких-то особенно прямых домов в остроконечных шляпах-крышах. Я могу остановиться здесь и погулять по городу, всматриваясь в готическую вязь вывесок, могу позволить сказке увести меня дальше.

А дальше я в долю секунды обнаруживаю, что смотрю с высоты птичьего полёта на величественный средневековый замок на скале, омываемой с двух сторон морем и переходящей с двух других в пологий склон и равнину. Я слышу, как волны разбиваются о камни и с рёвом уносятся прочь, уступая место следующим... и крики чаек, похожие на плач ребёнка...

Иду по гулким коридорам, кружусь по винтовой лестнице, поднимаясь на башню, вглядываюсь сквозь бойницы в горизонт, ожидая появления маленькой точки – корабля. Ночь сменяет день, проходят месяцы, времена года, а я всё стою и жду. Наконец, морозным осенним утром я вижу долгожданные паруса, знакомые очертания судна и спешу в гавань, чтобы встретить Странника.

Усталое обветренное лицо, лукавые родные глаза и счастье встречи. И вот уже трещат дрова в камине, огромный зал освещён сотнями свечей, тяжёлый дубовый стол уставлен кушаньями и винами. Все, затаив дыхание, слушают рассказ Странника о неведомых землях и невиданных чудесах, о тяготах и невзгодах плавания, о штормах и пиратах. А я вижу

и переживаю все эти рассказы так, словно всё происходит со мной *здесь и сейчас*.

И всегда только этот маршрут даётся мне моим воображением. И всегда только эта последовательность событий. Каждый раз добавляются лишь детали, подробности разговоров и кажется, что вот-вот, и я вспомню... всё. Что это?! – Дорисую, досмотрю фантазии! Откуда вдруг «вспомню»?! быть может, всё это стало таким родным и привычным, что я уже верю в то, что это всё происходило, ... происходит ... на самом деле?

Нет! *Это было! И это есть сейчас! Я ЭТО ЗНАЮ!* Иначе откуда же эта странная и необъяснимая ностальгия по Морю?! И не Средиземному, Красному или Чёрному, а именно по Балтике, суровой, далёкой и такой родной и любимой!

Вот что значит Странноприимный Дом! Верно, Дух Странствий скоро овладеет мной окончательно, и тогда...

Тогда я отправлюсь на поиски средневекового замка на скалистом берегу сурового северного моря. Компас души указывает направление!

Жди меня, Балтика, мы обязательно встретимся... вновь.

История тридцать шестая

Мера Вины

Стразы, алмазы –
Слёзы. Два глаза –
Два изумруда.
Плакать не буду!

Анды, Тибет драгоценных камней Выплакано по дороге моей.

Название истории есть. Есть и сама история, скрытая в названии. И трудно представить себе, что эти два слова вмещают в себя судьбу, жизнь, смысл и того, и другого – их Мэру. Так уж устроено наше сознание, что всё-то ему нужно измерить и определить. Жизнь мы измеряем временем, судьбу – свершениями, их качеством и полнотой. И вот опять слова, несущие в себе так много и... ничего, если это просто буквы, отдельности, не объединённые смыслом.

Качество и полнота, хорошее и плохое, удовлетворительное и не очень, полное и пустое. И как бывает трудно в **Полной Мэре** постичь их смысл! Как часто мы бросаем слова на ветер, не подозревая того, что они уже начали свою жизнь, свою судьбу! Когда же они возвращаются к нам по закону бумеранга, неся с собой и жизнь, и судьбу, мы спрашиваем: «Откуда? За что? Почему?» А ведь это мы сами когда-то выпустили слова на ветер, дали им жизнь, не думая о последствиях.

Осознание ответственности приходит позже, если приходит вообще. Но и в то м и в другом случае мы начинаем винить себя за сказанное или кого-то за содеянное, зачастую не зная Мэры Вины, ища её и устанавливая по своему усмотрению.

Седой сгорбленный старик поставил дрожащими руками на стол чашу из тёмного дерева.

– Надо быть очень осторожным, чтобы ни одна капля не пролилась! Половину своей жизни я потратил на то, чтобы заполнить её. И теперь мне нужно вернуть Мэру туда, где

мне её дали. Но если хоть одна капля прольётся, то мне придётся всё начинать сначала, – сказал Странник, со вздохом усаживаясь в придвинутое мною кресло.

– Вся жизнь моя – странствие, – продолжил говорить гость, согревая руки о бокал с горячим чаем, – сначала я странствовал в поисках счастья, а нашёл лишь горе и нужду, которые причинил самому себе и людям, которые меня любили. Затем я отправился на поиски Меры Вины, чтобы искупить то, что совершил. Теперь я иду вернуть Мера Вины туда, где взял. И, видно, после этого уже придёт конец моим странствиям. Силы мои на исходе, жизнь подходит к концу. Одно заботит меня – успеть бы вернуть Мера Вины, а там и помирать легко будет.

Деревянная чаша, стоявшая перед Странником на столе, была необычной по форме, похожей на фужер, на ножке которого были вырезаны углубления для пальцев, видимо, чтобы удобнее было держать, а может быть, просто стёрлись от времени. Но даже необычность формы никак не объясняла её назначение. Что это за Мера Вины такая? И почему она такая маленькая, если, по словам старца, содержит она искупление того, что содеял он за свою жизнь? Чем наполнена Мера? И чем вообще её надо наполнить, чтобы...

Ну, да послушаем Странника дальше.

– Наполнена эта чаша слезами, – спокойно продолжал старик рассказ, отхлёбывая мелкими глотками чай из бокала, – моими слезами и пониманием сердечным. Кажется – просто. А на то, чтобы наполнить Мера Вины, мне понадобилась половина жизни! Когда я нашёл её, то подумал, что просто мне будет с этим справиться. Оказалось,

что нет. Мера Вины у каждого человека своя. Нет, и не может быть двух одинаковых сосудов. Моя Мера мала ещё по сравнению с теми, какие мне довелось увидеть у Виночерпия. Чем дольше живёт человек без Меры, тем больше она становится! Но каждый получит её в тот или иной срок, какая бы она ни была. Я вижу, что не приходилось Вам слышать ни о Виночерпии, ни о Мере Вины до сих пор. Так слушайте.

Виночерпий этот вроде как человек обликом, но, в то же время и не человек вовсе. Чуждо ему многое из того, что свойственно нам, людям, если не сказать – всё. Сколько он живёт на земле, он и сам уже не помнит. Да и некогда ему ни помнить, ни думать. Занят он день и ночь напролёт тем, что раздаёт пустые Меры Вины и принимает полные. Кто и когда поставил его на эту работу неизвестно, и откуда взялось его прозвище неведомо. Где искать и как найти то место, где Виночерпий вот уже много веков, а то и тысячелетий делает своё дело, не знаю ни я, ни кто другой кто там побывал. Знаю только, что сам я пришёл туда по следам Вины. Как начал мучиться и задумываться над нею, так она меня к Виночерпию и вывела. А он отыскал вот эту, мою, чашу среди других, отдал мне и сказал, чем наполнить Меру и как. Дальше была уже моя забота, – старик допил чай и поставил бокал на стол рядом с Мерой Вины, дотронулся до неё и, погладив тёмную поверхность дерева, продолжил.

– Слёзы и понимание в ней особые, сердечные. Не просто слёзы от жалости к самому себе, а от раскаяния и сожаления. Не просто понимание того, что ты виноват, а такое понимание, которое выворачивает душу наизнанку и заставляет проливать те самые слёзы раскаяния и сожаления. Я почему сказал о слезах от жалости к самому себе. Да

потому что пришлось мне проверить на себе все слезинки до одной. Те, что были от жалости к самому себе, проливались в землю, а не в чашу. И простое признание вины, хотя и это, поверьте, очень непросто, не наполняло её ни на каплю. А как зайдётся сердце оттого, что не можешь изменить содеянное, как поймёшь, что горее скота живёшь на свете, как польются из глаз слёзы, которым удержу нет, так, глядишь, и Мера полнее, и не душе легче становится.

Полжизни я вот так себя испытывал. Теперь иду обратно по тем же следам, но уже с полной чашей. И путь этот легче мне кажется, чем тогда, когда я был молод и силен. Иду с полной чашей, и остерегаться приходится, а всё равно легче. А умирать мне совсем не боязно, наоборот, даже радостно как-то от мысли о том, что жизнь моя к концу подходит. Чудно! Вот только Меру обязательно надо Виночерпию вернуть. Знаю, что выльет он Вину мою в одну огромную общую чашу. Чья уж эта Мер а Вины, не ведаю. Может, Виночерпия и есть. Как наполнит её, так и освободится от работы своей. Может, и так, а может, и нет. Вот дойду, спрошу его обязательно, – закончил свой рассказ Странник, попрощался, взял свою Меру Вины и отправился в путь.

Поступь его была осторожной, но лёгкой, словно бы шёл старец по воздуху, совсем не касаясь земли. И не было у меня сомнения в том, что какая бы Вина не лежала когда-то у Странника на плечах, вся она, в Полной Мере, была теперь в его руках, в деревянной чаше, наполненной пониманием и слезами. А где-то там, куда он шёл, есть, вероятно, и моя чаша...

Если, конечно, всё это не выдумки.

История тридцать седьмая

Мозаика

Я наблюдаю жизнь чуть в стороне, не прячась,
Не вмешиваясь в ход событий, дней,
Не зазывая в дом к себе удачу –
Мне так же без неё, как было с ней.
Мне с горем так же, как со счастьем было,
В слезах я та же, что была смеясь.
Я помню то, что навсегда забыла.
Я потерялась так же, как нашлась.
Я наблюдаю то, что жизнью называют.
Я наблюдаю. Говорят – живу.
Пусть говорят, пускай. Они не знают –
Совсем *иное* жизнью я зову.

Мы сидели на полу в гостиной, Странник и я. Мебель была сдвинута к стенам так, чтобы образовавшееся пустое пространство позволяло свободно делать нам то, что мы делали. А для этого, поверьте, нужно было довольно много места. Чем же мы занимались?

О! Это было очень увлекательное занятие! А мы были похожи на детей, забывших обо всём на свете. И немудрено – мы составляли мозаичную картину из разноцветных камешков, которые принёс Странник. Можно было бы назвать Странника Художником, если бы он сам не отказывался себя так называть. Да и не важно, как он сам себя называл, потому что он **был** настоящим художником! И я всё же назову его Странником-Художником, а вы, конечно же, согласитесь со мной, узнав историю его странствий,

такую же удивительную, как и то, что складывалось на полу в гостиной Странноприимного Дома.

Мозаичное полотно, покрывшее почти весь пол, было удивительно ярким и живым. Оно напоминало мне стереоскопические открытки из детства тем, что меняло своё изображение в зависимости от угла зрения. То это было панно, композиция из жизни каких-то странных существ явно неземного происхождения, то вдруг оборачивалось великолепным пейзажем с такой реальной перспективой, что хотелось немедленно отправиться осматривать окрестности. Слегка изменив угол зрения, мы попадали на тропический остров, где воздух звенел и дышал многоголосым шумом его обитателей, а, повернув голову в другом направлении, мы видели, как картина оживала вдруг батальной сценой средневековья или звоном колоколов монастыря, расположенного посреди соснового бора.

Можно было часами любоваться жизнью одной из картин, причём жизнью в полном смысле этого слова – изображение не было статичным. Мы словно смотрели фильм в хорошем кинотеатре, где эффекты техники создавали иллюзию нашего присутствия в действии. А можно было просматривать эти картины как слайды, переходя от одной части полотна к другой или просто поворачивая голову. Странник-Художник, порой, и сам не знал, что мы увидим в тот или иной момент. Он создал чудо, жившее собственной жизнью, своего рода окно в иные миры и времена. Во схищении моему не было предела! У меня на глазах рождалось волшебство, а кудесник был самым обычным человеком, конечно, немного странным, но, в общем, самым обычным.

Каждый камешек, вложенный в мозаику, имел своё определённое место и собственную историю, достойную

Странноприимного Дома. А наблюдая за построением картины, можно было сказать лишь одно: только Странник-Художник способен собрать все части в единое целое. Никто другой, даже зная историю камней, не сможет сделать этого, как бы ни старался. Почему? Да потому что мозаичное полотно – это история странствий Художника, и каждый камешек – это событие его, и только его! – жизни. Именно поэтому были живыми картины мозаики: *живое полотно из живых камней!*

Нельзя сказать, что все камни были драгоценными или полудрагоценными, хотя попадались среди них и такие. В основном это была обычная, отшлифованная временем, галька. Драгоценными они были в ином смысле, в смысле важности значения каждого из них для жизни полотна. Однако все камни так идеально подходили друг к другу по форме, что можно было даже заподозрить их искусственную подгонку, если бы не рассказ Странника и не поразительный эффект картины.

Первый камень, – основа всего, – располагался в левом нижнем углу мозаики. Странник нашёл его, будучи ещё ребенком, во время игры на улице. Мальчик тогда просто положил камень в карман и забыл о нём на какое-то время. Обнаружила камешек мать, собираясь стирать брюки, и хотела выбросить, но отчего-то не смогла и положила его сыну на стол. Вот тогда-то и было положено начало странствию Художника.

Вернувшись домой из школы, мальчик обнаружил камень на столе и так увлёкся, разглядывая его, ощупывая, поглаживая пальцами гляцевую поверхность, что не

заметил, как наступил вечер. Ложась спать, он положил камень под подушку, и ночью...

Ночью снились ему удивительные сны о дальних землях, мирах и пространствах. В тех снах картины являлись ему мозаичным полотном, очень похожим, по его словам, на то, что было теперь сложено на полу моего дома. А главным, краеугольным камнем картины, был тот самый гладкий камешек серовато-белого цвета с красно-коричневыми точками и прожилками, что нашёл он когда-то во дворе, и который лежал у него под подушкой во время сна.

Спал маленький Странник, как и все дети, о бычно без сновидений или не помнил того, что видел во сне, когда просыпался. Но в тот раз всё было иначе. Живая мозаичная картина врезалась ему в память и послужила своеобразной картой странствий. Проснувшись, мальчик уже знал, чем будет заниматься в жизни – поиском камешков и составлением мозаики, увиденной во сне. Знал он и то, как будет искать следующие камни. Для этого нужно было всегда носить с собой первый камешек, а уж он подскажет ему, где и как найти следующую частичку мозаики.

С тех пор всё, что случалось в жизни Странника, служило как бы фоном его основной цели. И, надо сказать, всё и всегда складывалось так, что результатом тех или иных событий был новый элемент картины, который он находил благодаря счастливым или не очень счастливым обстоятельствам. Первенец вёл его безошибочно и точно. Постепенно мозаичное полотно Художника обрело, наконец, тот вид, в котором предстало уже предо мной.

Чудо состояло ещё и в том, что, несмотря на постоянный поиск и все, связанные с ним, трудности, несмотря на долгие годы странствий, а с тех пор минуло уже двадцать лет,

Странник выглядел очень юным, почти мальчиком. А по отношению к жизни и к тому, что он делал, он всё так же оставался мальчишкой, который отправился когда-то на поиски приснившейся ему мечты. Там, где обычный человек увидел бы горе, радость, проблемы или их решение, Художник видел лишь средство для достижения цели. И переносить все тяготы жизни ему было легко и просто, потому что знал он: в конце пути его ждёт награда, – ещё один камешек в мозаику из сна.

И вот теперь, на полу у наших ног лежало почти законченное полотно, поражающее воображение. Недоставало лишь нескольких элементов в правом верхнем углу, что, в общем, не портило впечатления, но, по словам Странника, не позволяло во всей полноте насладиться удивительным зрелищем. Как по мне, так и этого было вполне достаточно, для того, чтобы понять, что жил творец не напрасно.

Но Странник-Художник должен был закончить свой труд, о результатах которого можно было строить разные предположения и догадки. Что будет с ним, когда мозаика будет собрана полностью?

– Положит ли завершение работы начало новой мозаике, новому поиску иной картины, или это полотно оживёт окончательно, явив собой подобие входа в иные миры? Такие мысли всё чаще и чаще теперь начинают беспокоить мой ум, – сказал мне Странник, удовлетворённо потирая руки и любуясь своим творением. – Но я нахожу покой в дороге, а первенец говорит мне, что всё, что я делаю, имеет смысл. Просто не пришло для меня ещё время постичь его.

Живое мозаичное полотно излучало свет, переливаясь всеми цветами радуги. И мысль о том, что возможно перед нами находится незаконченный вход в иные миры, совсем не казалась мне абсурдной.

История тридцать восьмая

Искалеченный Дух

Где-то бушует шторм,
Где-то гремит гроза.
Отзвуком – в сердце гром,
Отплеском – дождь в слезах.
Где-то кричит беда,
Криком сдвигая миры.
Следом и по следам
Сдвиги сердечной коры.
В центре Земли – пожар!
Как его потушить?!
Маленький земной шар,
Спрятать тебя разреши!

Боже мой! Такого ужасного зрелища не приходилось ещё мне видеть никогда в жизни! О! Если бы Он мог умереть! Это, конечно, было бы для Него счастьем, несомненным счастьем. Но вся беда в том, что *Дух вечен*.

Одного взгляда на Него было достаточно, чтобы пережить все чувства, на которые только способен человек! Горе, ужас, страх, боль, негодование, ненависть, отвращение и...

жалость, сострадание, любовь и... радость, слившись в одно,
стали одним, – как откровение! – Скорбью!

Скорбь – это когда ты уже не можешь плакать.

Скорбь – это когда ты уже перестал ненавидеть.

Скорбь – это когда ты жалеешь то, что когда-то вызывало
у тебя отвращение.

Скорбь – это когда радость от открывшейся вдруг в тебе
любви к врагу заставляет тебя осознать ужас содеянного в
злобе и невозможность исправить.

Скорбь – это глубины бессилия всех иных чувств.

Как Он мог быть прекрасен, и как был Он прекрасен в тех,
кто любил. И эта Его красота, величественная,
нечеловеческая, сложенная из красоты миллионов людей,
изуродована, искалечена миллионами.

Скорбь!

Он обречён скитаться во мраке чувств в поисках
проблеска чистоты и света.

Скорбь!

Он обречён вновь и вновь рождаться в трущобах, заранее
зная свою судьбу, уродливую, похотливую, заразную.

Скорбь!

Он обречён страдать и страдать, воплощаясь в зачатках полуживотного сознания, совсем Его не замечающего, калечащего Его, убивающего бесконечно.

Скорбь!

Чем я могу помочь Тебе?! О, Великий! Или мои усилия – капля в море?!

Молчишь.

Ну по чему Ты молчишь?! И зачем Ты дал мне увидеть себя таким, каков Ты есть, без прикрас и шелухи желаемого?! Неужели же лишь для того, чтобы поселить во мне **Скорбь**?! Скорбь от видения младенцев без будущего и их родителей без настоящего; скорбь от осознания бесполезности усилий открыть их гноящиеся глаза и показать Свет...

Скорбь! Скорбь! Скорбь!

Боже мой! Как я люблю Тебя, Светлый, Чистый, Прекрасный! И как бо льно мне, глядя на Тебя, на Твою поруганную чистоту и красоту! Я знаю, Ты можешь всё. Но для чего Ты не сделаешь нас такими же чистыми, как Ты сам, изначально?! Или в этом есть тайный смысл Твоего Бытия? Некое равновесие начал? Но почему же мне тогда так больно смотреть на Твои раны? Откуда же тогда эта всеобъемлющая **Скорбь**?!

Искалеченный Дух. А может быть Ты – это начало моего сумасшествия? Нет, скорее его конец. Поистине, можно сойти с ума, глядя на Тебя и силясь постичь Твои тайны!

Стой! Но, что я вижу – моё отражение и отражение мира, в котором мы все живём?! А сам Ты всё так же чист и сверкающе прекрасен, как серебряное зеркало! Так?

– Каким ты хочешь меня видеть, таким я и буду, – пронеслось вдруг эхом по комнатам Странноприимного Дома и осело в душе. – Ты можешь сделать всё, что в моих силах. А я, воплощение Жизни, не сделаю и крупитцы того, что под силу тебе. Я питаю тебя своей чистотой, и только. Я – свежий ветер окраин, запах цветов и пенье птиц. Я – язвы на теле прокажённого и зловонное дыхание бродяги. Сделай меня таким, как ты хочешь! А я был и остаюсь тем, **что есть**. Искалеченный дух – твои слова, твоё отражение мира. И я таков – это Истина. И я другой – это тоже Истина, но в ином проявлении. Смотри в свою душу, и ты увидишь мир таким, какова твоя душа.

И скорбь ушла. А Он, растворившись в пространстве, стал Светом, наложенным на Темноту, совмещая несовместимое. И оказалось, что нет полюсов, а есть два плана, существующие одновременно. И так во всём: от начала, которого нет, до конца, которого никогда не будет.

Оказалось, что есть только жизнь, познание того и другого **здесь и сейчас**. А выбор? – Выбор всегда за нами.

История тридцать девятая

Ноты мироздания

Отзвучала земная песня
Фальшью звука. Рассохся, треснул,
Отстрадал свое, отслужил
Инструмент из костей и жил.
Отыграл свое, отработал...
Музыкант неземное что-то
Отыскал где-то в струнах души.
Растревожил и разворошил
Недоступные прежде глубины.
Извлекая мелодию, сгинул,
Растворился, гармонией став,
С глубиною уста в уста...

Стук в дверь прервал размышления, но не испугал меня. Странников с добрым сердцем мои собаки, как правило, встречают, виляя хвостами и подставляя головы для дружеского почесывания за ушами. И если уж проводили Леда и Угадай кого-то до самой двери дома, то это значит, что человек, стучавший в нее, имеет доброе сердце и благие намерения. Ни разу ещё не было по-другому.

На пороге стоял запыленный и усталый человек с добрыми сияющими глазами, скрипичным футляром в одной руке и широкополой шляпой в другой. Русые волосы спадали на плечи, делая Странника похожим на эльфа, но густая щетина, покрывавшая его скулы и подбородок, не позволяла усомниться в том, что передо мной все-таки стоял человек. За его спиной висела кожаная котомка на толстых лямках.

Длинные полы плаща почти касались пыльных ботинок. Сло в м путник явно пр о еш не о ду пару миль и совершенно очевидно нуждался в отдыхе.

– Я музыкант. – Поведал мне Странник уже за ужином, потому как не в моих правилах заводить беседу с гостем, не дав ему умыться и привести себя в порядок. Вот когда человек смыл с себя слой усталости вместе с дорожной пылью, когда согрелся в уюте моего дома, когда на лице его играет улыбка покоя, тогда рассказ его льется, словно солнечный свет на землю ранним летним утром и получается удивительным, как само пробуждение Земли.

– Я музыкант, – повторил гость, как будто увидел на моем лице гримасу сомнения, – но музыкант необычный, как вы уже, я думаю, изволили заметить. Я странствующий музыкант. И странствие мое продиктовано, знаете ли, не совсем обычными изысками.

– И что же Вы ищете?

– Ноты... Да, да, ноты, – ответил Странник, увидев мое удивление. – Вот так же, как вы удивляются все, едва слышат о причине моего странствия. Конечно, всем давно известно, что существует звукоряд, состоящий из тонов, полутонов, которым люди дали название и записали значками на бумаге, назвав нотами. И искать их не надо, правильно. Достаточно взять любой инструмент и извлечь из него звук, написанный на нотной бумаге, или же сначала извлечь звук, а затем уже написать его, как это делают композиторы. Но я говорю не об этих значках на бумаге, вернее, и о них тоже, но несколько в ином смысле. В детстве, изучая нотную грамоту, мне было непонятно одно – откуда взялись эти ноты изначально? Кто дал человеку слух и возможность различать тончайшие оттенки звуков того, что

его окружает? И можно ли описать звуками мироздание так, как это делают поэты, художники, передавая словом и красками своё восприятие мира. Вы недоумеваете? И есть от чего. Ведь многие композиторы гениально делали именно то, что мне было непонятно. Но в этом-то весь вопрос и состоит – как они это делали? Как они находили нужные ноты для музыкального описания бури, ясного дня, пения птиц и, наконец, богатства переживаний человека? Еще тогда, в детстве, я очень часто задумывался над этим и пытался искать в том, что меня окружает нужные ноты, записывал их, но всё выходило как-то сухо и не имело жизни. Поверьте, я был неплохим концертирующим музыкантом, меня любили и говорили, что мое исполнение отличается живостью и чувством, а мои сочинения – наполнены глубиной и смыслом. Возможно, для кого-то это и стало бы той заветной вершиной, к которой стоило бы стремиться годами. Но я всё время ощущал неудовлетворение. Мне всё время хотелось понять нечто большее, постичь тайный смысл языка музыки, рождённый, как и всё вокруг, из глубин природы, мироздания. И вот, в один прекрасный день, я бросил всё и, взяв с собой лишь свою скрипку и самое необходимое, отправился странствовать в поисках того, что не давало мне покоя. Мои поиски увенчались успехом. Я понял, как надо играть и откуда берется музыка. Но объяснить этого словами просто невозможно. Это можно только услышать и увидеть одновременно. Если хотите, я покажу вам ноты мироздания. Неподалеку от вашего дома я видел озеро – великолепный пейзаж, способный дать нам незабываемые минуты погружения в его музыку. То, что я делаю, можно отчасти сравнить с живописным полотном, с той лишь разницей, что художник, рисуя с натуры, имеет счастье увидеть

запечатлённое им ещё р за А я нико да не смогу воспроизвести то, что влилось в меня в том или ином месте снова. В этом есть и радость, и грусть, и печаль, и тревога – всё, что есть в самом мироздании, неизменном и никогда не повторяющемся вновь.

Говоря это, Странник как будто светился внутренним светом и был необыкновенно прекрасен и молод, словно могучая сила его искусства питала его изнутри, делая моложе. Он снова напомнил мне эльфа, чистое и светлое сказочное существо. Когда же мы вышли к озеру, и Странник достал из футляра скрипку, то образ эльфа стал ярче и явственнее, а сказка пришла, не заставив себя долго ждать, с первым звуком, неясным и робким, но уже таинственным и влекущим за собой. Следующий звук был увереннее, за ним последовали легкие мазки триолей и мягкие пассажи, живописующие краски заката. Странник вглядывался в природу и играл то, что видел. Вот первые звёздочки зазвучали под смычком россыпью пиццикато. Вот солнце вспыхнуло в последний раз переливом арпеджио и погрузилось за горизонт низкими и долгими звуками. Легкий ветерок пробежал по озеру, отозвавшись глубокими и настойчивыми тонами, и зашелестел листьями берез, переливаясь на струнах пентатоникой. Показавшаяся на горизонте тучка выплыла из под смычка вязкой и расплывчатой мелодией и зависла долгим и протяжным звуком над самой водой...

Музыкант играл, растворяясь в окружающей его природе, считывая ноты прямо из первоисточника! Ничего подобного прежде мне не доводилось слышать. Удивительная соната рождалась из ниоткуда и уходила в никуда, пробуждая в душе чистое понимание сути вещей, невыразимое словами. И

Странник был абсолютно прав, говоря, что воспроизвести это вновь невозможно. Это можно было бы назвать импровизацией, если бы ноты мироздания не были записаны на невидимой глазу ткани Вселенной. Единство звука, динамики изображения, запахов вечерней природы и чувств, вызванных всем этим, в совокупности своей рождали ни с чем не сравнимое произведение искусства, которое и должно было исполняться только один раз, одно единственное мгновение, в которое существует каждая воспроизведенная природой нота. Казалось, что и сам исполнитель сливается в единое целое с музыкой мироздания. Призрачная фигурка скрипача эльфа, размытая сумерками, виделась мне неясно, а временами совсем пропадала вместе с каким-нибудь особенно трепетным звуком и появлялась вновь в многозначительных паузах. Даже собаки, устроившись рядом со мной, внимательно слушали скрипку, ни разу не шелхнувшись. Музыка могла длиться вечно, живописуя секунды изменений в природе. Но вот последний звук повис в воздухе над озером каплей белёсого пара и упал, разойдясь кругами по воде: неистово в первом и успокоившись окончательно в последнем ...

Соната закончилась. Погрузившись в тишину, мы долго молчали, не двигаясь и не произнося ни единого слова. Никто не решался первым нарушить это благоговение. И неизвестно, как долго мы пребывали бы в оцепенении, если бы не Леда. Борзая первая нарушила тишину залиvistым и восторженным лаем – собачьими аплодисментами, тут же подхваченными её дружкой Угадаем. Музыкант поклонился благодарным слушателям с улыбкой на прекрасном лице, и только после этого мы двинулись домой. По дороге также не проронили ни звука, только собаки, словно вернувшись в

свою щенячью молодость, всю дорогу носились вокруг нас в совершенном восторге. Моя же душа пребывала в состоянии абсолютного умиротворения.

Заговорили мы вновь только за чаем.

— Теперь вы понимаете, что я имел в виду, говоря о нотах мироздания? И можно ли сравнить удовлетворение, которое получаешь, играя на сцене с тем, что испытываешь, читая с листа Вселенной? Это – настоящее счастье творчества. Пусть зачастую этого не слышит никто, кроме меня. Это не главное. Главное, что каждый раз я играю то, что ещё не играл никогда. И знаете, мне, порой, кажется, что я растворяюсь в музыке совершенно, распадаюсь на элементарные частицы и сливаюсь с мирозданием всем своим существом. Возможно, это просто иллюзия. Но отчего-то мне кажется, что когда-нибудь я сыграю последнюю в своей жизни сонату, обратившись с последней нотой в звук, в ничто, и во всё... во всё, что я видел, чувствовал, переживал и играл когда-то.

Проводить Странника на следующий день было выше моих сил, и он, почувствовав это, подарил мне еще три незабываемых дня, сыграв концерты нарождающегося утра и знойного июльского полдня. При расставании же мне показалось, что гость мой стал еще больше походить на эльфа, и подумалось, что вполне вероятно то, о чём говорил он мне в день нашей встречи после вечернего концерта на берегу озера. Мастерство его, оттачиваясь при помощи самой природы, достигло уже того уровня совершенства, за которым лежала только бесконечность. И это настоящее счастье – раствориться в творчестве мироздания, став одной единственной его нотой и абсолютно всем, что видел,

чувствовал и переживал за всю свою жизнь. Главное только, чтобы эти чувства звучали в унисон с мирозданием.

История сороковая

Шар Истины

Свой тайный смысл открыла мне дорога –
Путь в никуда, ни с кем, в себе самой...

– Я не могу подарить Вам его, – ответил Странник на мою просьбу. – И не подумайте, что я не делаю этого, потому что мне жалко или хочу попросить у Вас плату. Просто, этот Шар Истины *принадлежит мне*. Он – творение моих рук, плод многолетнего труда и поиска. Я сделал его таким. В чужих руках он потеряет смысл. И, может даже случиться так, что исчезнет совсем. Да и как это можно сделать – подарить или продать Шар Истины?! Невозможно? Это понятно каждому, кто знает ему цену.

Мне стало неловко от своей просьбы и стыдно за себя. Вообще-то не в моих правилах просить что-либо у странников. Достаточно того, что они приходят ко мне в дом и рассказывают свои истории. Но в этот раз, поверьте, удержаться было просто невозможно. То, что показал мне этот Странник, было изумительно прекрасным. Сначала Шар, который он достал из рюкзака, был обычным, стеклянным на вид, шаром средних размеров – чуть больше ладоней, сложенных наподобие сферы. Странник вложил его в деревянную подставку с углублением посередине и как бы погладил шар со всех сторон, что-то шепча и, как мне

показалось, даже напевая. Шар под его руками начал медленно оживать изнутри, словно наполняться перламутром. Жемчужные волны, отливая всеми цветами радуги, постепенно заполняли шар снизу. А когда перламутр наполнил сферу, то передо мной на столе в деревянной подставке лежало подобие огромной жемчужины. И можно было бы принять шар именно за жемчужину, если бы не его размеры и то, что происходило у него внутри. Перламутровые волны циркулировали там, подчиняясь какому-то, им одним понятному, закону. Они то устремлялись к центру и вверх, изливаясь по стенкам шара чудесным водопадом, то закручивались в спираль, то, замирая на мгновение, начинали раскачиваться из стороны в сторону, ускоряя движение до визуальной неподвижности.

Шар Истины был наполнен непонятной жизнью, имевшей вид перламутрового геля или плазмы. То, что это была живая субстанция, не вызывало абсолютно никаких сомнений. Мало того, созерцание Шара Истины приносило несказанный покой и удовлетворение, внутреннюю гармонию и чистоту, словно бы эти волны заполняли каждую клеточку моего существа, вымывая без остатка всё, что ему было ненужно и даже вредно. Сознание же моё, погрузившись в жизнь волн на короткое время, унеслось в такие дали, что, возможно, и не вернулось бы, если бы не Странник, вовремя накрывший Шар Истины куском чёрного бархата. Не удивительно, что после всего этого мне не удалось сдержаться и высказать нелепую просьбу о подарке.

– Шар Истины есть у каждого человека, – начал свой рассказ Странник. – Другое дело, что не каждый об этом знает или хочет узнать, как, например, Вы. Истина же – одна для всех, та субстанция, что наполняет Шар изнутри.

Разными могут быть размеры Шара, но не его суть. И, пожалуйста, не путайте понятия *Истина* и *Правда*. О Правде здесь речи нет никакой. Она может быть такой же различной, как и люди, имеющее это понятие. Каждый человек имеет свою Правду – вот это уже Истина! Истину нельзя выразить словами, а Правду – можно. Бывает так, что чья-то Правда в глазах другого будет выглядеть самой настоящей Ложью, а, следовательно, Правда и Ложь – две стороны одной медали. А теперь попробуйте найти антитезу Истине. Могу Вас уверить, что сколько бы вы не пытались – не найдёте. ***Антитезы Истине нет!*** Конечно же, Вы можете со мной не согласиться, сославшись на то, что мир наш по природе своей дуалистичен, и всё-таки продолжите поиски антитезы Истины. А в конце поиска Вы будете иметь свой собственный Шар Истины, наполненный точно такой же субстанцией, как и этот. Вот это – начало. Именно так начал свой поиск и я. И вот перед Вами результат моего пути на сегодняшний день. Можно было бы, кажется, уже и остановиться. Но Шар растёт по мере того, как я добавляю в своё сознание новые находки, а, следовательно, есть и стимул для дальнейшего поиска. Вопросы: «Каковы максимально возможные размеры Шара Истины?» и «Есть ли вообще предел его роста?» заставляют меня двигаться всё дальше и дальше по этому пути. Однако если же Вы или кто-то другой спросите меня о том, что же такое Истина, то я не смогу ответить на ваш вопрос. Ответа, в обычном нашем понимании, не существует. Единственное, что я смогу сделать – показать свой Шар Истины. И человек, испытав то, что испытали Вы, поймёт или, по крайней мере, почувствует, что Истина всё-таки существует. Возможно, что это понимание отправит его или Вас на поиск собственного

Шара. Это, на мой взгляд, лучшее, что может сделать человек со своей жизнью. Этот поиск не нужен самой Истине – мы нуждаемся в нем. А Истина ведь всегда рядом, и Шар постоянно висит перед нами в пространстве. Надо лишь только протянуть руки и сомкнуть вокруг него ладони. Попробуйте сделать это сейчас.

Мне было неловко и в то же время смешно. Предложение Странника было одновременно и заманчивым, и нелепым. Но, кто знает, может быть, мы и не видим ничего подобного перед собой в силу того, что просто-напросто не знаем, что мы должны увидеть? А что если попробовать?

Буквально через две секунды после того, как мои ладони, сложенные вместе были вытянуты вперёд, в них оказалось что-то незримое, но очень тёплое и увесистое. Пальцы охватили невидимую сферу, и в ладонях моих начала пульсировать жизнь!

– Вот видите, получилось, – улыбаясь, заметил Странник, – ничего, что на самом деле Вы всё-таки ничего не видите. Это – пока. Со временем Шар, наполняясь Истиной Вашего осознания, станет проявляться и расти. Главное – не останавливать поиск.

История сорок первая

Оборотная ведомость по расчётным счетам

(вместо эпилога)

Сегодня на меня навалилась тоска. Заканчивается моя тетрадь, и вместе с ней заканчивается моя спокойная жизнь от ожидания до ожидания. Я отправляюсь в странствие, оставляя свой Странноприимный Дом на попечение двух юных созданий, – молодой пары, совсем недавно соединившей свои сердца, руки и судьбы. Они просто переполнены счастьем! А рядом с ними, в пространстве, уже живёт третий. Ни он, ни она ещё не знают об этом. Но третий, решивший родиться мальчиком, появился в моём доме незадолго до того, как пришли они. Он и она нашли друг друга, а Странноприимный Дом обрёл в их лице новых хозяев.

Всё так и должно было случиться. Моё странствие было предопределено. А когда дорога стала нетерпеливой, то в доме появился ещё не родившийся мальчик, а следом пришли и его будущие родители.

Оборотная ведомость по расчётным счетам. Эта тетрадь оказалась у меня под рукой, когда заговорили вдруг странники. Осознание того, **что это за тетрадь**, пришло позже, а символичность линованных страниц встала передо мной в полный рост только теперь. Номера по порядку, наименования счётов, дебет и кредит, остаток в начале и несократимый остаток в конце – не есть ли это моя жизнь и жизнь каждого человека вообще?! Не так ли отправляются в странствие?

В начале – это полный список счетов и фиксация того, что получено по ним, и что отдано. И только пересмотрев все эти счета, все до одного, можно понять, что несократимый остаток всего есть Любовь к Дороге, которая сейчас и зовёт

меня с неистовой силой. Таковы были мои странники. Такова теперь и моя судьба.

А тоска... тоска неизбежна, поскольку оборотная ведомость по расчётным счетам закрыта, и дом мой, свидетель сложной бухгалтерии моей жизни, уже готов открыть новую тетрадь для других. Расставание всегда тягостно, тем более, если это расставание с эпохой. Но есть и радость, есть и счастье. Эту радость, и это счастье мы делим сейчас на всех: я, Странноприимный Дом, он, она и мальчик, который ещё не родился.

Я уйду, унося с собой солнце счастья. Оно согреет меня в пути и осветит дорогу, которую проложили те, кто идёт впереди. Но эта дорога только моя, и, поскольку я в самом её начале, то по ней ещё никто не прошёл. Нет ни ориентиров, ни карты. Есть полное бездорожье и туман. Вы скажете, какая же это тогда дорога? Дорога, конечно, дорога! И ноги мои, чувствуя её зов, уже готовы пуститься по ней, не боясь ничего.

Прощай, мой Странноприимный Дом. Нам было хорошо вместе. Ты научил меня слушать странные рассказы, искать соответствие им в душе и терпеливо ждать своего часа.

Прощайте, Леда и Угадай, мои верные борзые. Я не могу взять вас с собой, поскольку вы – часть Странноприимного Дома, тем более, вы тоже ожидаете прибавления в семействе.

Прощайте, мои счастливые молодые друзья и ты, ещё не родившийся мальчик. Пусть всё будет так, как вы задумали, и пусть счастье, частичку которого я беру с собой в дорогу, никогда не покидает вас.

А если вдруг по старой памяти заглянет сюда ещё кто из странников, примите его с любовью. И пусть расскажет он

вам историю своего странствия, а вы запомните её хорошенько. Кто знает, быть может, послужит она началом новой тетради – оборотной ведомости по расчётным счетам. Их ещё осталось несколько в дальнем чуланчике Странноприимного Дома.

Бог весть, как они там оказались...

Зачем иду, куда – сама не знаю,
Но разошлись уже моя дорога
И путь, которым шествует весь свет.
И мне назад дороги больше нет,
Как нет уже и отчего порога,
Что ностальгией мою душу мает.
Моя тропа извилиста, крута.
Обочиной по ней горы отвесы.
Нет впереди уюта мягких кресел.
За шагом шаг, а сзади – пустота.
Тропа за мной теряется в обвалах.
А впереди расщелина миров.
И видно там потерянный мой кров,
Тот, о котором я так тосковала...

2002 – 2003 гг.